16+

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2025

Издается с 2002 г.

Учредитель и издатель:
Московский педагогический государственный университет

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

Педагогика

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания

Филология

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Когнитивные науки

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки)

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77–67769 от 17.11.2016

Адрес редакции:
109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу «Пресса России» – **85006**

© МПГУ, 2025

ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2025

The Founder and Publisher:
Moscow Pedagogical State University

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia, Verhnyaya Radishchevskaya str., 16–18, room 223, 109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

© MPGU, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; заведующий лабораторией типологической и теоретической лингвистики Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва; ведущий научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, г. Москва

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – кандидат филологических наук; научный сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Государственного университета просвещения, г. Москва

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград

Алексей Александрович Коренев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Laboratory of Typological and Theoretical Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; leading researcher at the Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – PhD in Linguistics; researcher at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

Ф.В. Байков
Отрицательные и неопределенные местоимения внутри группы прилагательного в современном русском языке: экспериментальное исследование 9

Т. Балек, А.В. Циммерлинг
Несовершенный вид и квантификация объектов: русский и сербский языки 38

А.А. Гиппиус
Берестяная грамота № 579: поправка к прочтению и ее лингвистические следствия 60

В.Б. Крысько
К истории древнерусской Лествицы. Экстратексты кодекса Рум. 198 и рукопись Рум. 199 70

Д.К. Поляков
«Ну, как вам съездилось, Лидия Андреевна?»: безличный модальный пассив глаголов совершенного вида в русском художественном тексте 98

О.И. Стремянова
Слова *шайка*, *бадья* и *таз* в русском языке: история происхождения и развитие значений 122

Contents

LINGUISTICS

F. Baykov
NCIs and NPIs embedded inside AdjPs in Russian:
An experimental study 9

T. Balek, A. Zimmerling
The imperfective aspect and object quantification:
Russian and Serbian 38

A. Gippius
Birchbark letter No. 579: A corrected reading
and its linguistic implications 60

V. Krysko
On the history of the Old Russian Ladder:
Extratexts of the codex Rum. 198
and the manuscript Rum. 199 70

D. Polyakov
“Nu, kak vam s”ezdilos’, Lidiya Andreevna?”:
Impersonal modal passive
of perfective verbs in Russian literary text 98

O. Stremyanova
The words *shaika*, *bad’ya* and *taz*
in the Russian language:
The history of origin and development of meanings 122

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37
УДК 81-114.4

Ф.В. Байков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Отрицательные и неопределенные местоимения внутри группы прилагательного в современном русском языке: экспериментальное исследование

Статья посвящена синтаксическому эксперименту, направленному на сравнение свойств единиц отрицательного согласования (вроде отрицательных *ни*-местоимений в русском языке) со свойствами отрицательно поляризованных единиц (таких как неопределенные местоимения на *-либо*) в контексте ограничений локальности, накладываемых на дистантные синтаксические зависимости. Результаты эксперимента демонстрируют, что ограничения, обязательные для отрицательного согласования, в случае лицензирования отрицательно поляризованных единиц могут и не выполняться, а сам запрет на лицензирование сентенциальным отрицанием отрицательных местоимений, содержащихся внутри группы атрибутивного прилагательного, является именно синтаксическим ограничением и не связан с действием неграмматических факторов: предложения с отрицательными местоимениями внутри группы атрибутивного прилагательного получают низкие оценки, тогда как полностью идентичные им во всех остальных отношениях предложения с неопределенными местоимениями оцениваются значимо выше.

© Байков Ф.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: русский язык, отрицательное согласование, отрицательно поляризованные единицы, группа прилагательного, атрибутивные прилагательные, неопределенные местоимения, отрицательные местоимения

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Автор благодарит своего научного руководителя Е.А. Лютикову за внимание, поддержку на всех этапах исследования и ценные рекомендации. Кроме того, автор признателен участникам практикума по экспериментальному синтаксису 2021 и 2023 г. за помощь в подготовке и проведении синтаксических экспериментов, а анонимному рецензенту – за конструктивные замечания.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байков Ф.В. Отрицательные и неопределенные местоимения внутри группы прилагательного в современном русском языке: экспериментальное исследование // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 9–37. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37

F. Baykov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119899, Russian Federation

NCIs and NPIs embedded inside AdjPs in Russian: An experimental study

The article presents a syntactic experiment aimed at comparing the properties of NCIs (exemplified by Russian negative *ni*-pronouns) with those exhibited by NPIs (such as Russian indefinite *libo*-pronouns) in the light of the constraint on licensing NCIs contained within an attributive adjective phrase by sentential negation. The experimental results clearly indicate that the locality restrictions on negative concord are not imposed on the process of NPI licensing. Moreover, the ban is a genuine syntactic constraint irreducible to an effect of any extragrammatical factors: sentences with NCIs embedded within attributive AdjPs receive low scores, while sentences with NPIs that are completely identical in all other respects are rated significantly higher.

Key words: Russian, Russian syntax, negative concord, negative polarity items, adjective phrase, attributive adjectives, negative indefinites, indefinite pronouns

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the RSF project 22-18-00037 “Parametric Model of Agreement in Light of Experimental Data”, implemented at Lomonosov Moscow State University.
The author would like to express his gratitude to his scientific supervisor E.A. Lyutikova for her attention, support at all stages of the study and valuable recommendations. In addition, the author is grateful to the participants of the 2021 and 2023 experimental syntax courses for their assistance in preparing and conducting syntactic experiments, and to the anonymous reviewer for constructive comments.

FOR CITATION: Baykov F. NCIs and NPIs embedded inside AdjPs in Russian: An experimental study. *Rhema*. 2025. No. 1. Pp. 9–37. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37

1. Введение

Во многих языках мира встречаются лексические единицы и синтаксические явления, которые проявляют чувствительность к полярности предложения. Их дистрибуция в различных контекстах ограничена, в частности, тем, что они могут встречаться, например, в отрицательных, но не в утвердительных предложениях (или наоборот). В русском к ним относятся отрицательные местоимения и наречия на *ни-* (1a)[1] [Падучева, 2017], а также оформленные генитивом подлежащие неаккузативных глаголов и прямые дополнения переходных (1b) [Падучева, 2006] и вводимые союзом *чтобы* сентенциальные актанты при глаголах вроде *слышать* (1c) [Dobrushina, 2012, sec. 3.3.2] и т.д.

(1) a. Вася *(не) решил никакую задачу.

b. Ответа на этот вопрос Вася *(не) получил.

c. Вася *(не) слышал, чтобы Петя решил бросить университет.

Однако классы контекстов, в которых могут употребляться такие единицы, все же различаются. Выражения, употребляющиеся преимущественно (или исключительно) в отрицательных предложениях, принято делить на две группы [Giannakidou, 2011, p. 1684; Россяйкин, 2021, i.a.]: отрицательно поляризованные единицы (англ. *negative*

[1] Здесь и далее астериск, стоящий непосредственно перед скобкой, указывает на обязательность заключенного в скобки материала, при опущении которого предложение становится неграмматичным.

polarity items, *NPI*), для грамматичного употребления которых важны семантические свойства контекста (нисходящая монотонность или неверидикативность)[2], и единицы отрицательного согласования (англ. *negative concord items*, *NCI*), требующие наличия именно отрицания (а не какого-либо другого оператора) в той же минимальной финитной клаузе.

Основное различие между NPI и NCI состоит в том, что NPI, в отличие от NCI, употребляются не только в отрицательных предложениях, но и в целом ряде других контекстов со снятой утвердительностью, таких как условное придаточное (протасис условного периода), вопросы и т.д. В соответствии с этим русские неопределенные местоимения на *-либо* представляют собой (нестрогие) отрицательно поляризованные единицы (NPI) [Падучева, 2015], которые возможны как в отрицательных предложениях (2a)[3], так и в условных придаточных (2b), но не могут встречаться в таком веридикативном контексте, как утвердительные клаузы со сказуемым, выраженным глаголом в прошедшем времени совершенного вида (2c).

(2) a. Мы не нашли в этой статье чего-либо интересного.
b. Если бы мы нашли в этой статье что-либо интересное, мы бы тебе сказали.
c. *Мы нашли в этой статье что-либо интересное.

Отрицательные местоимения на *ни-*, напротив, являются прототипическими единицами отрицательного согласования (NCI), которые возможны только при наличии сентенциального отрицания в той же минимальной финитной клаузе (3a). Напротив, они невозможны как в веридикативных контекстах вроде утвердительных клауз со сказуемым в прошедшем времени совершенного вида (3b), так и в условных

[2] Сложнее отделить единицы отрицательного согласования от так называемых строгих отрицательно поляризованных единиц (strict NPI), которые обычно допустимы только при наличии сентенциального отрицания в той же клаузе, однако различия обнаруживаются и здесь [Россяйкин, 2021]: строгие отрицательно поляризованные единицы могут лицензироваться матричным сентенциальным отрицанием через границу финитной клаузы, если сказуемое матричной клаузы является предикатом подъема отрицания (Neg-raising predicate), а единицы отрицательного согласования – нет.

[3] Интересным свойством целого ряда русских неопределенных местоимений, которые возможны только в неверидикативных контекстах, является недопустимость их употребления в наиболее прототипическом неверидикативном контексте – при сентенциальном отрицании (где возможны, как правило, только единицы отрицательного согласования). Это свойство получило название bagel problem и рассматривалось, в частности, в работе [Pereltsvaig, 2006].

(i) Вася ничего / *чего-либо / *чего бы то ни было не подарил нам.

придаточных (разумеется, если в самом придаточном нет сентенциального отрицания), как в (3c), чем отличаются от отрицательно поляризованных единиц.

(3) a. Мы не нашли в этой статье ничего интересного.
b. *Мы нашли в этой статье ничто интересное.
c. *Если бы мы нашли в этой статье ничто интересное, мы бы тебе сказали.

В литературе сложился определенный консенсус [Brown, 1999; Zeijlstra, 2004; Россяйкин, 2021, i.a.] относительно того, что лицензирование NCI (вроде отрицательных местоимений на *ни-*) – это синтаксический процесс, подчиняющийся условиям локальности (в частности, он ограничен пределами финитной клаузы)[4]. Напротив, лицензирование NPI (таких как неопределенные местоимения на *-либо*) рассматривается обычно как семантическое (а не синтаксическое) явление, нечувствительное к синтаксическим ограничениям локальности (хотя другим синтаксическим ограничениям лицензирование NPI все-таки подчиняется: например, NPI должно находиться в области с-командования соответствующего оператора). Например, отрицательно поляризованная единица и лицензирующий ее неверидикативный оператор могут быть разделены границей финитной клаузы, если оператор находится в матричной клаузе, а NPI – в придаточном (4).

(4) Если бы вы сказали, что нашли в этой статье что-либо интересное, мы бы ее обязательно прочитали.

Как известно, русский язык относится к языкам со строгим отрицательным согласованием: в предложениях, содержащих отрицательные местоимения и/или наречия на *ни-*, обязательно должно быть сентенциальное отрицание *не* [Падучева, 2017]. Хотя различные аспекты отрицательного согласования в русском языке рассматривались в значительном числе статей и монографий [Brown, 1999; Abels, 2005; Fitzgibbons, 2010; Garzonio, 2019; Герасимова, Лютикова, 2021; Россяйкин, 2021; Lyutikova, Gerasimova, 2023; Rudnev, 2024; Tsedryk, 2024; Letuchiy, 2025; Rossyaykin, 2025], условиям локальности при внутриклаузальном лицензировании NCI уделялось относительно мало внимания. Одним из немногочисленных исключений является дипломная работа [Рожнова, 2009], в которой описаны ограничения на лицензирование

[4] Некоторые исследователи все же пытаются, как отмечает анонимный рецензент, свести лицензирование единиц отрицательного согласования к семантике [de Swart, 2010; Kuhn, 2022; van der Auwera, 2022].

отрицательных местоимений через границы различных типов составляющих (именные и предложные группы, группы прилагательного, инфинитивные и деепричастные обороты и т.д.), структурно расположенных между показателем сентенциального отрицания *не* и NCI. Данные, использованные в упомянутой работе, были взяты в основном из примеров, найденных в корпусе НКРЯ или в русскоязычном сегменте интернета.

В статье будут представлены результаты экспериментального синтаксического исследования, направленного на проверку и расширение одного из обобщений, сформулированных в работе М.А. Рожновой:

(5) Сентенциальное отрицание может лицензировать отрицательное местоимение или наречие, находящееся внутри группы прилагательного AdjP или именной группы DP/NP, тогда и только тогда, когда эти составляющие (AdjP и DP/NP соответственно) занимают аргументную позицию (и не может, если адъюнктную) [Рожнова, 2009, с. 63].

Для групп прилагательного это утверждение означает, что лицензирование NCI внутри AdjP сентенциальным отрицанием возможно только тогда, когда эта AdjP является неглагольным предикатом (6a, 7a), а не атрибутивным модификатором существительного (6b, 7b), поскольку границы атрибутивной AdjP непроницаемы для того дистантного синтаксического взаимодействия (такого как передвижение [Haegeman, 1995], согласование [Zeijlstra, 2004] или связывание [Laka, 1990]), которое лежит в основе отрицательного согласования.

(6) a. ^{ОК}Задание не будет легким ни для кого.

b. *Это не будет заданием, легким ни для кого. [Рожнова, 2009, с. 63, (42)]

(7) a. ^{ОК}Клиенты не были довольны качеством ни одного из названных товаров.

b. *Нет клиентов, довольных качеством ни одного из названных товаров. [Там же, (43)]

Статья состоит из пяти разделов и имеет следующую структуру. Раздел 2 посвящен описанию пилотного эксперимента, направленного на проверку корректности эмипирического обобщения (5), и обсуждению его итогов, послуживших отправной точкой основного исследования. В разделе 3 описан дизайн нового эксперимента, целью которого являлось сопоставление предложений с отрицательными

и неопределенными местоимениями внутри группы прилагательного, а в разделе 4 обсуждаются результаты статистической обработки полученных данных. Заключительный раздел 5 посвящен обсуждению итогов проведенного исследования.

2. Пилотный эксперимент

В качестве предварительного пилотного эксперимента мы сравнили предложения с отрицательными местоимениями внутри атрибутивных и предикативных AdjP[5], чтобы проверить, насколько эмпирически корректно указанное выше обобщение М.А. Рожновой [Рожнова, 2009].

Единственной независимой переменной в пилотном эксперименте была синтаксическая роль AdjP, внутри которой находилось отрицательное местоимение, причем учитывалась и морфологическая форма (полная или краткая) самого прилагательного. Мы рассматривали следующие факторы: атрибутивная или предикативная роль AdjP, содержащей внутри себя отрицательное местоимение; полная или краткая форма прилагательного (для стимульных предложений с AdjP в предикативной позиции); наличие или отсутствие субъектного генитива отрицания в тех предложениях, где AdjP выступает атрибутивным модификатором существительного. Во всех экспериментальных предложениях единица отрицательного согласования, находящаяся внутри AdjP, была представлена сочетанием «*ни для кого из* + сущ.» или «*ни для одного из* + сущ.» (каждый из указанных вариантов использовался ровно в половине экспериментальных блоков), причем ее единственным потенциальным лицензором выступало сентенциальное отрицание. Кроме того, во всех стимульных предложениях, где AdjP, содержащая отрицательное местоимение, выступала атрибутивным модификатором существительного, эта AdjP находилась в препозиции к определяемой именной вершине (10), (11). Пример экспериментального блока приведен ниже.

(8) [AdjP в предикативной позиции в краткой форме]
Последовавший разговор не был приятен ни для кого из собравшихся.

(9) [AdjP в предикативной позиции в полной форме (инструменталис)]
Последовавший разговор не был приятным ни для кого из собравшихся.

[5] Более полное описание пилотного эксперимента представлено в работе [Байков, 2024].

(10) [AdjP в атрибутивной позиции в роли модификатора неглагольного предиката]
Последовавшее обсуждение не было приятным ни для кого из собравшихся разговором.

(11) [AdjP в атрибутивной позиции в роли модификатора генитивного субъекта]
На сегодняшнем собрании не состоялось приятного ни для кого из собравшихся разговора.

Единственной зависимой переменной была оценка приемлемости предложения респондентом. Предварительная гипотеза, основанная на данных из работы [Рожнова, 2009], состояла в том, что условия (8)–(9) будут скорее оцениваться носителями как приемлемые, а условия (10)–(11) – как неприемлемые (т.е. в среднем получат значимо более низкие оценки).

Как грамматичные, так и неграмматичные филлеры были представлены предложениями с отрицательными местоимениями в роли аргумента глагола, но в грамматичных филлерах сентенциальное отрицание присутствовало (12), а в неграмматичных его не было (13):

(12) [грамматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицание есть]
ОК*Настолько популярным среди студентов не был ни один другой предмет.*

(13) [неграмматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицания нет]
**Его пространный рассказ был интересен никому из присутствующих.*

Каждому респонденту предлагалось оценить 52 предложения: 16 целевых, 32 филлера (по 16 грамматичных и неграмматичных) и 4 тренировочных.

Всего эксперимент прошли 60 респондентов. После отсева двух из них из-за значительного отклонения в оценках филлеров от ожидаемых значений была проведена статистическая обработка данных, полученных от оставшихся 58 участников. Как показали результаты пилотного эксперимента, отрицательные местоимения, находящиеся внутри атрибутивных AdjP, действительно оцениваются значимо хуже, чем находящиеся внутри предикативных. График взаимодействия, который представлен на рисунке 1, отражает средние нормализованные оценки предложений с отрицательными местоимениями, вложенными в AdjP

в различных синтаксических контекстах. В целях удобства сравнения на графике приводятся также оценки грамматичных и неграмматичных филлеров. Группы условий, между оценками которых нет статистически значимых различий, заключены в прямоугольники.

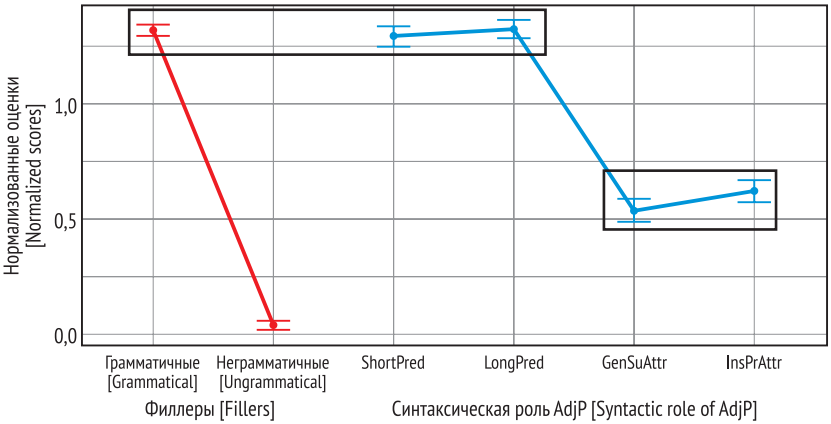


Рис. 1. График взаимодействия для пилотного синтаксического эксперимента: отрицательные местоимения внутри AdjP

Группы условий, между оценками которых нет статистически значимых различий, заключены в прямоугольники

Fig. 1. Interaction plot for the pilot experiment: Negative pronouns within AdjP

Groups of conditions whose ratings do not differ significantly are enclosed in rectangles

Результаты множественных попарных сравнений Тьюки (табл. 1) подтверждают обобщение М. Рожновой (5).

Каждое из четырех условий здесь попарно сравнивается с каждым из трех других. Оказывается, что значимые различия отсутствуют, во-первых, между оценками предложений с предикативными группами прилагательного в краткой и полной форме (p-value > 0,99), во-вторых, между предложениями с атрибутивными группами прилагательного в качестве модификатора инструментального неглагольного предиката и генитивного субъекта (p-value > 0,70). Во всех остальных четырех сравнениях, где одно из сравниваемых условий содержит группу прилагательного в предикативной позиции, а другое – в атрибутивной, наблюдается статистически значимое различие в оценках (p-value < 10^{-7}).

ISSN 2500-2953

Таблица 1

Множественные попарные сравнения Тьюки: пилотный эксперимент [Tukey's multiple pairwise comparisons: The pilot experiment]

	Разность между групповыми средними [Difference between group means]	Доверительный интервал [Confidence interval]		*p*-value
		нижняя граница [lower limit]	верхняя граница [upper limit]	
Полная предикативная vs. краткая предикативная [Long predicative vs. short predicative]	0,021	–0,177	0,219	0,9931751
Атрибутивная (модификатор неглагольного предиката) vs. краткая предикативная [Attributive (modifier of a non-verbal predicate) vs. short predicative]	–0,992	–1,194	–0,790	0,0000000
Атрибутивная (модификатор генитивного субъекта) vs. краткая предикативная [Attributive (modifier of a genitive subject) vs. short predicative]	–1,076	–1,278	–0,874	0,0000000
Атрибутивная (модификатор неглагольного предиката) vs. полная предикативная [Attributive (modifier of a non-verbal predicate) vs. long predicative]	–1,013	–1,210	–0,816	0,0000000
Атрибутивная (модификатор генитивного субъекта) vs. полная предикативная [Attributive (modifier of a genitive subject) vs. long predicative]	–1,097	–1,293	–0,900	0,0000000
Атрибутивная (модификатор генитивного субъекта) vs. атрибутивная (модификатор неглагольного предиката) [Attributive (modifier of the genitive subject) vs. attributive (modifier of a non-verbal predicate)]	–0,084	–0,284	0,116	0,7028905

Таким образом, результаты применения множественных сравнений Тьюки подтверждают статистическую значимость наблюдаемых различий в оценках. Предложения с AdjP, содержащими отрицательные местоимения, в предикативной позиции оцениваются значимо выше, чем предложения с такими же AdjP, содержащими отрицательные местоимения, в атрибутивной позиции, что и позволяет сделать вывод о справедливости указанного выше обобщения (5), сформулированного М. Рожновой.

Тем не менее, остается не до конца выясненным, является ли сниженная приемлемость предложений с отрицательными местоимениями внутри атрибутивных AdjP чисто грамматическим явлением. Поскольку все экспериментальные предложения с атрибутивными AdjP содержали отрицательные местоимения, мы не можем отделить снижение оценок, обусловленное неспособностью отрицательного согласования пересекать границу атрибутивной AdjP, от снижения, связанного с употреблением AdjP с выраженным комплементом в препозиции к существительному. Из-за этого нельзя исключать и потенциальное альтернативное объяснение: снижение приемлемости примеров с атрибутивными AdjP, внутри которых находится отрицательное местоимение, связано со сложностью когнитивной обработки (парсинга) таких структур и/или низкой частотностью атрибутивных AdjP с выраженными комплементами, а также с предпочтительностью такого порядка слов, при котором распространенные атрибутивные AdjP располагаются в постпозиции к модифицируемому существительному.

Кроме того, именные группы, модификаторами которых выступали атрибутивные AdjP, употреблялись в «непрототипических» контекстах (генитивное подлежащее неаккузативного глагола и инструментальный именной предикат), тогда как именные группы с более «прототипическими» синтаксическими функциями (например, подлежащее переходного глагола или прямое дополнение) остались за рамками нашего исследования.

Наконец, экспериментально установленное ограничение на внутриклаузальное лицензирование NCI позволяет поставить вопрос о том, как ведут себя отрицательно поляризованные единицы в том же контексте[6]. Если гипотеза о том, что на их лицензирование не накладываются синтаксические ограничения локальности, верна, NPI должны быть приемлемы в качестве дополнений при атрибутивных прилагательных (при наличии в предложении неверидикативного оператора вроде сентенциального отрицания). Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели еще один эксперимент.

[6] В работе [Рожнова, 2009] тоже рассматриваются только отрицательные *ни*-местоимения, а допустимость неопределенных местоимений на *-либо* в тех же контекстах не изучается.

3. Дизайн основного эксперимента

В рамках основного эксперимента мы исследовали вопрос о том, наблюдаются ли значимые отличия в приемлемости отрицательных и неопределенных местоимений внутри атрибутивной группы прилагательного. В новом эксперименте рассматривались атрибутивные AdjP, модифицирующие именные группы как в «прототипических» (аккузативное прямое дополнение), так и в «непрототипических» (инструментальный предикат, генитивное подлежащее) синтаксических функциях, причем в качестве «непрототипических» были взяты те же контексты, что и в пилотном эксперименте.

Чтобы подтвердить, что проблема со структурами такого типа действительно является синтаксической, а не просто обусловлена влиянием неграмматических факторов вроде трудности когнитивной обработки (парсинга) или низкой частотности, мы сравниваем NCI (отрицательные *ни*-местоимения) с NPI (неопределенные местоимения на *-либо*) в одной и той же структурной позиции – в позиции дополнения при атрибутивно употребленном прилагательном в полной форме.

Дизайн нового эксперимента предполагал наличие двух независимых переменных: во-первых, тип местоимения внутри атрибутивной группы прилагательного (эта переменная могла принимать два значения: неопределенное местоимение на *-либо* или отрицательное на *ни-*); во-вторых, синтаксическая роль именной группы, определением внутри которой является AdjP, содержащая нуждающееся в лицензоре местоимение (четыре возможных значения: инструментальный именной предикат (14)–(15); подлежащее неаккузативного бытийного глагола в генитиве отрицания (16)–(17); аккузативное прямое дополнение переходного глагола (18)–(19); прямое дополнение переходного глагола в генитиве отрицания (20)–(21)). Единственной зависимой переменной стала оценка предложения респондентом по шкале Ликерта от 1 до 7, где 1 – самая низкая оценка, а 7 – самая высокая.

Таким образом, в каждом экспериментальном блоке было восемь предложений. Пример экспериментального блока приведен ниже.

(14) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора инструментального предиката]
Принятые поправки не были чреватыми какими-либо разночтениями положениями.

(15) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора инструментального предиката]
Принятые поправки не были чреватыми никакими разночтениями положениями.

(16) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора генитивного субъекта]
В составленном контракте не было чреватых какими-либо разночтениями положений.

(17) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора генитивного субъекта]
В составленном контракте не было чреватых никакими разночтениями положений.

(18) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора аккузативного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватые какими-либо разногласиями положения.

(19) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора аккузативного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватые никакими разногласиями положения.

(20) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора генитивного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватых какими-либо разногласиями положений.

(21) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора генитивного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватых никакими разногласиями положений.

Еще один экспериментальный блок представлен далее в виде таблицы 2. Как можно заметить, нам пришлось допустить различные лексикализации внутри одного блока, поскольку в одном блоке были условия и с неаккузативными глаголами (GenSubj), и с переходными (AccDO и GenDO).

Кроме того, для достижения большего единообразия в стимульных предложениях значения ряда переменных были фиксированными (т.е. оставались одними и теми же для всех предложений). В частности, все глаголы-сказуемые использовались только в прошедшем времени, а переходные глаголы (в примерах с генитивными и аккузативными прямыми дополнениями)[7] – только в совершенном виде (поскольку несовершенный вид может сам по себе лицензировать местоимения на *-либо*).

[7] В тех предложениях, где именная группа, включающая атрибутивную AdjP с неопределенным или отрицательным местоимением, является генитивным субъектом или инструментальным предикатом, использовался глагол *быть*.

ISSN 2500-2953

Таблица 2

Пример экспериментального блока
[Example of an experimental block]

Синтаксическая роль именной группы [Syntactic role of the noun phrase]	**Тип нуждающегося в лицензировании местоимения [Type of pronoun requiring licensing]**	
	местоимение на *-либо* (NPI) [indefinite *libo*-pronouns]	***ни*-местоимение (NCI) [negative *ni*-pronouns]**
Инструментальный предикат (InstrPred) [Instrumental predicate]	Импортный продукт не был нужным каким-либо потребителям товаром.	Импортный продукт не был нужным никаким потребителям товаром.
Генитивное подлежащее (GenSubj) [Genitive subject]	В скудном ассортименте не было нужного каким-либо потребителям товара.	В скудном ассортименте не было нужного никаким потребителям товара.
Аккузативное дополнение (AccDO) [Accusative object]	Разорившийся бизнесмен не предложил нужный каким-либо потребителям товар.	Разорившийся бизнесмен не предложил нужный никаким потребителям товар.
Генитивное дополнение (GenDO) [Genitive object]	Разорившийся бизнесмен не предложил нужного каким-либо потребителям товара.	Разорившийся бизнесмен не предложил нужного никаким потребителям товара.

Все прилагательные были в полной форме (поскольку атрибутивные прилагательные в краткой форме не употребляются в современном русском языке), все вершинные существительные, определениями к которым выступали атрибутивные AdjP, были неодушевленными (это позволило избежать синкретизма генитива и аккузатива в предложениях, где интересующая нас группа прилагательного была модификатором прямого дополнения), а сами атрибутивные AdjP были препозитивными, т.е. располагались всегда перед определяемым существительным (т.к. постпозитивные AdjP легче лицензируют плавающие определители, кореферентные вершинному имени, т.е. легче допускают наличие собственного подлежащего, а потому могут анализироваться как свернутые относительные придаточные). Наконец, в стимульных предложениях соблюдался баланс по числу вершины именной группы (и, как следствие, согласующегося с ней атрибутивного прилагательного): ровно в половине экспериментальных блоков такие существительные использовались в единственном числе, а в оставшейся половине – во множественном.

В экспериментальных предложениях мы использовали 18 прилагательных, каждое из которых употреблялось с дополнением, выраженным именной группой в косвенном падеже, причем половина прилагательных оформляли свой комплемент дативом, а оставшаяся половина – инструменталисом. К первой группе относились прилагательные *присущий*, *свойственный*, *нужный*, *близкий*, *привычный*, *доступный*, *идентичный*, *эквивалентный* и *выгодный*, а ко второй – *интересный*, *чреватый*, *опасный*, *богатый*, *полезный*, *примечательный*, *знаменитый*, *известный* и *удобный*. Каждое прилагательное использовалось в двух экспериментальных блоках с различными лексикализациями (однако по два прилагательных в каждой из групп, которые в списке указаны последними, были использованы только в одном блоке). Сама нуждающаяся в лицензировании отрицанием составляющая (комплемент прилагательного) представляла собой именную группу, состоящую из существительного во множественном числе и согласованного с ним местоименного детерминатора *какой-либо* для стимулов с неопределенными местоимениями (NPI) и *никакой* для стимулов с отрицательными местоимениями (NCI). Падеж этой именной группы (датив или инструменталис) определялся моделью управления того прилагательного, зависимым которого она выступала.

Использование в экспериментальном материале прилагательных, способных иметь при себе дополнение, выраженное именной группой в косвенном падеже, позволяет устранить сомнения в аргументном статусе этой именной группы (тогда как в пилотном эксперименте

аргументный статус предложной группы, вводимой предлогом *для* и выступающей в качестве зависимого при прилагательном, не является очевидным).

Все филлерные предложения содержали распространенные атрибутивные AdjP с зависимыми, выраженными наречиями меры и степени, и отрицательные местоимения (которые, однако, находились не внутри AdjP). Филлеры включали равное количество грамматичных и неграмматичных предложений, причем грамматичные содержали как отрицательное местоимение в качестве аргумента глагола, так и сентенциальное отрицание (22), тогда как в неграмматичных отрицательное местоимение было, а приглагольное отрицание отсутствовало (23), что и было причиной неграмматичности филлера.

(22) [грамматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицание есть]
Заоблачно высокая прибыль не привлекла никого из инвесторов.

(23) [неграмматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицания нет]
**Откровенно издевательский комментарий возмутил никого из подписчиков.*

Каждое из восьми экспериментальных условий предлагалось респонденту в четырех различных лексических вариантах, т.е. всего каждый респондент получал 32 стимульных предложения. Чтобы соблюсти соотношение филлерных и стимульных предложений (2 : 1), были добавлены 64 филлерных предложения, общие для всех восьми экспериментальных списков. Таким образом, всякий участник в рамках исследования оценивал 100 представленных предложений (32 целевых, 64 филлерных, 4 подготовительных) по 7-балльной шкале Ликерта. Для псевдорандомизации материала был использован метод латинского квадрата. Респондентам демонстрировалось сразу все предложение целиком, а они должны были оценить его, прежде чем переходить к следующему. На оценивание каждого предложения у респондента было не более 12 секунд.

4. Результаты основного эксперимента

Эксперимент был проведен в мае–июне 2023 г. на платформе PCIbex [Zehr, Schwarz, 2018], а набор респондентов осуществлялся с помощью сервиса Яндекс.Толока (toloka.yandex.ru).

Всего в эксперименте приняли участие 145 респондентов, но после отсева 50 респондентов, чьи оценки филлерных предложений

значительно отклонялись от ожидаемых (критерии отсева были взяты из работы [Герасимова, 2021]), их осталось 95. Средний возраст респондентов, чьи ответы учитывались при обработке результатов эксперимента, составил 38,6 лет (sd = 11,0), самому младшему было 18 лет, самому старшему – 63 года (1 человек не указал возраст). Среди респондентов были 42 мужчины и 48 женщин, а 5 человек не указали пол. Нормализовав оценки, выставленные оставшимися 95 респондентами, путем применения трансформации z-score, мы провели статистический анализ результатов с помощью линейных смешанных моделей регрессии и критерия множественных сравнений Тьюки, а затем построили графики взаимодействия переменных (двух независимых и зависимой – оценки предложения респондентом).

Для анализа результатов была посчитана максимальная линейная модель регрессии, учитывавшая все возможные факторы (2 переменные: синтаксическая роль именной группы и тип местоимения – и случайные факторы, обусловленные влиянием ответов одного респондента или ответами респондентов на одну и ту же лексикализацию), затем было проведено итеративное сокращение модели до получения оптимального значения информационного критерия Акаике (AIC) (см. подробнее [Bates et al., 2015]). В оптимальной модели[8], формула которой представлена в (24), оба фактора, а также их взаимодействие оказались значимы (синтаксическая функция объемлющей именной группы: $\beta = 0{,}34212$, SE = 0,04743, $t = 7{,}213$, p-value = $4{,}27 \cdot 10^{-12}$; тип нуждающегося в лицензировании местоимения: $\beta = -0{,}70287$, SE = 0,06273, $t = -11{,}205$, p-value $< 2{,}0 \cdot 10^{-16}$; синтаксическая функция объемлющей именной группы : тип нуждающегося в лицензировании местоимения: $\beta = 0{,}38637$, SE = 0,07371, $t = 5{,}242$, p-value = $1{,}71 \cdot 10^{-7}$).

(24) оценка
~1 + синтаксическая роль именной группы × тип местоимения
+ (1 + тип местоимения | респондент)

На графике взаимодействия (рис. 2) изображено влияние различных синтаксических функций именной группы на оценку предложений с разными типами местоимений, находящихся внутри атрибутивной группы прилагательного, которая модифицирует эту именную группу. В целях удобства сравнения приведены оценки грамматичных и неграмматичных филлеров. Группы условий, между оценками которых нет

[8] Модель значима (LR-test = 107,29, df = 7, p-value < 0,0001), в пользу чего свидетельствует сравнение с моделью с той же структурой случайных эффектов и без фиксированных эффектов.

статистически значимых различий, заключены в прямоугольники, как и на рисунке 1[9].

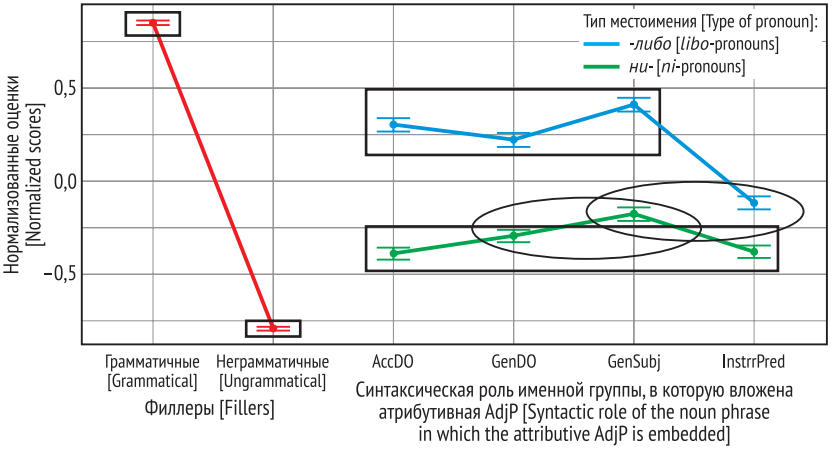


Рис. 2. График взаимодействия для основного эксперимента: неопределенные и отрицательные местоимения внутри атрибутивной AdjP

Fig. 2. Interaction plot for the main experiment: Indefinite and negative pronouns within an attributive AdjP

Видно, что результаты эксперимента подтверждают обобщение, сделанное М.А. Рожновой [Рожнова, 2009]: оценки предложений с отрицательными местоимениями в целом заметно ниже, чем оценки предложений с неопределенными местоимениями. Попарные сравнения Тьюки, представленные в таблице 3, также показывают, что предложения с *либо*-NPI внутри атрибутивных AdjP стабильно получают высокие оценки, а предложения с *ни*-NCI в той же позиции были оценены значительно хуже.

Очень многие контрасты из исследованных в эксперименте оказываются значимыми. Во-первых, все условия с неопределенными местоимениями на *-либо* значимо отличаются от грамматичных филлеров

[9] Еще две пары условий, между оценками которых нет значимых различий, выделены овалами. Дело в том, что между отрицательными местоимениями, вложенными в AdjP, которая модифицирует генитивное прямое дополнение, и неопределенными местоимениями, вложенными в AdjP, которая модифицирует инструментальный предикат, различие все-таки значимо. Такая ситуация, когда некоторое условие (отрицательные местоимения внутри AdjP, модифицирующей генитивное подлежащее) не отличается значимо от двух других, которые, тем не менее, значимо отличаются друг от друга, вполне нормальна.

(во всех случаях *p*-value < 0,0001). Во-вторых, предложения с отрицательными местоимениями на *ни-* значимо отличаются от неграмматичных филлеров (во всех случаях *p*-value < 0,0001). В-третьих, статистически значимы по результатам попарных сравнений Тьюки различия между такими парами условий, где в одном из членов пары присутствует отрицательное местоимение на *ни-*, а в другом – неопределенное местоимение на *-либо* (*p*-value < 0,0001 для всех пар условий, где синтаксическая функция именной группы, модификатором которой является AdjP с отрицательным или неопределенным местоимением, одна и та же).

Единственным исключением из этой закономерности является пара «неопределенное местоимение на *-либо* внутри определения к инструментальному предикату vs. отрицательное местоимение на *ни-* внутри определения к генитивному субъекту», где значимое различие отсутствует (*p*-value = 0,9313). Это связано с тем, что неопределенные местоимения на *-либо* внутри атрибутивной AdjP при инструментальном предикате оценивались значимо хуже *либо*-местоимений в других позициях[10], а отрицательные местоимения на *ни-* внутри атрибутивной AdjP при генитивном субъекте оценивались выше *ни*-местоимений в других позициях. Таким образом, контраст отсутствует между худшим из условий с *либо*-местоимениями и лучшим из условий с *ни*-местоимениями (а все остальные пары «*либо*-местоимение vs. *ни*-местоимение», как уже было отмечено выше, значимо различаются).

Статистически значимыми оказались также и некоторые противопоставления внутри предложений с *либо*-местоимениями, а также внутри предложений с *ни*-местоимениями. Во-первых, неопределенные местоимения на *-либо* внутри атрибутивной AdjP при инструментальном предикате оценивались значимо хуже *либо*-местоимений в остальных позициях (для всех трех пар условий *p*-value < 0,0001). Во-вторых, отрицательные местоимения на *ни-* внутри атрибутивной AdjP при генитивном подлежащем оценивались выше *ни*-местоимений внутри определений к аккузативному прямому дополнению или к инструментальному

[10] Сниженная приемлемость неопределенных местоимений на *-либо* внутри AdjP, модифицирующих инструментальный именной предикат, по всей вероятности, является следствием меньшей прагматической естественности соответствующих экспериментальных предложений (14). Кроме того, снижение оценок, возможно, объясняется еще и присутствующим в них «эффектом садовой дорожки» (т.н. garden path effect): сначала группа прилагательного воспринимается респондентами как предикат, а после появления существительного, являющегося вершиной ИГ-предиката, происходит реанализ (Е.А. Лютикова, личное сообщение). Наконец, если использованное прилагательное оформляет свой комплемент инструменталисом, в таком предложении оказываются линейно соположенными два существительных в творительном падеже (комплемент прилагательного и именная вершина), что также могло вызвать снижение оценок.

предикату (для обеих пар *p*-value < 0,0012), однако в случае с противопоставлением *ни*-местоимений внутри определений к генитивному подлежащему и генитивному дополнению различие не достигло порога статистической значимости (*p*-value = 0,0648). Остальные исследованные в рамках эксперимента различия оказались незначимыми.

Таблица 3

Множественные попарные сравнения Тьюки: основной эксперимент (только значимо различающиеся пары условий) [Tukey's multiple pairwise comparisons: Main experiment (only significantly different pairs of conditions)]

Сравниваемые условия [Conditions being compared]	estimate	SE	df	z.ratio	*p*-value
AccDO *libo* > AccDO *ni*	0,70	0,06	Inf	11,50	<0,0001
AccDO *libo* > GenDO *ni*	0,65	0,06	Inf	10,62	<0,0001
AccDO *libo* > GenSubj *ni*	0,50	0,06	Inf	8,14	<0,0001
AccDO *libo* > InstrPred *ni*	0,73	0,06	Inf	11,92	<0,0001
GenDO *libo* > AccDO *ni*	0,62	0,06	Inf	10,13	<0,0001
GenDO *libo* > GenDO *ni*	0,56	0,06	Inf	9,24	<0,0001
GenDO *libo* > GenSubj *ni*	0,41	0,06	Inf	6,77	<0,0001
GenDO *libo* > InstrPred *ni*	0,64	0,06	Inf	10,55	<0,0001
GenSubj *libo* > AccDO *ni*	0,84	0,06	Inf	13,72	<0,0001
GenSubj *libo* > GenDO *ni*	0,78	0,06	Inf	12,84	<0,0001
GenSubj *libo* > GenSubj *ni*	0,63	0,06	Inf	10,37	<0,0001
GenSubj *libo* > InstrPred *ni*	0,86	0,06	Inf	14,14	<0,0001
InstrPred *libo* >AccDO *ni*	0,29	0,06	Inf	4,77	0,0001
InstrPred *libo* > GenDO *ni*	0,24	0,06	Inf	3,87	0,0043
InstrPred *libo* > InstrPred *ni*	0,32	0,06	Inf	5,18	<0,0001
AccDO *libo* > InstrPred *libo*	0,41	0,05	Inf	8,33	<0,0001
GenDO *libo* > InstrPred *libo*	0,33	0,05	Inf	6,63	<0,0001
GenSubj *libo* > InstrPred *libo*	0,55	0,05	Inf	11,07	<0,0001
GenSubj *libo* > GenDO *libo*	–0,22	0,05	Inf	–4,46	0,0004
GenSubj *ni* > AccDO *ni*	0,21	0,05	Inf	–4,17	0,0012
GenSubj *ni* > InstrPred *ni*	0,23	0,05	Inf	4,69	0,0001
InstrPred *libo* ≈ GenSubj *ni*	0,08	0,06	Inf	1,39	0,9313
GenDO *ni* ≈ GenSubj *ni*	–0,15	0,05	Inf	–3,08	0,0648

Значимый контраст между предложениями с отрицательными и неопределенными местоимениями свидетельствует о грамматической природе этого различия в приемлемости: длина предложений и их синтаксическая структура в остальном полностью идентичны, а различие все-таки есть. При этом значимыми оказались и другие противопоставления, которые стоит скорее считать влиянием несинтаксических факторов: таковы, например, отличия предложений с *либо*-местоимениями от грамматичных филлеров, а также предложений с *ни*-местоимениями от неграмматичных.

5. Обсуждение итогов эксперимента: выводы и перспективы

Итоги проведенного нами эксперимента позволяют сделать вывод о том, что отрицательные местоимения на *ни-* внутри атрибутивных групп прилагательного оцениваются значимо хуже неопределенных местоимений на *-либо* в той же позиции. Это подтверждает справедливость обобщения М.А. Рожновой: сентенциальное отрицание не может лицензировать *ни*-местоимения, находящиеся внутри атрибутивных AdjP [Рожнова, 2009]. Более того, поскольку в новом эксперименте мы использовали прилагательные, обладающие валентностью на именную группу, оформленную управляемым косвенным падежом, можно считать достоверно установленным, что аргументный или адъюнктный статус внутри AdjP самой зависимой от прилагательного именной или предложной группы, в состав которой входит отрицательное местоимение, а также категориальный статус этой составляющей (предложная группа PP в пилотном эксперименте и именная группа NP/DP – в основном) не влияют на возможность лицензирования отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием через границу атрибутивных AdjP (оно в любом случае остается невозможным). Ни использованные в пилотном эксперименте PP вроде *ни для кого* и *ни для одного* (чей статус в качестве аргумента или адъюнкта прилагательного неясен), ни явно аргументные именные группы вроде *никакой N* в позиции комплемента прилагательного из основного эксперимента не могут лицензироваться сентенциальным отрицанием, если находятся внутри атрибутивной AdjP.

Кроме того, результаты эксперимента свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий внутри класса предложений с отрицательными *ни*-местоимениями, вложенными в атрибутивные AdjP, в зависимости от синтаксической функции именной группы, модификатором которой является эта AdjP (кроме того случая, когда она

выступает определением генитивного субъекта[11]). В частности, объектный генитив отрицания не приводит к значимому повышению оценок по сравнению с предложениями, где прямое дополнение оформлено аккузативом, что подтверждает сделанный в рамках пилотного исследования вывод о том, что маркирование объемлющей именной группы генитивом отрицания не влияет на (не)приемлемость предложения.

Переходя к вопросу о возможном теоретическом моделировании полученных результатов, нужно отметить, что запрет на лицензирование NCI внутри атрибутивных AdjP (в отличие от предикативных) сентенциальным отрицанием нельзя объяснить тем, что атрибутивные AdjP всегда вложены в именную группу. Дело в том, что, как показала М.А. Рожнова, в общем случае отрицательные местоимения, вложенные в именную группу, могут быть лицензированы сентенциальным отрицанием:

(25) Мы не нашли доказательств вины никого из подсудимых.
[Рожнова, 2009, с. 58, (19а)]

Таким образом, хотя ни граница AdjP, ни граница именной группы не создают по отдельности непрозрачную область для лицензирования *ни*-местоимений сентенциальным отрицанием, комбинация границ именной группы и AdjP, наблюдаемая в примерах с атрибутивными (т.е. вложенными в именную группу в качестве модификатора) группами прилагательного, порождает таковую. Лицензирование же неопределенных местоимений на *-либо* полностью нечувствительно к границам именной группы, AdjP или любому их сочетанию.

Поэтому невозможность лицензирования *ни*-местоимений внутри атрибутивных AdjP сентенциальным отрицанием стоит скорее рассматривать в качестве частного случая общего запрета (5) на употребление отрицательных местоимений внутри таких групп прилагательного, именных и предложных групп, которые являются адъюнктами, что и делает М. Рожнова [Рожнова, 2009].

Экспериментально подтвержденное нами эмпирическое обобщение (5), по-видимому, может быть теоретически описано в рамках любого из двух наиболее часто используемых в недавних работах подходов к анализу отрицательного согласования в русском языке. С одной

[11] Генитивный субъект во всех стимульных предложениях был подлежащим при *не было*, а оформление аргумента бытийного глагола под отрицанием генитивом – наиболее прототипический случай именной группы в субъектном генитиве отрицания. В частности, здесь невозможно оформление этой именной группы номинативом, тогда как во многих других случаях генитив отрицания является факультативным (и соответствующая именная группа может маркироваться номинативом или аккузативом в зависимости от своей синтаксической функции).

стороны, можно принять анализ, в соответствии с которым отрицательное согласование сводится к передвижению NCI в спецификатор вершины-лицензора, где отрицательные местоимения, выступая в качестве зондов, могут означить свои признаки через согласование с подходящей целью – вершиной Neg°. Этот анализ был предложен в [Bošković, 2009] и в дальнейшем использовался в работах [Россяйкин, 2021; Rudnev, 2024]. В этом случае недопустимость лицензирования NCI через границу атрибутивной группы прилагательного можно объяснить невозможностью передвижения из атрибутивных AdjP, что само по себе вполне может быть проявлением более общего запрета на вынос из адъюнктов. Аргументом в пользу этого подхода является, например, невозможность вопросительного и относительного выноса из атрибутивных групп прилагательного[12] (27b–c) в противоположность предикативным, допускающим подобный вынос (26b–c):

(26) a. Новая соседка не была похожа ни на кого из актрис.
b. На кого$_i$ новая соседка была удивительно похожа t_i?
c. Вот портрет актрисы, на которую$_i$ была удивительно похожа t_i новая соседка. [Байков, 2023, с. 43, (46)]

(27) a. *Я не встретил похожую ни на кого из актрис соседку.
b. *На кого$_i$ ты вчера встретил удивительно похожую t_i соседку?
c. *Вот портрет актрисы, на которую$_i$ я вчера встретил удивительно похожую t_i соседку. [Там же, (48)]

Сходным образом ведут себя и атрибутивные причастия, не допускающие ни лицензирования своих зависимых, выраженных отрицательными местоимениями, матричным сентенциальным отрицанием (28), ни вопросительного или относительного выноса зависимых (29):

(28) *Книги, написанные никем из этих авторов, мне не нравятся. [Рожнова, 2009, с. 64, (45e)]

(29) a. *Кем$_i$ тебе не нравятся написанные t_i книги?
b. Вот писатель, которым$_i$ мне очень нравятся написанные t_i книги.

[12] Еще одним аргументом может быть недопустимость в русском языке такого порядка слов, при котором комплемент препозитивного атрибутивного прилагательного подвергается экстрапозиции и в результате оказывается расположенным после модифицируемой этим прилагательным именной вершины (в английском и в ряде других западноевропейских языков такой порядок слов приемлем):

(i) a. *пригодная пища всем
b. suitable food for everyone [Гращенков, 2018, с. 262]

С другой стороны, можно сводить лицензирование отрицательных местоимений к дистантному согласованию NCI и вершины-лицензора Neg° (без передвижения цели-NCI в спецификатор Neg°) вслед за [Zeijlstra, 2004; Lyutikova, Gerasimova, 2023]. В этом случае запрет на лицензирование NCI внутри атрибутивных AdjP сентенциальным отрицанием можно объяснить, например, тем, что расширенная проекция атрибутивных прилагательных (в отличие от предикативных) содержит вершину Mod° [Rubin, 1994], которая является горизонтом в смысле [Keine, 2016, 2021] для согласовательного зонда Neg°, из-за чего тот, обнаружив ее, прекращает поиск более глубоко вложенной цели и как следствие не достигает NCI. Аргументом в пользу такого анализа, предложенного в работе [Байков, 2023], является неуниверсальность этого ограничения, которую можно легко моделировать, допустив параметрическое варьирование Neg°-зонда от языка к языку в том, какие именно проекции являются для него горизонтами.

Запрет на лицензирование NCI сентенциальным отрицанием через границу атрибутивной AdjP, выявленный в работе [Рожнова, 2009] для русского языка и подтвержденный результатами обоих экспериментов, не является универсальным. Так, сама М.А. Рожнова отмечает в той же работе, что он не выполняется в испанском, где грамматичны примеры вроде (30).

(30) No me gusta gente propensa a ninguna
NEG мне нравиться.3SG люди склонный к никакая
mala costumbre…
плохая привычка
‘Я не люблю людей, склонных к каким-либо плохим привычкам, <за исключением шокоголиков>.’ [Там же, с. 64, (46д)]

Кроме того, [Przepiórkowski, Kupść, 1997] отмечают, что в польском языке отрицательные местоимения внутри атрибутивного причастного оборота могут лицензироваться матричным сентенциальным отрицанием:

(31) Lingwiści piszący o NICZYM *(nie) są tak
Лингвисты пишущие о ничто NEG быть.3PL так
nudni, jak ci piszący o negacji.
скучны как те пишущие об отрицании
‘Лингвисты, пишущие о чем-либо (другом / кроме отрицания), не так скучны, как те, которые пишут об отрицании.’
[Przepiórkowski, Kupść, 1997, (42b)]

Данных, которые бы свидетельствовали о приемлемости или недопустимости в польском лицензирования отрицательных местоимений

через границу атрибутивной группы прилагательного (а не причастного оборота), авторы не приводят. Однако даже в отсутствие таких данных можно с уверенностью говорить о различиях между польским и русским, поскольку в русском атрибутивные причастные обороты непрозрачны для отрицательного согласования (28). Следовательно, как языки с нестрогим отрицательным согласованием вроде испанского, так и некоторые из языков со строгим отрицательным согласованием (например, польский) допускают лицензирование NCI сентенциальным отрицанием через границу атрибутивной AdjP (или атрибутивного причастного оборота), в то время как в русском оно невозможно.

Вопрос о соотношении синтаксических ограничений, которым подчиняется отрицательное согласование, с ограничениями локальности, накладываемыми на другие дистантные синтаксические процессы, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения. В частности, если окажется, что в польском (как и в русском) невозможен вопросительный вынос зависимых атрибутивного прилагательного, но допустимо лицензирование сентенциальным отрицанием отрицательных местоимений, находящихся внутри атрибутивной группы прилагательного, можно будет говорить о том, что отрицательное согласование в польском еще в меньшей степени, чем в русском, похоже на вопросительный вынос, а значит, вариант анализа с привлечением понятия горизонта для согласовательного зонда [Keine, 2016, 2021] окажется более подходящим.

Таким образом, в рамках статьи были рассмотрены два синтаксических эксперимента, направленных на проверку и более обстоятельное изучение обобщения, выдвинутого в работе [Рожнова, 2009]: атрибутивные группы прилагательного (в отличие от предикативных) непрозрачны для отрицательного согласования. Было показано, что это обобщение выполняется как для полных, так и для кратких предикативных прилагательных. Границы атрибутивных AdjP оказались проницаемыми для лицензирования NPI, т.е. неопределенных местоимений на *-либо*, но непроницаемыми для лицензирования NCI, т.е. отрицательных *ни*-местоимений. Это различие может свидетельствовать о том, что лицензирование *ни*-NCI (отрицательных местоимений), будучи синтаксическим процессом, для которого важны ограничения локальности, не может пересекать границу адъюнкта (вроде атрибутивной AdjP). В то же время лицензирование *либо*-NPI (неопределенных местоимений) вполне может быть семантическим явлением [Россяйкин, 2021], подчиняющимся гораздо менее жестким синтаксическим ограничениям локальности: для него оказывается неважным аргументно-адъюнктный статус границ составляющих, которые отделяют *либо*-NPI от неверидикативного оператора (в нашем случае – от сентенциального

отрицания), из-за чего неопределенные местоимения на *-либо* могут выступать в роли зависимого при атрибутивном прилагательном даже тогда, когда единственный потенциальный лицензор – только сентенциальное отрицание.

Наконец, итоги проведенного эксперимента устраняют сомнения относительно возможных неграмматических (прагматических, информационно-структурных, связанных с процессингом и т.д.) объяснений запрета на употребление именных групп, содержащих отрицательные местоимения, в роли дополнения при атрибутивных прилагательных. Неоднократно выявленная нами на экспериментальном материале невозможность лицензирования отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием через границу атрибутивной AdjP является собственно грамматическим ограничением и не сводится к влиянию внеграмматических факторов, таких как низкая частотность выраженных ИГ-комплементов у прилагательных или чрезмерная сложность когнитивной обработки соответствующих структур. Эти неграмматические факторы действуют не только для предложений с отрицательными местоимениями, но и для предложений с неопределенными местоимениями, однако между указанными типами предложений все же наблюдается статистически значимое различие.

Библиографический список / References

Байков, 2023 – Байков Ф.В. Локальность внутриклаузального отрицательного согласования в русском языке: сравнение с другими нелокальными взаимодействиями // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 26–58. [Baykov F.V. Locality of intra-clausal negative concord in Russian: A comparison with other non-local syntactic processes]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2023. No. 2. Pp. 26–58. (In Rus.)]

Байков, 2024 – Байков Ф.В. Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное исследование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 2. С. 47–61. [Baykov F.V. Negative concord items inside adjective phrases: An experimental study. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2024. No. 2. Pp. 47–61. (In Rus.)]

Герасимова, 2021 – Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису. Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 20.04.2023). [Gerasimova A.A. Uchebnye materialy praktikuma po ehksperimentalnomu sintaksisu. Otbor respondentov [Experimental syntax. Practical course. Selecting respondents]. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf]

Герасимова, Лютикова, 2021 – Герасимова А.А., Лютикова Е.А. Лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивных клаузах: экспериментальное

исследование // Russian Grammar: System – Language Usage – Language Variation. V. Warditz (ed.). Peter Lang, 2021. Pp. 177–190. [Gerasimova A.A., Lyutikova E.A. Licensing of negative pronouns in infinitival clauses: An experimental study. *Russian Grammar*: *System – Language Usage – Language Variation.* V. Warditz (ed.). Peter Lang, 2021. Pp. 177–190. (In Rus.)]

Гращенков, 2018 – Гращенков П.В. Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности. М., 2018. [Grashchenkov P.V. Grammatika prilagatelnogo: Tipologiya adektivnosti i atributivnosti [Grammar of the adjective: Typology of adjectivity and attributivity]. Moscow, 2018.]

Падучева, 2006 – Падучева Е.В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–44. [Paducheva E.V. Genitive of the object in negative sentences. *Voprosy yazykoznaniya*. 2006. No. 6. Pp. 21–44. (In Rus.)]

Падучева, 2015 – Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 129–162. [Paducheva E.V. Suspended assertion and nonveridicality: The case of Russian negative polarity items. *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 129–162. (In Rus.)]

Падучева, 2017 – Падучева Е.В. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2017. [Paducheva E.V. Otritsatelnye mestoimeniya [Negative pronouns]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (http://rusgram.ru). Moscow, 2017.]

Рожнова, 2009 – Рожнова М.А. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ. 2009. [Rozhnova M.A. Sintaksicheskie svojstva otricatelnyx mestoimenij v ispanskom i russkom yazykah [Syntactic properties of negative pronouns in Spanish and Russian]. MA thesis. Russian State University for the Humanities. 2009.]

Россяйкин, 2021 – Россяйкин П.О. Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 69–118. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118 [Rossyaykin P. Russian negative pronouns are licensed above negation. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 69–118. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118]

Abels, 2005 – Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2005. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–74.

Bošković, 2009 – Bošković Ž. Licensing negative constituents and negative concord. *NELS 38*: *Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society.* A. Schardl, M. Walkow, M. Abdurrahman (eds.). Amherst, MA, 2009. Pp. 125–139.

Brown, 1999 – Brown S. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford (CA), 1999.

de Swart, 2010 – de Swart H. Expression and interpretation of negation: An OT typology. Dordrecht, 2010.

Dobrushina, 2012 – Dobrushina N.R. Subjunctive argument clauses in Russian. *Russian Linguistics.* 2012. Vol. 36. No. 2. Pp. 121–156.

Fitzgibbons, 2010 – Fitzgibbons N. Freestanding n-words in Russian: A syntactic account. *Journal of Slavic Linguistics*. 2010. Vol. 18. No. 1. Pp. 55–99.

Garzonio, 2019 – Garzonio J. Negative concord in Russian: An overview. *Studi di linguisticaslava*. 2019. Vol. 20. Pp. 175–190.

Giannakidou, 2011 – Giannakidou A. Negative and positive polarity items. *Semantics*: *An international handbook of natural language meaning*. Vol. 2. C. Maienborn, K. von Heusinger, P. Portner (eds.). Berlin, 2011. Pp. 1660–1712.

Giannakidou, Zeijlstra, 2017 – Giannakidou A., Zeijlstra H.F. The landscape of negative dependencies. *The Wiley Blackwell Companion to syntax*. 2nd ed. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). John Wiley & Sons, 2017. Pp. 1–38.

Haegeman, 1995 – Haegeman L. The syntax of negation. Cambridge University Press, 1995.

Keine, 2016 – Keine S. Probes and their horizons. PhD dis. University of Massachusetts. 2016.

Keine, 2021 – Keine S. Probes and their horizons. Cambridge, MA, 2021.

Kuhn, 2022 – Kuhn J. The dynamics of negative concord. *Linguistics and Philosophy*. 2022. Vol. 45. No. 1. Pp. 153–198.

Laka, 1990 – Laka I. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections. Dr. dis. MIT, Cambridge, Mass. 1990.

Letuchiy, 2025 – Letuchiy A. What does the linear position of negative concord items tell us about their properties? *Negative concord*: *A hundred years on*. J. van der Auwera, C. Gianollo (eds.). Berlin, 2025. Pp. 207–238.

Lyutikova, Gerasimova, 2023 – Lyutikova E., Gerasimova A. Negative concord and locality in Russian. *Canadian Journal of Linguistics* / *Revue canadienne de linguistique*. 2023. Vol. 68. No. 1. Pp. 31–73.

Pereltsvaig, 2006 – Pereltsvaig A. Negative polarity items in Russian and the “Bagel Problem”. *Negation in Slavic*. A. Przepiorkowski, S. Brown (eds.). Bloomington, Indiana, 2006. Pp. 153–178.

Przepiórkowski, Kupść, 1997 – Przepiórkowski A., Kupść A. Negative concord in Polish. Ms. Institute of Computer Science, Polish Academy of Sciences. 1997. URL: http://nlp.ipipan.waw.pl/~adamp/Papers/1997-828/.

Rossyaykin, 2025 – Rossyaykin P. The universal force of (strict) negative concord. *Negative concord*: *A hundred years on*. J. van der Auwera, C. Gianollo (eds.). Berlin, 2025. Pp. 123–148.

Rubin, 1994 – Rubin E.J. Modification: A syntactic analysis and its consequences. PhD dis. Cornell University. 1994.

Rudnev, 2024 – Rudnev P. Strict negative concord in Russian and the directionality of Agree. Ms. HSE University. Moscow. 2024.

Tsedryk, 2024 – Tsedryk E. Negative concord in East Slavic: Looking into the core of the Bagel Problem. *Strict negative concord in Slavic and Finno-Ugric*: *Licensing, structure and interpretation*. G. Dalmi, J. Witkoś, P. Cegłowski (eds.). Berlin, 2024. Pp. 21–61.

van der Auwera, 2022 – van der Auwera J. Nominal and pronominal negative concord, through the lens of Belizean and Jamaican Creole. *Linguistics*. 2022. Vol. 60. No. 2. Pp. 505–540.

Zehr, Schwarz, 2018 – Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018. DOI: 10.17605/OSF.IO/MD832

Zeijlstra, 2004 – Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. PhD dis. Utrecht University. 2004.

Статья поступила в редакцию 14.12.2024
The article was received on 14.12.2024

Об авторе / About the author

Байков Федор Владимирович – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Fyodor V. Baykov – PhD student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9376-0118
E-mail: baykov3105@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59
УДК 811.161.1/.163.4

Т. Балек[1], А.В. Циммерлинг[2, 3]

[1] Университет в Нови-Саде,
21102 г. Нови Сад, Республика Сербия

[2] Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

[3] Институт языкознания РАН,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Несовершенный вид и квантификация объектов: русский и сербский языки

В статье обсуждается употребление русских и сербских переходных глаголов несовершенного вида с количественными группами, указывающими на точное число индивидов. Вопреки высказывавшейся ранее гипотезе, семантика несовершенного вида не запрещает в русском и сербском языках квантификацию объектов в позиции прямого дополнения ни в предложениях с актуально-длительным значением несовершенного вида, описывающих длительное незавершенное действие, развертывающееся на глазах наблюдателя, ни в других типах неопределенно-длительных употреблений несовершенного вида. Небольшое число диагностических примеров объясняется не семантикой вида, а денотативными ограничениями, а также трудностями с разграничением первичных и интерпретационных глаголов, называющих ситуации, непосредственно описываемые другими предикатами.

Ключевые слова: вид, квантификация, абстрактные объекты, интерпретационные глаголы, славянские языки

Благодарности. Исследование проведено в рамках программы стажировки «InteRussia» при финансовой и организационной поддержке партнеров.

© Балек Т., Циммерлинг А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Балек Т., Циммерлинг А.В. Несовершенный вид и квантификация объектов: русский и сербский языки // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 38–59. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59

T. Balek[1], A. Zimmerling[2, 3]

[1] University of Novi Sad,
Novi Sad, 21102, Republic of Serbia

[2] Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

[3] Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

The imperfective aspect and object quantification: Russian and Serbian

This paper discusses the semantics and pragmatics of Russian and Serbian verbs taking quantified direct objects in the actual-durative (progressive) variation of the imperfective aspect. Contrary to the claim previously raised in Slavic aspectology, the meaning of the imperfective aspect does not constrain the realization of QPs like *dva jabloka* ‘two apples’ in the direct object position. This generalization holds both in the actual-durative construction describing incomplete durative processes from the viewpoint of the synchronized observer and in other durative uses of the imperfective aspect. The diagnostic examples are infrequent due to ontological reasons. Moreover, the progressive interpretation is context-dependent in Russian and Serbian, and the borderline between standard agentive verbs and interpretation verbs, cf. *analyzirovat’* ‘analyse’ and *issledovat’* ‘study’ is not strict.

Key words: aspect, quantification, abstract objects, interpretation verbs, Slavic languages

Acknowledgments. This study was realized as part of the “InteRussia” programme with financial and organizational support from its partners.

FOR CITATION: Balek T., Zimmerling A. The imperfective aspect and object quantification: Russian and Serbian. *Rhema.* 2025. No. 1. Pp. 38–59. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59

1. Постановка проблемы

Категория вида представляет собой одну из сложнейших черт грамматики славянских языков. Хотя совершенный вид (далее – СВ) и несовершенный вид (далее – НСВ) предположительно имеют общие значения, выбор формы вида зависит от конкретного языка [Петрухина, 2013]. Различие между двумя формами вида в плане квантификации объектов состоит в том, что СВ описывает завершенное событие или его результат, что благоприятствует исчислению индивидов, ср. рус. *Иван съел*$_{\text{СВ}}$ *два яблока*, срб. *Иван је појео*$_{\text{СВ}}$ *две јабуке*. Напротив, форма НСВ описывает незавершенное событие / множество событий или протекающее незавершенное действие и с трудом сочетается с обстоятельствами точного количества. В режиме наблюдения события в русском и польском языках неуместны предложения типа **Иван ел*$_{\text{НСВ}}$ *два яблока* [Wierzbicka, 1967; Гловинская, 1982; Падучева, 1996, с. 182–191], ср., однако, допустимое в сербском *Иван је јео*$_{\text{НСВ}}$ *две јабуке* ‘То же’[1]. Природа этого ограничения неясна, она может быть связана как с семантикой вида, так и с особенностями самих денотативных ситуаций (поеданием яблок и слив, чтением статей и т.п.).

В аспектологической литературе [Падучева, 1996] утвердилось мнение, что некоторые частные значения НСВ либо исключают показатели квантификации, либо ограничивают их использование, что предположительно обусловлено семантикой актуально-длительного значения НСВ и семантикой количественной группы. Мы попытаемся уточнить, употребляется ли НСВ в контекстах, где производится квантификация участников[2] ситуации, а также определить контексты таких употреблений в сербском и русском языках. По нашему мнению, ограничение на употребление актуально-длительного НСВ имеет денотативный, а не семантический характер[3].

[1] Для сербского языка нет системных исследований частных видовых значений, особенно тех, которые затрагивают проблемы квантификации. Приведенный сербский пример допустим в разговорной речи.

[2] Мы, прежде всего, имеем в виду те семантические актанты, которые реализуются в позиции прямого дополнения и маркируются вин. и род. п.

[3] Забегая вперед, отметим, что были обнаружены примеры употребления в актуально-длительном значении тех глаголов, которые не должны были бы использоваться в этом видовом значении, если бы оно запрещало сочетание с кванторами (см. далее).

Статья имеет следующую структуру: сначала выделяется инвариантное значение НСВ и перечисляются его частные значения. Потом анализируется обнаруженный корпусный материал русского и сербского языков. По мере необходимости, если выявляется разница в грамматике квантифицированных групп, комментируются случаи их употребления.

2. Грамматическое значение несовершенного вида

Категориальное значение НСВ – это обозначение действия в процессе его протекания, глаголы НСВ не обладают признаком ограниченности действия пределом и признаком целостности действия [Шведова, 1980, с. 581]. С учетом контекста, «Русская грамматика» выделяет 4 типа ситуаций, в которых грамматические значения вида проявляют свои специфичные значения: (1) ситуация единичного (неповторяющегося) конкретного действия, в которой НСВ указывает на неограниченный пределом конкретный процесс (включая и течение действия, и длительность состояния), вследствие чего данное частное значение называется **конкретно-процессным**; (2) **неограниченно-кратное** значение НСВ реализуется в ситуации повторяющегося действия; при реализации (3) ситуации постоянного отношения, а также (4) обобщенного факта русский язык использует только глаголы НСВ, в последнем случае тип употребления НСВ называется **обобщенно-фактическим** [Шведова, 1980, с. 602–603].

Е.В. Падучева и Д.В. Сичинава [Падучева, 1996, с. 10; Сичинава, 2013] делят употребления НСВ на три группы:

1) неопределенно-длительные, главным представителем которых является актуально-длительное значение (далее – АКД-НСВ), обозначающее действие, длящееся в момент наблюдения;

2) неограниченно-кратные (далее – НОК-НСВ), обозначающие узуальные, потенциальные и многократные ситуации;

3) общефактические (далее – ОФ-НСВ).

Термин «общефактическое значение» введен Ю.С. Масловым, который понимал ОФ-НСВ как значение НСВ, отвлеченное от акциональной специфики и сводящееся к указанию на то, что событие *p* имело место в прошлом. По Ю.С. Маслову, значение ОФ-НСВ «логически несводимо к процессному и, в большинстве случаев, синхронно невыводимо из него» [Маслов, 2004, с. 576]. Е.В. Падучева различает ОФ-НСВ экзистенциальное, отсылающее к личному опыту *X-а* в неопределенном прошлом, ср. *Иван* (*раньше*) *ходил на байдарке*, и ОФ-НСВ конкретное, ср. *К тебе только что приходила какая-то блондинка*, отсылающее к единичному событию в прошлом [Падучева, 1996, с. 27, 46].

Х.Р. Мелиг понимает термин «ОФ-НСВ» более узко и считает ОФ-НСВ конкретное (в его терминологии – «единично-фактическое») автономным значением [Мелиг, 2013, с. 25].

Частные видовые значения являются результатом взаимодействия нескольких факторов: помимо грамматического значения вида, здесь участвуют лексическое значение глагола, значения категорий времени, наклонения и лица, контекст, грамматическая конструкция [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 17]. «В силу разнообразия факторов, влияющих на результирующий облик этих значений, и, соответственно, множественности оснований, по которым могут быть проведены различия, границы между разными частно-видовыми значениями нечетки, а их состав и количество достаточно неопределенны» [Там же]. Ниже мы указываем несколько классификаций частных значений НСВ, не претендуя на то, что они носят исчерпывающий характер, т.к. вопрос о количестве частных значений НСВ и критериях их выделения остается дискуссионным [Храковский, 2015, с. 170].

Конкретно-процессное (= **актуально-длительное** [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 19]) значение НСВ описывает процесс или состояние, длящиеся в момент наблюдения, и реализуется в настоящем, прошедшем и будущем времени, ср. рус. *Не мешай, я работаю*, срб. *Не сметај ми, радим* ‘То же’; рус. *Когда я вошел, мой брат открывал окно*, срб. *Кад сам ушао, мој брат је отварао прозор* ‘То же’; рус. *...лежал на диване и читал книгу*; срб. *...лежао је на каучу и читао књигу* ‘То же’ (момент наблюдения фиксирован действием придаточного предложения) [Там же, с. 19–20]. Иными словами, АКД-НСВ обозначает ситуацию, развивавшуюся (непрерывно или почти непрерывно) на протяжении некоторого периода, включающего точку отсчета [Сичинава, 2013]. Рассматриваемое значение имеет две разновидности – **конативную** и **подчеркнуто-длительную**. В первой из них конкретный процесс представлен как попытка, т.е. стремление, направленное на достижение цели, а в последующей длительность действия или состояния фиксируется и конкретизируется лексически – наречиями *долго*, *всю ночь*, *целый месяц* и др. [Шведова, 1980, с. 604–605, 606].

Неограниченно-кратное значение НСВ также имеет несколько разновидностей: **потенциальную** (**потенциально-узуальную** и **потенциально-качественную**) и **наглядно-примерную** [Там же, с. 607]. А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев выделяют и следующие значения: многократное (итеративное), неактуальное (постоянно-непрерывное), континуальное, узуальное [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 24–25].

Обобщенно-фактическим (**общефактическим**) значением НСВ (с **негативной, ограниченно-кратной** и **перфектной** разновидностями,

а также со значением **аннулированного результата**) описывается действие безотносительно к тем или иным особенностям характера его осуществления [Шведова, 1980, с. 609], поэтому можно сказать, что оно предполагает сниженную агентивность [Циммерлинг, 2024]. В рамках ОФ-НСВ А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев выделяют следующие разновидности: ОФ-НСВ **результативное**, ср. рус. *Ты показывал ей это письмо*?, срб. *Јеси ли јој показивао ово писмо?* ‘То же’; рус. *Я тебя предупреждал*, срб. *Упозоравао сам те* ‘То же’), ОФ-НСВ **двунаправленное** (то же, что значение аннулированного результата по «Русской грамматике»), ОФ-НСВ **нерезультативное**, ср. рус. *Я умолял ее вернуться*, срб. *Молио сам је да се врати* ‘То же’) и ОФ-НСВ ***непредельное***, ср. рус. *В детстве Маша боялась мышей*, ср. срб. *Маша се у детињству бојала мишева* ‘То же’ [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 25]. Сведение ОФ-НСВ к двум подтипам – ОФ-НСВ экзистенциальному и ОФ-НСВ конкретному [Падучева, 1996, с. 43] – возможно, но следует иметь в виду, что не все славянские языки используют их в равной степени. Так, в чешском языке продуктивно только ОФ-НСВ конкретное, а в контекстах с неопределенными и отрицательными наречиями, где носители русского языка используют ОФ-НСВ экзистенциальное, ср. *когда-то заходил в этот ресторан*, *никогда не заходил в этот ресторан*, носители чешского языка употребляют форму СВ [Петрухина, 2013, с. 62].

Проблему для анализа представляет омонимия АКД-НСВ и ОФ-НСВ конкретного в высказываниях о частных событиях в прошедшем времени. В сербском языке, по предварительным оценкам, продуктивны как ОФ-НСВ экзистенциальное, так и ОФ-НСВ конкретное, поэтому вне контекста высказывания типа (1a) и (1b) омонимичны.

(1) a. <Иван обедает. Петр за ним наблюдает и затем сообщает об увиденном.> Иван сидел и ел$_{\text{АКД-НСВ}}$ салат и два яблока.
‘<Иван руча. Петар га посматра, и потом саопштава шта је видео.> Иван је седео и јео$_{\text{АКД-НСВ}}$ салату и две јабуке.’

b. <Иван отравился. Петр выясняет, что Иван ел на обед>. Иван ел$_{\text{ОФ-НСВ}}$ салат и два яблока.
‘<Иван се отровао. Петар објашњава шта је Иван јео за ручак.> Иван је јео$_{\text{ОФ-НСВ}}$ салату и две јабуке.’

Отдельного комментария требует связь АКД-НСВ и ОФ-НСВ с таксономическим предикатным значением действия/процесса. Обычно аспектологи допускают, что чисто видовые противопоставления, например, противопоставление АКД-НСВ vs. ОК-НСВ vs. ОФ-НСВ, перекрывают различия между акциональными классами предикатов, т.е. между

предикатами действия, процесса, состояния, отношения и т.п., ср. [Падучева, 2004, с. 30–41]. Однако значения ОФ-НСВ экзистенциального и ОФ-НСВ конкретного, возможно, не являются чисто видовыми. Так, Х.Р. Мелиг полагает, что они относятся к уровню информационной структуры [Мелиг, 2013]. АКД-НСВ тоже лучше диагностируется для агентивных предикатов. Абстрактные свойства не обладают длительностью, а т.н. внутренние состояния, ср. *X-у больно*, *грустно*, *трудно делать p*, нельзя наблюдать извне [Циммерлинг, 2022]. Можно наблюдать, как *X взвешивал*$_{\text{АКД-НСВ}}$ *помидоры*, но нельзя **видеть, как помидоры весили три килограмма*. Следуя традиции, в этой статье мы допускаем, что значение АКД-НСВ совместимо с длительными неагентивными ситуациями и рассматриваем ниже такие случаи, как *любить двух человек*, *знать две теоремы*, *исследовать два астрономических объекта*, где квантифицируются интенсиональные объекты, например, предметы любви и знания, или сам предикат не предполагает манипуляции с материальными объектами.

3. Проблема квантификации

Из вышеприведенных данных видно, что некоторым значениям НСВ свойственна временна́я квантификация, т.е. длительность или повторяемость действия, выражающаяся лексически, напр.: рус. *Лена каждый день ест мороженое*, срб. *Лена једе сладолед сваки дан*; рус. *Лена ест мороженое дважды каждый день* / *в день*, срб. *Лена једе сладолед два пута на дан* / *два пута дневно*. Это один из способов выражения количественной аспектуальности, в реализации которой, как и в приведенных примерах, участвуют неограниченно-кратное, многократное, итеративное, хабитуальное или узуальное значение НСВ, хотя некоторые из перечисленных терминов могут у разных авторов использоваться для обозначения одного и того же частного значения [Храковский, 2015, с. 170].

В качестве составных частей сказуемого глаголы[4] тоже могут квантифицировать: прежде всего, речь идет о формах грамматического числа, а также о временных, видовых и личных формах глаголов [Пипер, 2005, с. 910–911]. Мультипликативными и семельфактивными глаголами, напр., *куцкати*[5]/*куцнути* ‘стукать/стукнуть’, выражается квантификация событий, в то время как для указания на степень реализации

[4] Вне глагольной грамматики для квантификации предикатного выражения используются количественные наречия, а также наречия меры и степени [Пипер, 2005, с. 911].

[5] В сербском языке это мультипликативный глагол с диминутивно-аттенуативным значением, эквивалентом которого в русском языке может служить и *постукивать*.

используются наречия *мало* ‘мало’, *много* ‘много’ (*радити много* ‘работать много’ / *радити мало* ‘работать мало’) [Пипер, 2005, с. 911].

Однако нас интересует другой тип квантификации, а именно квантификация индивидов, которые представляют прямые дополнения глагола. Наш интерес мотивирован тем, что, как принято считать, показатели меры и количества в упомянутой синтаксической позиции не сочетаются с глаголами НСВ, если они употреблены в значении АКД-НСВ [Wierzbicka, 1967; Падучева, 1996, с. 182].

Итак, под квантификацией мы далее будем понимать разные способы исчисления определенных объектов, а нашей задачей становится исследование квантификации объектов в АКД-НСВ. Основное внимание уделяется показателям точного количества, но рассматриваются также и показатели приблизительной и неопределенной квантификации (напр., срб. *колико* ‘сколько’, *неколико* ‘нисколько’, *мало* ‘мало’, *много* ‘много’ и т.п.).

Несочетаемость некоторых частных значений русских глаголов НСВ с кванторами неоднократно обсуждалась. На несочетаемость глаголов НСВ с родительным партитивным указывал еще Р. Якобсон (1936/1985) (**ел хлеба*, **брал денег*), а Е.В. Падучева отметила, что партитив выражает идею неопределенного количества[6] [Падучева, 1996, с. 183]. Запрет на сочетаемость с АКД-НСВ показывают и количественные группы, содержащие показатели части (напр., *половина*, *три четверти*) [Там же], а также кванторы *весь*, *все* [Гловинская, 1982, с. 137].

Если действием охвачены все объекты одновременно, то запрет на употребление АКД-НСВ снимается, но выдвигается другой – расчленение действия на ряд последовательных актов, что является причиной оценки ситуаций типа *Он ест две груши* как неестественных, поскольку, по мнению Е.В. Падучевой, нельзя откусывать одновременно то от одной, то от другой груши. Рассматриваемая проблематика не вызвала особого интереса в сербской славистике, и исследуемые вопросы, насколько нам известно, не получили научной интерпретации. Прагматика употребления видов, на наш взгляд, эластичнее: напр., в сербском языке контекст *Он једе две крушке*, аналогичный вышеприведенному, т.е. ситуация поедания двух груш одновременно, не аномален, см. также (2):

[6] Хотя в современном литературном сербском языке родительный партитивный редко употребляется без квантора, в эквивалентных примерах, где существительное обозначает пищу или напитки, напр., *једе хлеба*/*колача* ‘ест хлеба/пирогов’, *пије кафе*/*чаја* ‘пьет кофе/чая’ и т.п., имплицитно подразумевается небольшое количество.

(2) – Ћелави, је л’ ти видиш да је ово јабука? Тајминг је за две јабуке[7] (sd.rs[8])
‘– Лысый, разве ты не видишь, что это яблоко? Время для двух яблок’.

Идентификация глагола *јести* ‘есть’ в АКД-НСВ возможна, потому что речь идет о разговоре, и вопросительным предложением происходящая ситуация вмещается в синхронный момент, благодаря чему наблюдателями становятся и адресат, и адресант, который сообщает о поедании двух яблок[9]. Если предел (ограничение во времени) задан не количественной группой, а иным способом, употребление НСВ облегчается [Падучева, 1996, с. 186]. В примере *С утра он нас ждет обоих* (НКРЯ[10]) ‘Од јутра нас он обоје чека’ предел маркирован наречием с *утра*.

Неопределенность количества тоже является препятствием для употребления НСВ [Падучева, 1996, с. 188]. Тем не менее, неопределенность, условно говоря, градуируется: с *некоторый* употребление НСВ запрещается (**Он покупает несколько журналов*), но в то же время с *какие-то* допускается (*Он покупает какие-то журналы*) [Падучева, 1996, с. 188]. Данная интерпретация обосновывается тем, что первым местоимением выражается общая для всех участников ситуации неопределенность, а вторым – неопределенность только для говорящего.

Нам кажется, что на ситуации такого типа можно смотреть и иначе. Допустим, что говорящему неизвестно, сколько вещей покупает *X*,

---

[7] Из расширенного контекста становится понятно, что *X* по совету нутрициолога ест два яблока, а вопрос, как поедание двух яблок может осуществляться одновременно, никто не ставит.

[8] URL: https://www.sd.rs/vip/vip/celavi-je-l-ti-vidis-da-je-ovo-jabuka-mili-isprozivao-mariju-zbog-kilaze-ona-mu-uzvratila-2022-11-21 (дата обращения: 18.08.2024).

[9] Решение данной проблемы предлагается ниже. В этом месте приведем пример из интернета, который иллюстрирует трудности идентификации частных значений НСВ в контексте: *Двије јабуке увијек једем* [**поједем*] *у исто вријеме. Прво загризем једну, па другу, па она која ми је слађа њу једем другу а ову која није једем прву јер ако поједем прво слађу ова друга ми се неће јести*... (https://x.com/MrOklagija/status/1798433210545889453) ‘Два яблока всегда ем [**съем*, **поем*] одновременно. Сначала откусываю от одного, затем от другого, а потом то яблоко, которое не сладкое, ем первым. Если бы я съел сначала сладкое яблоко, не хотел бы есть несладкое’.

В этом примере разными средствами представлены и узуальное значение (лексикализовано наречием *увијек* ‘всегда’), и АКД-НСВ (ср. *у исто вријеме* ‘одновременно’). Наблюдатель сам описывает ситуацию, в которой одновременно совершает действие над двумя объектами, несмотря на то, что на самом деле откусывания яблок осуществляются поочередно, см. [Падучева, 1996, с. 184–185]. Тем самым, сам субъект действия считает свое предложение вполне правильным.

[10] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 01.07.2024).

но это должно быть известно самому покупателю. Поэтому действует важный контекстный фактор, снижающий степень неопределенности. В примере (3) субъект покупает не совсем неопределенное количество билетов, а именно столько, сколько можно купить за трудовые деньги:

(3) Отработав смену, он спешит в центр на улицу имени революционного демократа Герцена в консерваторию имени национального гения Чайковского и свободно (что чистая правда) **покупает**$_{НСВ}$ **несколько билетов на свои трудовые деньги**. (НКРЯ)
‘Одрадивши смену, он жури у центар на улицу револуционарног демократе Херцена у конзерваторију националног генија Чајковског и слободно (то је сушта истина) **купује**$_{НСВ}$ **неколико карата за своју дневницу**.’

Вопреки перечисленным факторам, затрудняющим употребление АКД-НСВ с кванторами, мы попытались найти примеры употребления глаголов разных классов с семантически и синтаксически детерминированными дополнениями в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и Интернет-корпусе сербского языка (SRWAC[11]). Главными критериями отбора глаголов были частотность употребления и валентностная структура – дополнения в винительном или родительном падежах. В нескольких случаях были рассмотрены и глаголы с предложно-падежным оформлением дополнений.

3.1. Актуально-длительное значение несовершенного вида в контексте квантификации

Для того чтобы проверить, употребляется ли АКД-НСВ с кванторами, и если да, то при каких условиях, помимо наиболее частотных пар глаголов, требующих дополнения в винительном либо родительном падежах, а именно рус. *читать*, срб. *читати*, рус. *смотреть*, срб. *гледати*, рус. *есть*, срб. *јести*, рус. *пить*, срб. *пити* и рус. *слушать*, срб. *слушати*, мы рассмотрели также глаголы созидательной деятельности: рус. *варить*, срб. *кувати*, рус. *жарить*, срб. *пржити*, рус. *печь*, срб. *пећи*, рус. *готовить*, срб. *спремати*, глаголы восприятия и ментальной сферы: рус. *видеть*, срб. *видети*, рус. *чувствовать*, срб. *осећати*, рус. *анализировать*, срб. *анализирати*, рус. *исследовать*, срб. *истраживати*, рус. *любить*, срб. *волети*, рус. *обдумывать*, срб. *размишљати о*, рус. *утверждать*, срб. *тврдити*, и глаголы речевой деятельности: рус.

[11] srWaC (Serbian Web). URL: https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac;align= (дата обращения: 15.08.2024).

болтать, срб. *брбљати*, рус. *бормотать*, срб. *мрмљати*, рус. *выговаривать*, срб. *изговарати*, рус. *выкладывать*, срб. *излагати*, рус. *информировать*, срб. *информисати*, рус. *уточнять*, срб. *утврђивати*.

Помимо упомянутых, были проверены глаголы движения: рус. *нести* и *носить*, срб. *носити*, глаголы, связанные с обменом или передачей объектов: рус. *принимать*, *брать*, срб. *узимати*, рус. *покупать*, срб. *куповати*, рус. *дарить*, срб. *поклањати*, рус. *получать*, срб. *добијати*, рус. *продавать*, срб. *продавати* и рус. *посылать*, срб. *слати*, а также статальный глагол рус. *ждать*, срб. *чекати*, посессивный глагол рус. *держать*, срб. *држати*, и глагол рус. *встречать*, срб. *сусретати се*, *састајати се*. Иногда квантифицируемый объект может быть оформлен и с помощью других средств, например, конструкций с предлогами *с* и *на*, как в случае глаголов речи рус. *спорить с* (*кем-то*), срб. *свађати се са*, *препирати се са*, рус. *говорить с* (*кем-то*), срб. *разговарати са*, и при глаголе влияния рус. *воздействовать на* (*кого-то*), срб. *утицати на*.

3.2. Прагматика глаголов с актуально-длительным значением несовершенного вида

Как уже упоминалось, в русистике примеры типа *Он ест две груши* считаются доводом в пользу того, что АКД-НСВ нельзя использовать с кванторами, поскольку действие разбивается на последовательные акты: сперва *X* ест одну грушу, затем – другую. Тем не менее, можно интерпретировать нижеприведенные денотативные ситуации и иначе: в (4a) и (4b) субъект одновременно употребляет в пищу несколько одинаковых объектов (2 сливы и 3 кубика шоколада), помещая их в один контейнер – рот. Поскольку все объекты в контейнере подвергаются воздействию (жеванию) одновременно, нельзя разбить этот процесс на ряд последовательных актов. То же самое в (5), где субъект ест 3 шарика мороженого, которые представляют собой единое целое[12]. В ситуациях, содержащих глагол *есть* с квантифицированными объектами, надо учитывать размер, тип (форму) и число объектов, помещающихся в контейнер. Так как при глаголе *есть* в качестве контейнера служит рот, мы считаем, что в ситуациях, подобных следующим, допустимо использование АКД-НСВ с кванторами:

(4) a. Вася **ест**$_{\text{АКД-НСВ}}$ **две сливы сразу**, запихнул их себе за щеку и жует.
‘Васја **једе**$_{\text{НСВ}}$ **две шљиве одједном**, ставио их за образ и жваће.’

[12] Из-за свойства мороженого таять трудно съесть один шарик, сделать паузу, а потом есть остальные.

(4) b. Нина **једе**$_{\text{АКД-НСВ}}$ **три коцкице чоколаде**, а Нађа је већ све појела, па је тужно посматра.
‘Нина **ест**$_{\text{АКД-НСВ}}$ **три кубика шоколада**, а Надя уже все съела, и грустно смотрит на нее.’

(5) Напољу је хладно, сви су у јакнама, кишобранима се бране од налета кише, а ја **једем**$_{\text{АКД-НСВ}}$ **три огромне кугле** [сладоледа]. (SRWAC)
‘На улице холодно, все в куртках, зонтиками борются с дождем, а я **ем**$_{\text{АКД-НСВ}}$ **три огромных шарика мороженого**.’

Предложенное нами толкование не универсально, но его можно применить к разным типам денотативных ситуаций, в зависимости от употребляемого глагола, учитывая тип, размер и число исчисляемых объектов, а также контейнер, который может и не способствовать квантификации объектов.

В случае с глаголом *пить* мы не можем использовать описанный выше аргумент, хотя жидкость помещается в тот же контейнер – рот. Наш материал демонстрирует, что с АКД-НСВ при глаголе *пить* появляются обстоятельства времени, с помощью которых уточняется частотность действия. В тех случаях, когда квантифицируется объект, обычно употребляется настоящее историческое, а не АКД-НСВ. Данное состояние можно объяснить формой объекта: жидкость неисчисляема, не имеет формы и размера, т.к. они определяются контейнером. Поэтому контейнер, изначально содержавший жидкость (бутылка, бочка, бокал и пр.) и, условно говоря, вторичный контейнер, где она находится непосредственно до питья, в большинстве случаев не совпадают, а объект теряет единство (напр., *чашка чая* (из всей совокупности чая в чайнике), *рюмка водки* (ср. *бутылка водки*) и т.д.). Хотя можно выпить все содержание вторичного контейнера, в третичный контейнер (рот) вмещается иногда больше, иногда меньше жидкости, по сравнению со вторичным. К тому же важное отличие от объектов при глаголе *есть* состоит в том, что при глаголе *пить* объекты не могут смешиваться внутри контейнера одновременно[13] и таким способом подвергаться действию.

В нашем списке есть глаголы, обозначающие устойчивые состояния, свойства и отношения, которым обычно не свойственно употребление в АКД-НСВ [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 21]. Однако с учетом того, что речь идет о многозначных глаголах, нам кажется, что глаголы рус. *любить*, срб. *волети* в некоторых значениях могут поддерживать

[13] Субъект не может прибавлять новое количество жидкости до того момента, как он проглотит то, которое уже в его рту.

реализацию АКД-НСВ. Например, в (6a) *X* заявляет, что любит более чем одного мужчину, а актуальность этого чувства в настоящем моменте обозначена наречием *сейчас*, вопреки тому, что в литературе такие глаголы называются глаголами неактуального состояния, не отвечающими на вопрос ‘Что ты сейчас делаешь?’ [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 21]. Данная разница видна в сравнении с (6b), где аналогичным сербским глаголом *волети* тоже охвачены два объекта, но вопреки наречию *истовремено*, указывающему на то, что чувство *X-а* одновременно распределяется на двух людей, семантики АКД-НСВ ни в первой, ни во второй клаузе нет. Между тем, выраженное говорящим в (6b) противопоставление строится на признаке актуальности: можно (по мысли говорящего) в неактуальном смысле любить$_1$ разных людей, но актуально любить$_2$ следует лишь того единственного, с которым ты сейчас встречаешься.

(6) a. Потому что я сейчас тоже **люблю**$_{НСВ}$ – **двоих (**НКРЯ).
‘Зато што ја тренутно такође волим$_{НСВ}$ – **двојицу**.’

b. Могуће је **волети$_1$ две особе истовремено**, али треба **волети$_2$** само једног партнера (SRWAC).
‘Любить двух человек одновременно можно, но любить следует только одного партнера.’

В примере (7) чувство *X-а* тоже распределено на два объекта одновременно, но в отличие от (6a) нельзя с уверенностью сказать, что реализуется АКД-НСВ. Этому препятствует, с одной стороны, употребление глагола *знать*, который тоже принадлежит к классу неактуальных состояний, а с другой – отсутствие эксплицитной ссылки на синхронный момент.

(7) Я **вас люблю**$_{НСВ}$ **обоих** и знаю, что вы оба любите меня, но вы не терпите друг друга, и мне это страшно больно. (НКРЯ)
‘**Волим**$_{НСВ}$ **вас обојицу** и знам да и вас двојица волите мене, али се не трпите, и то ме страшно боли.’

3.3. Глаголы несовершенного вида с абстрактными объектами в контексте квантификации

Объекты, подвергающиеся квантификации, не ограничиваются признаками одушевленности и конкретности. Это особенно характерно для глаголов чувственного восприятия. В примере (8a) речь идет об эмоциях, которые субъект одновременно переживает в момент речи. В примере (8b) квантифицируются тактильные ощущения, а длительность ситуации выводится из предшествующего контекста: описывается эксперимент, который проводили определенное время.

(8) a. Не знаю, как действовать и как перестать **чувствовать**$_{НСВ}$ **две эмоции**, которые никогда не должны сливаться в одну (rusainte[14]).
‘Не знам шта да учиним и како да престанем да **осећам**$_{НСВ}$ **два осећања**, која никада не би требало да се слију у једно.’

b. Он је, том приликом, требао да пријави колико јасно **разликује**$_{НСВ}$ **та два места додира**, или да ли осећа два или само један додир (SRWAC).
‘В этом случае он должен был сообщить, насколько четко он **различает**$_{НСВ}$ **эти два места касания**, или чувствует ли он два или только одно касание.’

В подходящем контексте глаголы интеллектуальной деятельности и семантически недоопределенные глаголы, интерпретация которых проясняется благодаря вкладу их дополнений, ср. *готовить* (еду, доклады и т.д.), могут употребляться в НСВ с квантифицированными объектами. Такой интерпретации благоприятствуют не только употребленные наречия, но и другие факторы. Мы имеем в виду предшествующие знания коммуникантов. Если знать, что в контексте (9) разговаривают астрономы, не будет странным одновременное исследование трех объектов: с учетом технологического прогресса, ситуация, которая, может быть, была бы аномальной лет 30 назад, ныне вполне возможна. Русский глагол *исследовали* в (9) может рассматриваться, как двувидовой, хотя последняя реплика диалога указывает на то, что речь не идет о результативной интерпретации ‘изучили три объекта и выяснили, что *p*’. Но его сербский эквивалент *проучавали* однозначно указывает на форму НСВ[15].

(9) А: Ну и что, удачным был прошлый месяц?
‘Па, је ли био успешан прошли месец?’

Б: Так себе. В одну из наших рабочих ночей мы **исследовали**$_{НСВ/СВ}$ **три** объекта.
‘Онако. Током једне истраживачке ноћи **проучавали**$_{НСВ}$ **смо три објекта.**’

А: Ого! Выводы?
‘Охо! Закључци?’

Б: Да пока никакие, продолжаем обсервацию.
‘Ма још увек никакви, настављамо опсервацију.’

[14] URL: https://ru.sainte-anastasie.org/articles/psicologia/cuando-siento-amor-y-odio-a-la-vez.html (дата обращения: 03.08.2024).

[15] Ср. морфологическое противопоставление НСВ и СВ при другом русском глаголе: *изучать*$_{НСВ}$ *что-л. vs. изучить*$_{СВ}$ *что-л.*

С одной стороны, контекст (9) благоприятствует интерпретации АКД-НСВ: астрономы сидят (стоят) и исследуют *n* астрономических объектов в течение отрезка времени (*в одну из рабочих ночей прошедшего месяца*). С другой стороны, глагол *исследовать*, возможно, является интерпретационным предикатом, характеризующим ситуации, называемые какими-то другими глаголами. Можно видеть, как астрономы глядят в телескоп и делают пометы в блокноте, но нельзя видеть, как они осмысляют открывшуюся перед ними картину в своей голове. Поэтому мы склонны считать, что в (9) реализуется значение ОФ-НСВ конкретного, с ретроспективной, а не синхронной позицией наблюдателя.

В (10a) и (10b) глагол *анализировать* ‘анализирати’ употреблен в НСВ с квантифицированным абстрактным объектом, на что указывают следующие элементы контекста: в (10a) помимо эксплицитно указанной точки отсчета, выраженной придаточным предложением *вот уже второй месяц, как...* помогающей идентифицировать происходящую ситуацию на оси времени, на протяженность действия в момент речи сигнализирует и устойчивое выражение *пытаются найти выход*.

(10) a. Вот уже второй месяц, как Сеня получает зарплату меньше обычного. Они с Соней **анализируют**$_{НСВ}$ **две возможных причины** такой ситуации, пытаются найти выход из этого положения.
‘Већ је други месец откако Сења добија мању плату него обично. Он и Соња **анализирају**$_{НСВ}$ **два могућа узрока** тога, труде се да нађу излаз из те ситуације.’

b. Правосудни органи тренутно **анализирају**$_{НСВ}$ **четири случаја пљачки викендица** у близини Новог Сада.
‘Судебные органы на данный момент анализируют$_{НСВ}$ четыре случая ограбления дач вблизи Нови-Сада.’

Глагол *анализировать* тоже не обозначает наблюдаемые действия. Однако здесь интерпретация ОФ-НСВ с ретроспективной позицией наблюдателя невозможна, т.к. описывается открытый отрезок времени, включающий момент речи. Типичный вопрос ‘*что X сейчас делает*’ не исключен в контексте (10), поскольку размышления могут интерпретироваться как действия. Он еще более уместен в контексте (11), где идет речь уже не об интеллектуальной деятельности, а о манипуляции с материальными объектами. Помимо самой формы глагола *готовить* (срб. *припремати*, *спремати*), в (11a) на актуальность действия указывает и придаточное предложение, особенно наречие *срочно* ‘хитно’. В (11b) в рассматриваемой функции используются наречия *сейчас* ‘сада’ и *параллельно* ‘паралелно’. Из диалога двух друзей в (11c) мы узнаем,

что лицо Б готовится к двум вступительным экзаменам. Очевидно, что это действие началось в какой-то момент в прошлом, но, по всей видимости, оно продолжается и в момент речи.

(11) a. Ира **готовит**$_{НСВ}$ **две копии этих телеграмм** к завтрашнему докладу, но мне срочно нужен принтер.
‘Ира **припрема**$_{НСВ}$ **две копије ових телеграма** за сутрашњи извештај, али ми је хитно потребан штампач.’

b. У нас много новых проектов. Сейчас мы **готовим**$_{НСВ}$ **две новые серии**, актеры устали, нелегко работать параллельно.
‘Имамо много нових пројеката. Сада **спремамо**$_{НСВ}$ **две нове серије**, глумци су уморни, није им лако да раде паралелно.’

c. А: Хајде с нама сутра на рођендан код Ивана.
‘Давай завтра с нами на день рождения Ивана.’

Б: Радо, али не могу, устајем у 5 ујутро да спремам$_{НСВ}$ пријемни за математику и филозофију, то ми одузима превише времена.
‘Я бы хотел, но не могу, встаю в 5 утра, чтобы готовиться$_{НСВ}$ к вступительным экзаменам по математике и философии, это занимает слишком много времени.’

А: **Спремаш**$_{НСВ}$ **два пријемна**? За матф и философију? Ако успеваш, свака част...
‘**Готовишься**$_{НСВ}$ **к двум вступительным экзаменам**?
К математике и философии? Если успеваешь, поздравляю.’

Б: Само добра организација.
‘Просто хорошая организация.’

Контекстуально значимым событийным маркером, помимо придаточного предложения с союзом *как* [Арутюнова, 1988, с. 185; Зализняк, 2006, с. 454; Циммерлинг, 2024] и наречий, могут быть и другие маркеры, с помощью которых действие локализуется на оси времени. В (12a) – это частица *вот* ‘ево’, а в (12b) – коммуникативная ситуация, из которой говорящий извлекает дополнительную информацию о нужном количестве хлеба. Обеспечение хлебом не ограничено ведущимся разговором, но благодаря ему рассматривается в актуально длящемся моменте.

(12) a. Вот я **беру**$_{НСВ}$ **две серебряные ложки** и кладу их себе в карман. Ты что, молчать об этом будешь, или всем расскажешь? (НКРЯ)
‘Ево ја **узимам**$_{НСВ}$ **две сребрне кашике** и стављам их у свој џеп. А шта ћеш ти – ћутаћеш или ћеш испричати свима?’

(12) b. Он спрашивает: откуда же вы **берете**$_{НСВ}$ **столько хлеба**, что на всех хватает? – опять перевела хозяйка. (НКРЯ)
‘Он пита: одакле **узимате толико**$_{НСВ}$ **хлеба** да никоме не фали? – опет је превела домаћица.’

Наличие в высказывании указания на конкретное событие не всегда означает, что его смысл нельзя истолковать двояко. Например, сербский глагол *узимати (лекове)* ‘принимать (лекарства)’ в (13), употребленный в прошедшем времени, можно интерпретировать и в АКД-НСВ, и узуально, несмотря на маркер одновременности – *у тренутку писања депеше* ‘на момент написания телеграммы’. Контекст допускает, что лекарства действительно принимались в тот момент, пока *X* писал. С другой стороны, если смотреть шире, речь может идти и об общей ситуации приема четырех лекарств как до того момента, как наступила ситуация написания телеграммы, так и после нее.

(13) У тренутку писања депеше Милошевић је **узимао**$_{НСВ}$ **четири лека**, а последњу епизоду са високим притиском имао је шест недеља раније. (SRWAC)
‘На момент написания телеграммы **Милошевич принимал**$_{НСВ}$ **четыре лекарства**. Последний случай повышения давления у него был шесть недель назад.’

Глагол *брать* с кванторами употребляется в определенном типе контекстов, а именно в рецептах и инструкциях, где он, вопреки форме настоящего времени, указывает на план будущего и имеет побудительное значение: рус. ***Берем***$_{НСВ}$ ***три яйца***, *отделяем*$_{НСВ}$ *белки* (НКРЯ). Такое употребление характерно и для сербского аналога *узимати*: срб. ***Узимамо***$_{НСВ}$ ***три јаја***, *одвајамо*$_{НСВ}$ *беланца*.

Отмеченная роль коммуникативной ситуации неслучайна. Как выше было сказано, вопросительные предложения помогают идентифицировать события с синхронным наблюдателем, особенно если глагол восприятия типа *видеть* ‘видети’ использован в своем прямом значении, как в (14). В (15) за кадром стоит разговор, в котором адресату показалось, что он видит две книги, лежащие на столе, что является причиной уточнения информации адресантом.

(14) **Видишь**$_{НСВ}$ **двух парней** в первом ряду? (НКРЯ)
‘**Видиш**$_{НСВ}$ **ли два момка** у првом реду?’

(15) Једна је књига на столу, само вам се чини да **видите**$_{НСВ}$ **две**. Упалите светло.
‘На столе одна книга, вам только кажется, что **видите**$_{НСВ}$ **две**. Включите свет.’

3.4. Актуально-длительное значение несовершенного вида и близкие видовые значения

В примерах (8), (10)–(15) интерпретация ОФ-НСВ в силу синхронной позиции наблюдателя исключена. Но значит ли это, что в них реализуется АКД-НСВ? Здесь нужно договориться о диагностике и числе признаваемых частных значений НСВ. Д.В. Сичинава вслед за А.А. Зализняк и А.Д. Шмелевым [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 24] и И.Б. Шатуновским [Шатуновский, 2009, с. 100–114], наряду с АКД-НСВ причисляет к группе неопределенно-длительных употреблений НСВ значения ‘постоянного отношения’, ср. *граничить с чем-л.*, *равняться чему-л.*, и ‘временно́го континуума’, возникающего «в контексте глаголов, обозначающих разнородный процесс, который занимает продолжительное время (сверхдолгий интервал), но воспринимается как единый» [Сичинава, 2013], ср. *руководить*, *питаться*. Первое значение менее релевантно для нашей статьи, т.к. предикаты постоянного отношения лишены процессной семантики. Тем не менее, легко построить контекст, где обозначаемая ситуация будет непосредственно наблюдаемой, ср. (16).

(16) Иван видел, что дача Петра граничит$_{НСВ}$ с **тремя другими участками**.
‘Иван је видео да се Петрова викендица граничи са три друге парцеле.’

Континуальное значение НСВ можно признать в контекстах (10)–(11), т.к. русские глаголы *анализировать*, *готовить* и их сербские эквиваленты уместно описывать как интерпретационные предикаты. При желании так же по схеме Д.В. Сичинавы можно описать и контексты (14)–(15), где реализуется глагол восприятия *видеть*, но обозначаемый им интервал ограничен периодом визуального контакта и не является сверхдолгим. Однако русские глаголы *брать* и *принимать и* сербский глагол *узимати* в (12) и (13) не имеют континуального значения, не являются интерпретационными и могут обозначать визуально наблюдаемые действия, занимающие отрезок времени. Тем самым, в этих контекстах реализуется именно АКД-НСВ. Поэтому то, что примеры с этими глаголами, подтверждающие возможность квантификации объектов, выпали из поля зрения наших предшественников, вызывает удивление.

4. Обсуждение

Подведем итоги. Тезис о том, что семантика славянского НСВ или его актуально-длительного подвида исключает квантификацию объектов, опровергается материалом русского и сербского языков. Относительная

редкость предложений АКД-НСВ, содержащих указание на точное число объектов незавершенного действия в режиме синхронного наблюдения, объясняется денотативными (онтологическими) факторами. В общем случае, неверно, будто условием приемлемости предложений АКД-НСВ, содержащих количественную группу *два X-а*, *пять X-в*, ср. *X ест две груши*, является расчленение действия на ряд последовательных актов – ‘Вначале *X* ест грушу № 1. Затем *X* ест грушу № 2…’. В некоторых контекстах синтаксические группы типа *три кугле сладоледа* ‘три шарика мороженного’ в примере (5) при желании можно интерпретировать не как квантифицированные множества, а как указания на единый объект сложной конфигурации. Но и тут мы, скорее, имеем дело с онтологией предмета, чем с семантикой вида. В любом случае, предложения АКД-НСВ типа *За соседним столом Иван ест свои две порции пельменей* обычно одновременно допускают и а) последовательную (*X* вначале выкладывает себе на тарелку одну порцию, затем – вторую), б) конфигурационную (две порции – не два разных предмета, а суммарное количество еды, заказанной *X*-м) и в) одновременную (*X* поочередно ест пельмени из первой и из второй порции) интерпретацию. Из самой формы высказывания эту информацию извлечь нельзя. Точно также для ситуации приема четырех лекарств, см. контекст (13), не нужно ad hoc постулировать ни то, что *X* якобы вначале непременно принимает первое лекарство, затем – второе, третье и четвертое, ни то, что говорящий якобы непременно имеет в виду комплект из четырех лекарств или общий период их применения, а не единичную ситуацию их использования. Соответствующая информация может быть получена лишь из дискурса или знаний о мире.

Более сложные проблемы связаны с абстрактными (интенсиональными) объектами, т.е. тем, что *X* видит, чувствует, анализирует и т.п., и объектами абстрактных и манипулятивных глаголов, ср. рус. *взять*, *брать*, *получать*, *принимать*, *готовить*, срб. *узимати*, *спремати*, *припремати*. Близкие, но не тождественные АКД-НСВ группы видовых значений – постоянного отношения, ср. (16), континуума неопределенной длительности, ср. (11)–(12), актуального, ср. (14)–(15) и устойчивого отношения, ср. (7), по-видимому, вообще не накладывают ограничений на квантификацию объектов. С точки зрения носителей русского и сербского языков, можно не только одновременно есть два яблока, но и одновременно испытывать две разных эмоции, ср. (8), одновременно любить двух разных людей, ср. (6a, b), одновременно исследовать три разных астрономических объекта, ср. (9), одновременно готовиться к двум разным экзаменам, ср. (11c) и т.д. Такая широкая сочетаемость, вероятно, универсальна, т.к. ни в логической форме переходного

сказуемого, ни в концептах абстрактных и предметных имен нет ничего, что запрещало бы квантификацию объектов. Однако доступность интерпретации АКД-НСВ, т.е. режима описания события, развертывающегося на глазах наблюдателя, является конструкционным свойством, отражающим взаимодействие словаря и грамматики русского [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 23] и сербского языков. Каноническими предикатами АКД-НСВ являются глаголы, непосредственно называющие длительное действие, не являющиеся интерпретационными предикатами и выбирающие объекты, которые существуют независимо от физической и когнитивной деятельности человека, в отличие от таких объектов, как яма и научная статья. Грань между интерпретационными и обычными глаголами порой неочевидна. Поэтому ответ на стандартный вопрос «Что ты сейчас делаешь?» – *Рою две ямы* / *Пишу три статьи* / *Готовлюсь к двум экзаменам* и т.п., вопреки тому, что утверждается в аспектологической традиции, сам по себе не проясняет, имеем ли мы дело с контекстом АКД-НСВ или нет.

Библиографический список / References

Арутюнова, 1988 – Арутюнова Н.Д. Оценка, событие, факт. М., 1988. [Arutyunova N.D. Otsenka, sobytie, fakt [Evaluation, event, fact]. Moscow, 1988.]

Гловинская, 1982 – Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. [Glovinskaya M.Ya. Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow, 1982.]

Зализняк, 2006 – Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. [Zaliznyak A.A. Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya [Polysemy in language and ways of representing it]. Moscow, 2006.]

Зализняк, Шмелев, 1997 – Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. München, 1997. [Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Lektsii po russkoi aspektologii [Lectures on Russian aspectology]. München, 1997.]

Зализняк, Шмелев, 2000 – Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000. [Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu [Introduction to Russian aspectology]. Moscow, 2000.]

Маслов, 2004 – Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. [Maslov Yu.S. Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, 2000.]

Мелиг, 2013 – Мелиг Х.Р. Общефактическое и единично-фактическое значение несовершенного вида в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 19–47. [Mehlig H.R. General factual and singular factual meaning of the imperfective aspect in the Russian language. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. 2013. No. 4. Pp. 19–47. (In Rus.)]

Падучева, 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

[Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic research. Semantics of time and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow, 1996.]

Падучева, 2004 – Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. Moscow, 2004. [Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, 2004.]

Петрухина, 2013 – Петрухина Е.В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 48–69. [Petrukhina E.V. Types of process semantics of the imperfective aspect in Russian and Czech languages. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. 2013. No. 4. Pp. 48–69. (In Rus.)]

Пипер, 2005 – Пипер П. Квантификација // Синтакса савременога српског језика. Проста реченица. М. Ивић (ур.). Београд; Нови Сад, 2005. С. 870–914. [Piper P. Quantification. *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rechenitsa*. M. Ivich (ed.). Beograd; Novi Sad, 2005. Pp. 870–914. (In Serbian)]

Сичинава, 2013 – Сичинава Д.В. Несовершенный вид. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). На правах рукописи. Москва, 2013. Дата последнего изменения: 31.03.2024. [Sichinava D.V. Nesovershennyi vid. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki (rusgram.ru) [Imperfective aspect. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (rusgram.ru)]. As a manuscript. Moscow, 2013. Last modified: 31.03.2024.]

Храковский, 2015 – Храковский В.С. Несовершенный вид: опыт интерпретации частных значений // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 3. С. 169–178. [Khrakovskii V.S. Imperfective aspect: A tentative interpretation of specific meanings. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2015. No. 3. Pp. 169–178. (In Rus.)]

Циммерлинг, 2022 – Циммерлинг А.В. Предикаты состояния и семантические типы предикатов // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски. С. Коева, Е.Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). София, 2022. С. 31–52. DOI: 10.7546/STONTBgRu2022.02 [Zimmerling A.V. State predicates and semantic predicate types. *Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive study of Bulgarian and Russian*. S. Koeva, E.Yu. Ivanova, Y. Tisheva, A. Zimmerling (eds.). Sofia, 2022. Pp. 31–52. (In Rus.). DOI: 10.7546/STONTBgRu2022.02/]

Циммерлинг, 2024 – Циммерлинг А.В. События. Факты. Фактивность // Логический анализ языка. Язык и мир. К 100-летию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой. Л.В. Ковшова (ред.). М., 2024. С. 95–116. DOI: 10.5281/zenodo.15364943 [Zimmerling A.V. Events. Facts. Factactivity. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i mir. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Niny Davidovny Arutyunovoi*. M.L. Kovshova (ed.). Moscow, 2024. S. 95–116. (In Rus.). DOI: 10.5281/zenodo.15364943]

Шатуновский, 2009 – Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М., 2009. [Shatunovsky I.B. Problemy russkogo vida [Problems of the Russian species]. Moscow, 2009.]

Шведова, 1980 – Русская грамматика. Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Т. 1. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1. Moscow, 1980.]

Якобсон, 1936/1985 – Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 193–230. [Yakobson R. Towards a general doctrine of case. *Yakobson R. Izbrannye raboty*. Moscow, 1985. Pp. 193–230. (In Rus.)]

Wierzbicka, 1967 – Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish. *To honor Roman Jakobson*: *Essays on the occasion of his 70 birthday*, *11*. *October 1966*. The Hague – Paris, 1967. Pp. 2231–2249.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024
The article was received on 05.10.2024

Сведения об авторах / About the authors

Балек Тияна – доктор лингвистики; доцент кафедры славяноведения философского факультета, Университет в Нови-Саде, Республика Сербия

Tijana Balek – Dr. (Linguistics); Associate Professor at the Department of Slavic Studies of the Faculty of Philosophy, University of Novi Sad, Republic of Serbia

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1391-1570
E-mail: tijana.balek@ff.uns.ac.rs

Циммерлинг Антон Владимирович – доктор филологических наук; заведующий лабораторией типологической и теоретической лингвистики, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики, Институт языкознания РАН, г. Москва

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Laboratory of Typological and Theoretical Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; leading researcher at the Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5996-2648
E-mail: fagraey64@hotmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-60-69

УДК 811.161.1

А.А. Гиппиус

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
109028 г. Москва, Российская Федерация;

Институт славяноведения Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Берестяная грамота № 579: поправка к прочтению и ее лингвистические следствия

В статье обосновано новое прочтение основной фразы новгородской берестяной грамоты № 579, датируемой второй половиной XIV в. Показано, что предыдущие версии одинаково неточно передавали буквенный состав текста. Проблемный фрагмент трактован как содержащий форму родительного единственного числа существительного *верешца*, диминутива к *верешь* ‘зерно’. Сделанная поправка влечет за собой ряд лингвистических следствий. В новом прочтении грамота содержит: 1) очередной пример шоканья в тексте новгородского происхождения; 2) примеры рефлексации сильного *ь* в виде *ѣ*; 3) окончания родительного единственного числа и дательного единственного числа твердого и мягкого вариантов *а*-склонения, отражающие систему псковского типа; 4) древнейший восточнославянский пример «родительного временного пользования».

Ключевые слова: берестяные грамоты, древненовгородский диалект, шоканье, рефлексы сильных редуцированных, родительный временного пользования

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гиппиус А.А. Берестяная грамота № 579: поправка к прочтению и ее лингвистические следствия // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 60–69. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-60-69

© Гиппиус А.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-60-69

A. Gippius

HSE University,
Moscow, 109028, Russian Federation;

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, 119334, Russian Federation

Birchbark letter No. 579: A corrected reading and its linguistic implications

The article substantiates a new reading of the main phrase of the Novgorod birch-bark letter No. 579, dated to the second half of the XIV century. It is shown that the previous readings equally inaccurately conveyed the literal composition of the text. The problematic fragment is interpreted as containing the G. Sg. form of the noun *verešca*, diminutive of *verešь* 'grain'. This correction entails a number of non-trivial linguistic consequences. In the new reading, the document contains: 1) another example of *šokanie* (matching of *s*' and *š*) in a text of Novgorod origin; 2) examples of reflexation of strong *ь* as *ě*; 3) endings of the Gen. Sg. and D.L. Sg. of the *a*-declension, reflecting the system of the Pskov type; 4) the oldest East Slavic example of the 'genitive of temporal use'.

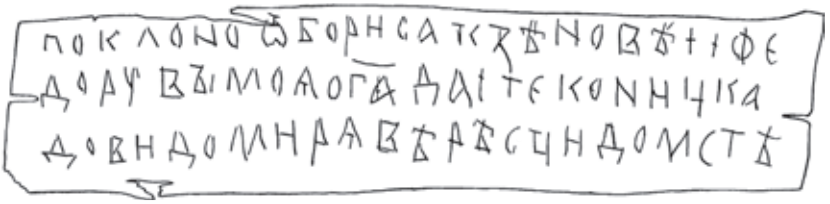
Key words: birchbark documents, Old Novgorod dialect, šokan'e, reflexes of strong jers, genitive of temporal use

FOR CITATION: Gippius A. Birchbark letter No. 579: A corrected reading and its linguistic implications. *Rhema.* 2025. No. 1. Pp. 60–69. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-60-69

Текст берестяной грамоты № 579, найденной на Троицком раскопе в слое третьей четверти XIV в., публиковался трижды: в восьмом томе серийного издания [НГБ VIII, с. 43–44] и в двух изданиях «Древненовгородского диалекта» А.А. Зализняка [ДНД$_1$, с. 475; ДНД$_2$, с. 570]. Различия между этими публикациями – особенно существенные между первой и второй – не затрагивают буквенного состава грамоты, до сих пор определявшегося одинаково (рис. 1):

поклоно҃борисакзѣновѣіфе
дорувъімоѧогадаітеконицка
довидомирѧвѣрѣцидомстѣ

a



b

Рис. 1. Грамота № 579: фотография (*a*), прорись В.И. Поветкина (*b*)
URL: http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/579/
(дата обращения: 23.02.2025)

Fig. 1. Birch bark letter No. 579: photograph (*a*), traced by V.I. Povetkin (*b*)
URL: http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/579/
(date of access: 23.02.2025)

Приведем комментарий В.Л. Янина из первой публикации:

«Грамота делится на слова так:

Поклоно ѿ Бориса к Зѣновѣі і Федору. Вы моѧ о г(оспо)да, даіте коницка до Видомирѧ вѣрѣци, до Мстѣ.

Моѧ о г(*оспо*)*да* – мои господа. Междометие *о* перед словом *господа* в берестяных грамотах встречается не впервые. В грамоте № 406 второй половины XIV в. говорится: *А ми тоби о г*(*оспод*)*ине Офоносе, кланѧесме*. При публикации этой грамоты *о* перед словом *господине* было принято за ошибку. Теперь очевидно, что написание междометия *о* перед этим словом было нормой.

Коницка – коничка, лошадку. Видомир – имя собственное, до сих пор не зафиксированное, однако образованное по традиционной модели славянских имен, от «видеть мир» (ср. Любомир, Владимир и т.п.).

В Бежецкой пятине (в Помостье) существует Видимирский погост на Видимирском озере. До *Видомирѧ* – до Видомирова (погоста или озера), до *Мстѣ* – до Мсты. *Вѣрѣци* – возможно, значит, то же, что *веречися* – броситься; в данном случае: быстро добраться, доскакать. Не исключено также, что за такой записью стоит *веретши* (от *вертнути*, *вернути*), то есть повернувши, с поворотом. Так или иначе, смысл грамоты состоит в том, что Борис просит своих господ Зиновью и Федора дать ему коня, чтобы добраться до Видомирова погоста (или озера) и до Мсты» [НГБ VIII, с. 43–44].

В ДНД$_1$ прочтение было скорректировано следующим образом. Во-первых, *о* в последовательности *ѻгда* было трактовано не как междометие, а с опорой на материал, изложенный в [Зализняк, 1993, с. 233–241] – как «фонетический дополнитель» при идеограмме *гда*, указывающий на чтение *оспода*. Во-вторых, в проблемной последовательности *вѣрѣци* было вычленено сочетание <*в*> *вѣрѣ*, встретившееся в грамоте № 724 (третья четверть XII в.) и означающее ‘под клятвой’, ‘под присягой’, ‘под клятвенным обязательством’. В результате текст и перевод основного сообщения приобрели следующий вид: *Вы моѧ ѻгда, даите коницка до Видомирѧ вѣрѣ, ци до Мстѣ* ‘Вы мои господа, дайте под клятвенное обязательство лошадку до Видомиря или до Мсты’ [ДНД$_1$, с. 475]. В ДНД$_2$ эта трактовка перешла с единственным уточнением: из двух обсуждавшихся вариантов интерпретации слов *Вы моѧ ѻгда* – как утверждения и как обращения – предпочтение было отдано второму. Для последующего разбора это уточнение несущественно.

Преодолевая недостаток исходной версии – допущение значения ‘броситься’ у невозвратного *веречи*, трактовка грамоты в ДНД имеет свои узкие места. Настораживает вносимая разделительным союзом *ци* неопределенность указания цели поездки: до Видомиря или до Мсты. С другой стороны, сочетание *в вѣрѣ* кажется не вполне уместным в контексте бытовой просьбы к господам: в двух бесспорных примерах его использования (в грамотах № 724 и 154) «вера» выступает как ритуал, связывающий взаимным обязательством лиц социально равных. Не добавляет убедительности такой трактовке и необходимость предполагать ассимиляционное «поглощение» предлога (*въ вѣрѣ* > *вѣрѣ*); ср. в *вири* в № 154. Нельзя также не заметить, что еще одна предполагавшаяся фиксация этой идиомы в берестяных грамотах (также с невыраженным предлогом) – *несми вѣрѣ соу*[*л*]*и*[*л*]- в № 820 (сер. XII в.) – оказалась следствием неверной идентификации одной буквы в сочетании *не іми вѣрѣ* ‘не верь’ [Гиппиус, Сичинава, 2021, с. 220].

Ввиду этих, не имеющих принципиального характера, претензий к актуальной трактовке, обратим внимание на более важное обстоятельство, одинаково игнорируемое обеими интерпретациями. После второго *ѣ* в последовательности, транскрибированной как *вѣрѣци*, имеется знак, о котором в первой публикации говорится: «перед *ц* стоит крючок; похоже, что автор начал писать какую-то букву, но передумал». В ДНД$_2$ сказано точнее: «незачеркнутая недописанная буква, похожая на низ от *о* или от *с*». Однако ни *о*, ни *с* никто не начинает писать снизу; на прориси же, изготовленной В.И. Поветкиным, в этом месте стоит уверенно прочерченное *с*, что решительно расходится с транскрипцией. Обратившись к фотографии, можно разглядеть верх дуги этой буквы (видимый столь же слабо, как и, например, верхний участок левой дуги второго *о* в слове *поклоно*), а также не отраженную прорисью верхнюю засечку. Иначе как *с* этот знак прочитан быть не может.

Причиной, по которой буква не была включена в транскрипцию, могло быть лишь отсутствие удовлетворительной интерпретации для последовательности *вѣрѣсци*. Такая интерпретация, между тем, находится и заключается в следующем: *вѣрѣсци* – записанная с заменой *ш* на *с*, т.е. эффектом шоканья, форма Р. ед. существительного *верешца* – диминутива к *верешь* ‘зерно’. Отсутствующее в исторических и диалектных словарях русского языка, это слово встретилось в берестяной грамоте № 879 середины XII в.: *Водаи семꙋ еже рькло, вьрьщю тꙋ* ‘Выдай подателю сего то, что он скажет (букв.: что он сказал), – то зернецо’[1]. В комментируемом документе под «верещцей» имеется в виду, очевидно, фуражное зерно. Получаем фразу: *Даіте коницка до Видомирѧ, вѣрѣсци до Мстѣ*, то есть «Дайте лошадку до Видомиря, а зернеца (для нее) – до Мсты». Помимо ясного смысла это прочтение подтверждается тем, что, в полном соответствии со стилистикой берестяных писем, оба существительных выступают в уменьшительных формах.

В связи с такой трактовкой нельзя не коснуться географического аспекта грамоты. В путь до Видомиря Борис, по-видимому, должен был отправиться не из Новгорода, от которого до устья Мсты совсем недалеко, а до Видомиря – около 200 км. Чтобы миновать Мсту по дороге к Видомирю, он должен был исходно находиться где-то к югу или юго-востоку от Новгорода (например, в Крестцах или Валдае). В этом случае

[1] В этом тексте слово также было распознано не сразу: в первой публикации для последовательности *вьрьщю* были предложены три возможные интерпретации, допускающие употребление разных личных имен: <Верещу ту>, <Верещуту>, <въ вѣрѣ Щуту>. Принятая в [НГБ XI, с. 82] версия была предложена в [Гиппиус, 2004, с. 205] в связи с осмыслением коммуникативной организации грамоты, содержащей отсылку к переданному посыльным устному сообщению.

просьба выдать кормового зерна «до Мсты» оказывается оправданный: кратчайшее расстояние от Мсты до Видомирского озера составляет чуть более 40 км, и эту часть пути автор мог рассчитывать преодолеть налегке, не делая ночлега и не кормя коня зерном.

Из нового прочтения основной фразы грамоты проистекают лингвистические следствия, затрагивающие сразу три языковых уровня: фонетику, морфологию и синтаксис.

Для исторической фонетики значим очередной пример отражения шоканья в тексте новгородского происхождения. Число таких примеров в берестяных грамотах постоянно прибывает, и сейчас их известно уже более дюжины (к девяти написаниям, указанным в [ДНД$_2$, с. 52] позже добавились: *тако зе* 1047 (начало XII в.), *зоронами* (вм. *жоронами*) ‘жерновами’ 167 (XIV в.) (уточненное прочтение, см. [НГБ XII, с. 209]), *кнѧжь*, *кнѧже* <*кнѧзь*> 1153 (XIII в.)[2]. Теперь уже не может быть сомнений в том, что эта черта не была специфически псковской, но, как явление западного происхождения, присутствовала и в древненовгородском диалекте в узком смысле.

В фонетическом отношении представляет интерес также употребление в грамоте *ѣ*. А.А. Зализняк характеризует его как стандартное (ср. *вѣрѣ*, *Мстѣ vs. Федору*, *даите*), оговаривая особо положение двух *ѣ* в *Зѣновѣі*, из которых первый фонетически закономерен в силу одной из традиций написания данного имени, а второй – ввиду нахождения перед [j], где *ѣ* нередко пишется вместо *и* в текстах, в остальном не отступающих или почти не отступающих от этимологически правильного употребления. Может показаться, что в новом прочтении использование *ѣ* перестает быть фонетически закономерным, но это не так. Оба *ѣ* в слове *вѣрѣсци* выступают на месте редуцированного *ь* в сильных позициях (ср. ранне-др.-новг. *вьрьшьцѣ*, где первый *ь* – сильный, т.к. входит в сочетание с плавным, а второй – т.к. как находится в слоге перед слабым редуцированным). В берестяных грамотах, различающих *ѣ* и *е*, помимо стандартной рефлексации сильного *ь* в виде *е*, встречаются и случаи отражения его как *ѣ*. Из примеров, приведенных в [ДНД$_2$, с. 67], наиболее показательны: *д*[*ѣ*](*ржа*)*ща* 930, *вѣсь* 697, *деревѣцкъгъ*, *кълъм*(*ен*)*ѣцкѣ* 580; ср. также *глазнѣца* в № 1157 (XIII в.), где этот рефлекс выступает в составе обобщившейся основы с проясненным редуцированным [Гиппиус, 2023, с. 22]. Комментируемый документ пополняет эту категорию примеров.

[2] Еще два примера – *лезни зенѧ* <лежни женѧ> – представлены в пока не опубликованной надписи на фреске из церкви Успения в Старой Ладоге.

Фонетическое употребление *ѣ*, не смешиваемого с *е* и *и*, делает грамоту источником ценной морфологической информации. Наблюдаемое соотношение флексий Р. и Д. ед. твердого и мягкого вариантов *а*-склонения отлично от ранней древненовгородской системы, в которой во всех этих позициях выступает окончание *-ѣ* (Р. ед. *женѣ*, *землѣ* = Д. М. ед. *женѣ*, *землѣ*). В грамоте эту флексию находим в Р. ед. твердого варианта *до Мстѣ*, при том что в Р. ед. и Д. ед. мягкого варианта выступает окончание *-и*: *вѣрѣсци*, *к Зѣновѣі*. За вычетом отсутствующей в грамоте формы Д. ед. твердого варианта это распределение совпадает с системой, которую А.А. Зализняк на основании псковских грамот XIII–XV вв. реконструирует для древнепсковского диалекта: Р. ед. *женѣ*, *земли*, Д. М. ед. *женѣ*, *земли* [Зализняк, 1993, с. 214]. Одновременное отражение в грамоте шоканья делает это совпадение особенно показательным.

С синтаксической точки зрения примечателен параллелизм словоформ *коницка* и *вѣрѣсци*. Первая ранее трактовалась как В. = Р. и вместе с еще двумя примерами из берестяных грамот – *поими моего цалца* 275/266 (вторая пол. XIV в.) и *у мьнь конѧ познали* 305 (нач. XV в.) – рассматривалась в перспективе распространения категории одушевленности на названия животных в древненовгородском диалекте [ДНД$_2$, с. 107]. По-новому взглянуть на эту группу примеров позволила находка грамоты Ст. Р. 50 (кон. XIII в.). Во фразе *Поведи кони 3*: *соловои*, *бурыи*, *Орка* из трех синтаксически однородных названий коней в форме В. = Р. стоит только третье, являющееся кличкой коня, тогда первые два выступают в старой форме винительного падежа. Такое употребление мы, ссылаясь на [Живов, 2017, с. 768–776], связали с большей индивидуализацией объекта, вносимой именем собственным. Таким же образом объясняется и В. = Р. *Цалца* в № 275/266: *Чалый* также является именем лошади (характерно, что и в этой грамоте параллельно фигурирует «карельский конь», упомянутый в форме старого винительного: *поими коне корилескы*). Относительно же формы *коницка* в № 579 мы писали, что в ней следует видеть не винительный падеж, а «родительный временного пользования» (см. [Шахматов, 1963/2001, с. 322] с примером из Н.Г. Помяловского: *даи шаечки, когда вымоешься*). Это значение родительного падежа представлено во всех трех восточнославянских языках, а также в польском (см. литературу в [Малышева, 2010, с. 65]), и то, что в памятниках древнерусского времени оно до сих не фиксировалось, не дает оснований отказывать ему в древности. В.Б. Крысько, приводя пример из текста второй четверти XVII в., замечает, что происхождение этой формы «в силу ее сугубо разговорного характера, теряется в глубине веков» [Крысько, 1997, с. 200].

В связи с контекстом грамоты невозможно не привести пример, разбираемый Ф.И. Буслаевым: «“посулить кому лошади”, т.е. не вовсе отдать, но дать на подержание, на некоторое время и с возвратом потом; а “посулить кому лошадь” – значит отдать совсем, подарить» [Буслаев, 1959, с. 461]. Поскольку данное значение представляет собой, по сути, реализацию во временном плане партитивного значения, появление параллели к *коницка* в виде однозначного партитива *вѣрѣсци* окончательно подтверждает такую интерпретацию[3].

Завершив обзор лингвистических следствий из сделанной поправки, приведем текст грамоты целиком в актуальном прочтении и с новым переводом:

поклоно ѿ бориса к зѣновѣ ı фе-
дору вы моѧ ѻга́ даıте коницка
до видомирѧ вѣрѣ[с]ци до мстѣ

П е р е в о д: ‘Поклон от Бориса к Зиновии и Федору. Вы – мои господа, дайте лошадку до Видомиря и зернеца [для нее] до Мсты’.

Библиографический список / References

Буслаев, 1959 – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. [Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian]. Moscow, 1959.]

Гиппиус, 2004 – Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.) М., 2004. С. 183–232. [Gippius A.A. Towards pragmatics and communicative organization of birchbark letters. *Yanin V.L.*, *Zaliznyak A.A.*, *Gippius A.A Novgorodskie gramoty na bereste* (*iz raskopok 1997–2000 gg.*). Moscow, 2004. Pp. 183–232. (In Rus.)]

Гиппиус, 2020 – Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из раскопок 2019 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 22–37. [Gippius A.A. Birchbark letters from Veliky Novgorod and Staraya Russa excavations of 2019. *Voprosy jazykoznanija*. 2020. No. 5. Pp. 22–37. (In Rus.)]

Гиппиус, Сичинава, 2021 – Гиппиус А.А., Сичинава Д.В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259. [Gippius A.A., Sichinava D.V. Addenda et corrigenda for previously published birchbark letters [XIII]: A pre-publication. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2021. No. 2. Pp. 178–259. (In Rus.)]

[3] Заметим, что оставшийся в результате этой фильтрации примеров единственный в берестяных грамотах контекст с В. = Р. у «нейтрального» названия животного (*у мьнь конѧ познали* 305) может также быть неслучайным и объясняться индивидуализацией объекта, имеющей место в ситуации *опознания* коня.

ДНД$_1$ – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow, 1995.]

ДНД$_2$ – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. [Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow, 2004.]

Живов, 2017 – Живов В.М. История языка русской письменности. Т. 1. М., 2017. [Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoy pismennosti [History of the Russian written language]. Vol. 1. Moscow, 1959.]

Зализняк, 1993 – Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321. [Zaliznyak A.A. Towards the study of the language of birchbark documents. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste* (*iz raskopok 1984–1989 gg.*). Moscow, 1993. Pp. 191–321. (In Rus.)]

Крысько, 1997 – Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997. [Krysko V.B. Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka. Obekt i perekhodnost [Historical syntax of Russian. Object and transitivity]. Moscow, 1997.]

Малышева, 2010 – Малышева А.В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров): дис. … канд. филол. наук. М., 2010. [Malysheva A.V. Iz istorii russkogo glagolnogo upravleniya: obyektnyi genitive (na material russkikh letopisei i sovremennykh arkhangelskikh govorov) [From the history of Russian verbal government: The genitive of object (based on Russian chronicles and modern Arkhangelsk dialects)]. PhD dis. Moscow, 2010.]

НГБ VIII – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. [Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977–1983)]. Moscow, 1986.]

НГБ IX – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. [Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1984–1989)]. Moscow, 1993.]

НГБ XII – Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. [Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.) [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow, 2015.]

Шахматов, 1963/2001 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001. [Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [Syntax of Russian]. 3rd ed. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 06.01.2025
The article was received on 06.01.2025

Сведения об авторе / About the author

Гиппиус Алексей Алексеевич – академик Российской академии наук, доктор филологических наук; профессор факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения Российской академии наук, г. Москва

Aleksey A. Gippius – Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Phil. Hab.; Professor at the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow; principle research associate at the Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute for Slavic Studies, RAS, Moscow

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7797-9446
E-mail: agippius@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-70-97

УДК 811.161.1/.163.1

В.Б. Крысько

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук,
119019 г. Москва, Российская Федерация

К истории древнерусской Лествицы. Экстратексты кодекса Рум. 198 и рукопись Рум. 199

Статья посвящена экстратекстам, размещенным на последнем листе древнейшего славянского списка Лествицы Иоанна Лествичника – южнодревнерусской рукописи второй половины XII в. из собрания Н.П. Румянцева, хранящейся в Российской государственной библиотеке (шифр Рум. 198). Окончание текста Лествицы, написанное более поздним почерком, который идентифицируется с почерком Лествицы Рум. 199 XIII в., завершается авторской записью. Бóльшая часть страницы занята упражнениями в письме – начальными формулами грамот и полностью либо частично выписанными церковно-книжными текстами. Эти экстратексты, впервые публикуемые в полном объеме, интересны тем, что они выполнены некнижным почерком по т.н. «бытовой» орфографии. Анализ языковых особенностей свидетельствует об их южнодревнерусском происхождении. К южнодревнерусскому ареалу относится и рукопись Рум. 199.

Ключевые слова: древнерусский язык, Лествица Иоанна Лествичника, экстратексты, палеография, графика, орфография, языковые особенности

Благодарности. Исследование выполнено в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук при поддержке гранта РНФ № 22-18-00035, https://rscf.ru/project/22-18-00035/

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Крысько В.Б. К истории древнерусской Лествицы. Экстратексты кодекса Рум. 198 и рукопись Рум. 199 // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 70–97. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-70-97

© Крысько В.Б., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-70-97

V. Krysko

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS,
Moscow, 110019, Russian Federation

On the history of the Old Russian Ladder: Extratexts of the codex Rum. 198 and the manuscript Rum. 199

The article is devoted to the extratexts placed on the last sheet of the oldest Slavic copy of the Ladder of John Climacus – the South Old Russian manuscript of the Russian State Library (collection of N.P. Rumyantsev, Rum. 198, the second half of the XII century). The final part of the text of the Ladder, written in a later handwriting, which is identified with the handwriting of the Ladder Rum. 199 of the XIII century, is followed by the author's notice. Most of the page is occupied with exercises in writing – the initial formulas of letters and fully or partially written out church-book texts. These extratexts, which are published in full for the first time, are interesting because they are made in non-bookish handwriting according to so-called "household" spelling. The analysis of linguistic features indicates their South Old Russian origin. The manuscript Rum. 199 also belongs to the South Old Russian area.

Key words: Old Russian language, the Ladder of John Climacus, extratexts, paleography, graphics, spelling, language features

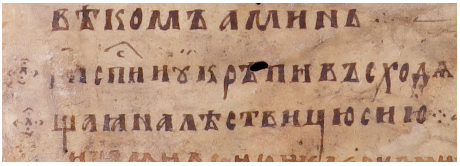
Acknowledgments. The study was carried out at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS with the support of the RSF grant No. 22-18-00035, https://rscf.ru/project/22-18-00035/.

FOR CITATION: Krysko V. On the history of the Old Russian Ladder: Extratexts of the codex Rum. 198 and the manuscript Rum. 199. *Rhema.* 2025. No. 1. Pp. 70–97. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-70-97

Древнейший список древнеболгарского перевода Лествицы Иоанна Лествичника – южнорусская рукопись из собрания Н.П. Румянцева, хранящаяся в Российской государственной библиотеке под шифром

Рум. 198[1] и датируемая серединой или второй половиной XII в. (подробнее см. [Тихомиров, 1965, с. 112; Попова, 2013]), – завершается «инородным» 218-м листом, по отношению к которому в литературе используются различные характеристики: А.Х. Востоков писал, что он «пришит особо к прочим тетрадям» [Востоков, 1842, с. 254], А.А. Турилов говорит о листе, «вшитом взамен утраченного» [Турилов, 2002, с. 204], тогда как Н.Б. Тихомиров лишь констатировал, что лист «отделился» [Тихомиров, 1965, с. 93; СК, с. 104]. На лицевой стороне в первом столбце помещены финальные фразы заключительной части Лествицы – Слова к пастырю, – написанные, как установил Н.Б. Тихомиров [СК, с. 104] и подтвердил А.А. Турилов [Турилов, 2002, с. 204], тем же почерком, что и второй по древности список Лествицы – Рум. 199[2], датировавшийся ранее началом (?) XIII в. [СК, с. 229], а теперь – концом XII – началом (?) XIII в. (см. https://search.rsl.ru/ru/search#p=3&q=лествица).

После основного текста писец добавил небольшую авторскую запись[3], актуализировав образ лестницы, приводящей на небо тех, кто восходит по ступеням добродетели:



[1] [Гі] сп҃и и ѹкрѣпи въсходѧ-
[2] щаꙗ на лѣствицю сию ⁘ ⸗

‘Господи, спаси и укрепи восходящих на лествицу эту’

Существенно более примечательны, однако, другие экстратексты, которыми испещрены правая сторона и нижнее поле страницы и которые уже никак не связаны по содержанию с текстом Лествицы[4].

[1] Цифровые фотокопии. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-198/; https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004166299?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 16.12.2024).

[2] Цифровые фотокопии. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-199/; https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003154871?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 16.12.2024).

[3] В описаниях рукописи не упоминается. В квадратные скобки заключаются частично утраченные, в угловые скобки – реконструируемые буквы. Для лучшей визуализации текстов использовались программы Фотографии, Adobe Photoshop, Google Фото, ImageJ, Picasa.

[4] В основном тексте Лествицы имеется лишь один экстратекст, недавно обнаруженный М.А. Федоровой на л. 194. Запись, размещенная на правом поле вертикально, перпендикулярно основному тексту, выполнена, очевидно, рукою писца: **тоти тоучьно ѥ** · ‘Вот тучи собрались’. Все три слова, из которых состоит запись, примечательны: **тоти** пополняет небольшой корпус употреблений редкой частицы *тоти* (см. [СДРЯ, т. XIII: s. v. **тоти**[3]]); **тоучьно** – уникальная фиксация прилагательного *тоучьнь*, параллельного совр. *облачный* по образованию и семантике, в предикативном употреблении (ранее это слово было известно лишь как субстантиват мн. ж. **тѫчьнъıꙗ** ‘дождевая вода’ [SJS, d. IV, s. 566; СлРЯ, вып. 30, с. 237]; **ѥ** – редкая форма 3 л. ед. наст. глагола *быти* с нулевой флексией.

А.Х. Востоков, который двести лет назад отчасти ввел эти записи в научный оборот, при первом их упоминании в письме Н.П. Румянцеву 22 ноября 1824 г. отметил, что «это, по большей части, *пробы пера*, в которых писец для упражнений руки своей повторяет часто одни и те же буквы и слова без связи... и все сие разбросано без порядка вдоль и поперек страницы» [Востоков, 1873, с. 149], а в «Описании рукописей Румянцевского музеума» уточнил, что «остававшийся на сем листе пробел исписан вдоль и поперек разными приписками, отрывками молитв и отдельных слов, никакого полного смысла в себе не заключающими» [Востоков, 1842, с. 254]. Некоторые из них опубликованы Востоковым [Там же] и Тихомировым [Тихомиров, 1965, с. 114], но бóльшая часть продолжает оставаться неизданной. Между тем эти «пробы пера части фраз, отрывки молитв и песнопения, отдельные слова, буквы и пр.» [СК, с. 104], как справедливо подчеркнул Н.Б. Тихомиров, «представляют несомненный интерес с палеографической точки зрения (особенности начерков ряда букв), интересны они и в орфографическом отношении» [Тихомиров, 1965, с. 114] (рис. 1).

Все эти тексты написаны очевидно не книжным уставом и по «бытовой» орфографии (см. [Зализняк, 2004, с. 21–23]), что крайне нехарактерно не только для рукописей, но и для экстратекстов. Несмотря на кажущуюся неупорядоченность, они, как представляется, могут быть разделены как минимум на два хронологических слоя.

Наиболее ранней мы считаем запись № **1**, выполненную бледными (или выцветшими) чернилами в центре правой стороны листа параллельно основному тексту Лествицы – но, может быть, еще до того, как левый столбец был заполнен. Она пересекается под почти прямым углом с другой, более поздней записью (см. далее № 11), которая частично скрывает буквы второй строки:

1 **ѡто кнѧзѧ· ѡ ѧр-**
2 **ъпоꙋ҇ка ко є**

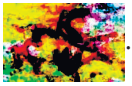
‘От князя Ярополка к е(Е?)...’

Необычные черты в палеографии, графике и орфографии записи – видимо, следствие неопытности писца. В начале текста употреблена нетрадиционная форма предлога *отъ* – **ѡто**[5], отражающая либо

[5] В древнерусский период, по данным НКРЯ, параллели зафиксированы в полоцкой грамоте 1386 г. и новгородской берестяной грамоте № 757 конца XIV в. (https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP); обычное написание предлога – **отъ** или (намного чаще) **ѿ** [Зализняк, 2004, с. 36, 774–775].

Рис. 1

Fig. 1

закономерное (по правилу Гавлика) развитие /ъ/ в последовательности *отъ кънѧзѧ*, либо замену орфографически корректного **ъ** на **о** в рамках некнижной орфографии, либо, наконец, эффект «скандирования» [Зализняк, 2004, с. 35]; отметим также архаичное **ѡ** с высокой серединой (и с необычной засечкой). При повторении на той же строке предлог производит впечатление недописанного (**ѡ**), однако не исключена и утрата выносного **т** вследствие повреждения пергамена. Перенос в имени произведен на согласной, хотя до правого края еще достаточно места[6]. Замена соединительной **о** на **ъ** вписывается в принципы бытовой орфографии, тогда как **о** во втором корне, очевидно, отражает уже фонологическую реальность – вокализацию /ъ/ в группе /ъл/. Четвертая буква второй строки читается, начиная с А.Х. Востокова, как **к** [Востоков, 1873, с. 149], хотя левый элемент в ней короче, чем в двух других словах с **к**. Пространство между **к** и флексионной **ѧ** занято записью № 11 (буквы **єл**), но при фотообработке удалось установить, что над строкой писец (или его редактор) вставил размашистую выносную **л**:  .

Эта запись – единственный экстратекст на л. 218, который, возможно, содержит привязку к реальному лицу. Еще А.Х. Востоков в 1824 г. предположил: «Писавший сие был, может быть, дьяком какого-нибудь князя Ярополка и, пробуя перо или трость свою писальную, выбрал, естественно, такие для сего слова, какими начинались грамоты княжеские...» – и указал на Ярополка Ярославича, упоминаемого в летописи под 1197 и 1214 гг. [Там же]. А.А. Турилов высказался существенно более определенно: «...подобного рода маргиналии отражают сиюминутные интересы писца и отнюдь не рассчитаны на повторение спустя долгое время. В нашем случае, в силу стечения обстоятельств, возможный хронологический отрезок появления маргиналии едва ли превышает девять месяцев. Из князей, носивших это имя, живших не ранее середины XII в. (палеографическая датировка Лествицы Рум. 198) и связанных с Новгородом, единственной приемлемой кандидатурой является сын строителя церкви Спаса на Нередице князя Ярослава Владимировича Ярополк Ярославич. По свидетельству Новгородской Первой летописи, он приехал на княжение в Новгород из Чернигова в Вербное воскресение (30 марта) 1197 (мартовского 6705) г. и пробыл здесь до 1 сентября того же года. Сменивший его на новгородском столе Ярослав Всеволодович прибыл в город 13 января 1198 г. Промежутком между приездом

[6] Такие переносы, находящие поддержку в южнославянской традиции, изредка встречаются в основном тексте Рум. 198, например: **кеѯ вр|єда** 140в.

этих двух князей и следует максимально широко датировать маргиналию с именем Ярополка» [Турилов, 2002, с. 207].

Данные построения исходят из презумпции двух обстоятельств: «сиюминутности» записи и предположения о том, что пробы пера, повторяющие формуляр грамот, могли появиться лишь «в крупном центре с развитой эпистолярной и канцелярской культурой», каковым, «безусловно, являлся Новгород» [Там же, с. 206]. За исходную точку берется краткое правление Ярополка Ярославича – князя из черниговских Ольговичей – в Новгороде, хотя он не переставал именоваться князем и позднее, ср. в Новгородской I летописи под 1214 г.: «и яша 2 князя: Ростислава Ярославиця и Яропълка, брата его» [НПЛ, с. 53][7]. Местопребывание Ярополка в какие-либо другие годы, помимо 1197 (Новгород) и 1214 (Вышгород), неизвестно, и нам трудно понять, почему абстрактное упоминание о князе в имитации зачала грамоты не может датироваться любым другим годом (активной) жизни Ярополка и почему наличие «развитой эпистолярной и канцелярской культуры» в этот период должно отрицаться для Киева или Чернигова только на том основании, что через несколько десятилетий эти города вместе со всеми следами какой бы то ни было книжной культуры будут сметены с лица земли.

Атрибуция малопрофессиональной записи княжескому дьяку наталкивается на одно препятствие: нам неизвестны княжеские грамоты XII–XIII вв., выполненные некнижным письмом и по бытовой орфографии[8]; нет этих признаков и во вкладной Варлама 1192–1210 гг., хотя она и содержит черты древненовгородского диалекта. Неизвестны и грамоты, которые могли бы служить образцом нашей записи, т.е. начинающиеся формулой «От князя к...». Думается, что экзерсисы, коим предавался очевидно некнижник на листе пергамена, сродни тем упражнениям, благодаря которым снискал посмертную славу мальчик Онфим [Зализняк, 2004, с. 475–478]; иными словами, мы имеем здесь дело не с обычными для рукописей плодами досуга профессиональных писцов или же священнослужителей – читателей церковных книг, а с ученическими записями. Трудно судить, почему для столь утилитарной цели был использован лист церковной книги; учитывая мнения о позднейшем присоединении листа к кодексу, можно предположить, что новоявленный «Онфим» царапал свои каракули на отдельном и чистом листе, который лишь позднее – может быть, по причине нехватки писчего

[7] А.А. Горский относит это событие к 1212 г. и называет Ярополка «кн. Вышгородским» [Горский, 1996, с. 21, 22, 85, 122].

[8] В смоленских грамотах XIII в. элементы бытовой орфографии проявляются на фоне образцовых уставных почерков.

материала – был вынужденно привлечен для восполнения утраченного листа в Лествице Рум. 198 благодаря тому, что левая его половина оставалась чистой, и несмотря на то, что справа уже появился текст, малоуместный на страницах святоотеческого сочинения. Был ли связан дефицит пергамена с последствиями монгольского нашествия – неясно, т.к. при современном уровне палеографических знаний остается не вполне определенной датировка уставного письма в левом столбце и в рукописи Рум. 199[9] и тем более – датировка экстратекстов (в [СК, с. 104] они широко датируются XIII в.). Строгая привязка записи № 1 не только к году княжения Ярополка в Новгороде, но и к другим годам его жизни не кажется нам обязательной именно в силу условности ученической пробы пера, лишь подражающей формуляру грамот; очевидно, ученик, записывавший, например, «образцовую» фразу о том, что «у Дария было два сына»[10], не должен был быть современником Дария. Не кажется бесспорным и представление о том, что писец для своих упражнений непременно использовал имя правящего князя – т.е., фактически, упоминал его всуе.

Между записью о Ярополке и следующим более или менее осмысленным горизонтальным экстратекстом бессистемно расположено несколько «классических» проб пера – отдельные буквы: ниже и левее – **пѵ** (такой же величины, как в записи о Ярополке, и с **ѵ**, отличным по начертанию от других **ѵ** в экстратекстах на этой странице), чуть правее и мельче – **ър**, ниже в трех строках – три **ѣ**, еще ниже – **аа҃ѣ** (начертание трех из четырех **ѣ** – с высокой мачтой – опять же отличается от других примеров на странице).

[9] Приходится признать, что кодекс, ранее датировавшийся XIII в. без уточнения [Соболевский, 1907, с. 72; https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-199/) или с указанием на начало века под вопросом [Тихомиров, 1965, с. 112; СК, с. 229], теперь переносится «к 1190-м годам или к рубежу столетий» [Турилов, 2002, с. 208] только на основании логических умозаключений о датировке записи в другой рукописи. Между тем, по мнению К.В. Вершинина (электронное письмо от 02.11.2024), «датировка Рум. 199 в СК – слишком узкая и ранняя. Ее можно расширить по меньшей мере до середины XIII в., если не дальше. Особенно показательно стремление к “украшательству” (перекрещенные линии, зубчики и др.), которое в таком количестве проявляется, например, в ростовских рукописях XIII в. и только увеличивается к концу столетия».

[10] См. очерк Власа Дорошевича «Маленькие чиновники».

Поздне́е в обход этих букв были записаны вертикальные экстратексты (см. № 11, 12).

Далее буквы (явно другой руки, нежели запись о Ярополке) складываются в начало связной фразы (№ **2**) – **ѿ кнѧѧ** [sic!], чтобы затем вновь смениться отдельными пробами пера, изредка образующими изолированные словоформы: правее – **ѧ** и **а**, ниже – **ѣ по**, **ръ**, **ог҃ги** ‘Господи’, **ꙁ**, **ꙁ**, правее вертикальной записи – **п**[о?]**ръѣ**, **л**, **т** и трижды **ѿ** (рис. 2).

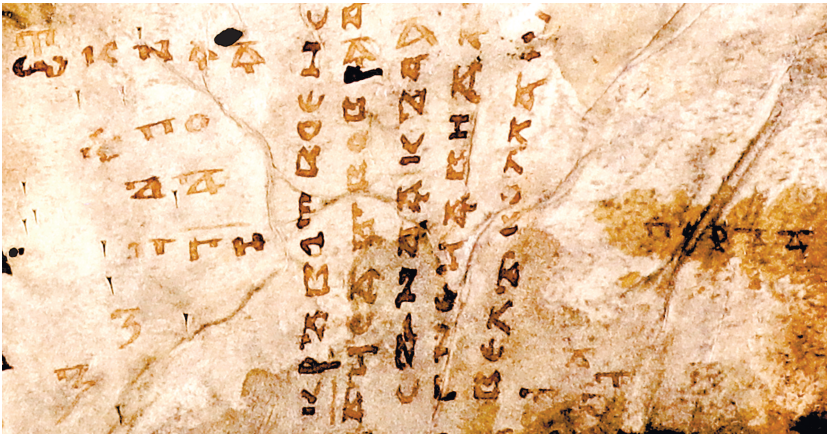


Рис. 2

Fig. 2

Ниже размещены еще три записи (рис. 3), из которых первые две, написанные почерком, также отличным от № 1 (подробнее см. ниже), прочитываются соответственно как **аꙁъ отеце** [в?]**ѣ**... ‘Я<,> отец...’ (№ **3**) и + **ѿ кнѧꙁѧ къ т**[и]|**вуну да** ‘От князя к тивуну. Да<й?>...’ (№ **4**). Третью (№ **5**), записанную чуть меньшими буквами и с небольшим уклоном вниз, с уверенностью расшифровать не удается (см. ниже). Слева выписаны одиночные буквы **ъ**, **ѣ**, **рѣ**.

Относительно немногочисленные и краткие горизонтальные упражнения перекрываются целым рядом довольно пространных вертикальных записей, расположенных, однако, не прямо перпендикулярно основному тексту в левом столбце, а под небольшим углом (рис. 4).

Как показывает взаимное расположение вертикальных экстратекстов, выписывание их началось с правого края (если рассматривать страницу в повороте на 90º).

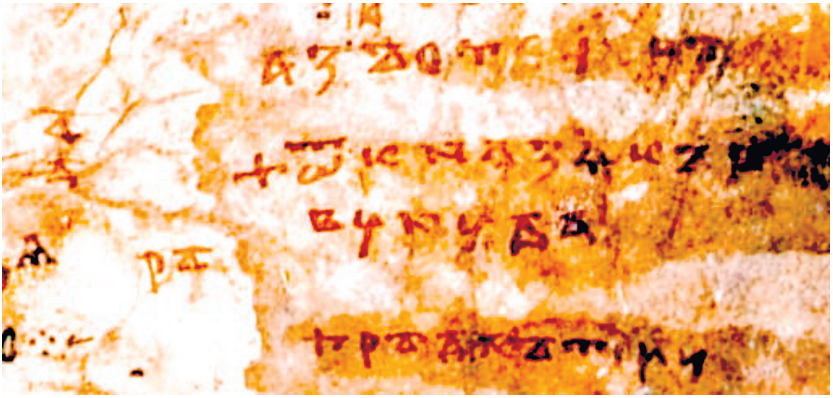


Рис. 3

Fig. 3

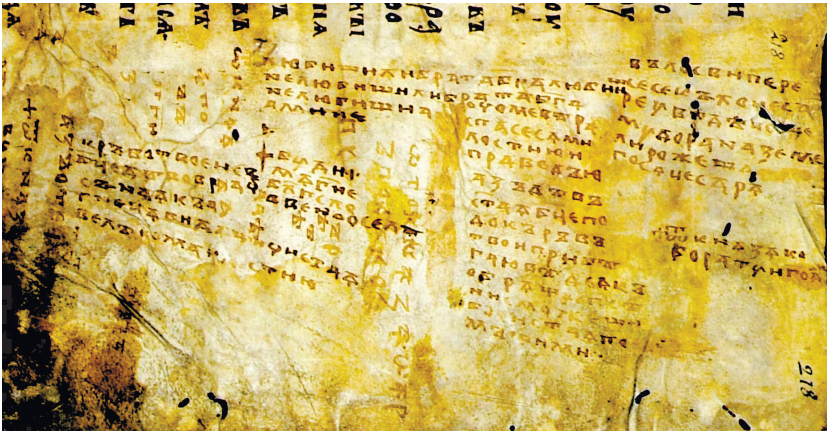


Рис. 4

Fig. 4

Начнем с записи № **6**:

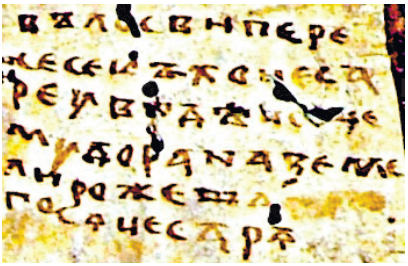
1 + ѿ кнѧзѧ ко
2 борату и г҃од[ан]<у?>

‘От князя к брату и господину...’

Это еще одно «начало грамоты», тематически пересекающееся с «письмом от Ярополка», однако явно принадлежащее другой руке

(ср. , , , , , в № 1 и , , , , в № 6), и единственная вертикальная запись, имитирующая формуляр актового письма. Ввиду изолированного размещения в стороне от прочих вертикальных записей допустимо предположить, что это упражнение в письме появилось в данной группе первым как непосредственный отклик на уже имевшееся на странице «послание от князя» (рассматривавшееся, вероятно, как carte blanche для дальнейших опытов в книгомарании). Текст содержит элементы некнижной орфографии и скандирующей записи (**ко, борату**). Написание **ґод**..., с трудноразличимыми выносными, по-видимому, отражает неопытность писца, не знавшего, как именно следует сокращать данное слово; поскольку запись заканчивается на краю листа, возможно, обрезанном, неясно, была ли выписана флексия *-у*.

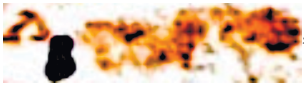
Расположенный выше и левее текст № **7**



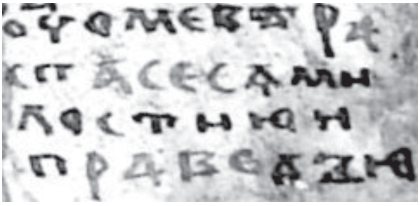
1	**вълосви пере-**	‘Волхвы,
2	**сесекъıхо цеса-**	цари персян,
3	**ре ѹвѣдѣвоше**	узнав,
4	**мѹдора на ѕеме-**	что на земле
5	**ли рожеша-**	родился
6	**госѧ цесарѧ**	мудрый царь...’

представляет собой начало стихиры на Рождество Христово, ср. в Стихираре XII в. БАН, 34.7.6: **Вълсви персьсции цѣсаре · оѹвѣдѣвъше моудро · на ѕемли рожьшаагосѧ · цѣсарѧ небесьнааго** [СМС, т. 1, с. 360, 362] – Μάγοι, Περσῶν βασιλεῖς, ἐπιγνόντες σαφῶς τὸν ἐπὶ γῆς τεχθέντα Βασιλέα οὐράνιον [MR II, σ. 659]. Текстуальные отличия от указанной версии отчасти находят соответствия в других ранних списках Стихираря, где греческая форма РП мн. Περσῶν также передана субстантивированным генитивом, зависящим от **цѣсаре**, – **пьрсьскъıихъ** [СМС, т. 1, с. 361]. Наречие **моудро**, появившееся в переводе вследствие смешения σαφῶς ‘явно’[11] с σοφῶς ‘мудро’, под пером нашего писца подверглось дальнейшему переосмыслению, превратившись в прилагательное **мѹдора** – определение к **цесарѧ**. Запись выполнена с элементами

[11] Ср. *яве* в новоцерковнославянской версии [СМС, т. 1, с. 361].

бытовой орфографии (замена **ъ** на **о** в позиции слабого /ъ/: **пересесекъıхо**, **ꙋвѣдѣвоше**; замена **ь** на **є**: **цесаре**[12], **пересесекъıхо**, **рожешагосѧ**, **цесарѧ**) и скандирования (**въıосви**, **пересесекъıхо**, **мꙋдора**, **ꙁемели**); не исключено также, что написания **пересесекъıхо**, **ꙁемели** отражают чисто графический эффект – вставку гласной в конце строки; поскольку записи выполнены в эпоху после утраты еров, маловероятно, чтобы в корнях слов **въıосви** и **пересесекъıхо** посредством resp. **о** и второго **є** передавались неорганические редуцированные, возникавшие при втором полногласии (во втором случае – при уподоблении заимствованного корня **перс-** корню **пьрс-**). В конце пятой строки после **рожеша** затерты три буквы: как кажется, исправлено ошибочное повторение **г** (**ггo**:  ,).

Следующая запись (№ **8**) содержит церковнославянский текст – вопросоответ (источник нам неизвестен; ср. Быт 24. 49, Пс 35. 11):



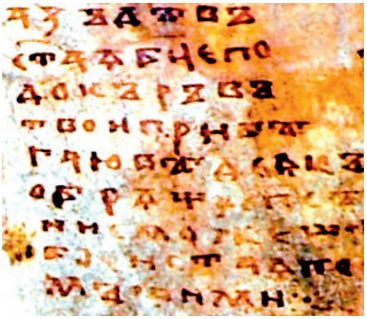
1 **о чоме вѣра**	‘Благодаря чему
2 **спасесѧ ми-**	вера сохранилась?
3 **лостию и**	Благодаря милости
4 **праведъю**	и правде’

В тексте наблюдаются графические эффекты **о** → **ъ**: **праведъю** (но **милостию**!) – и **ь** → **є**: **чоме**, **праведъю**, а также переход /е/ > /о/ после шипящего в форме **чоме** < **чемь**, предполагающий отвердение конечного /м’/ (которое осуществилось еще в XI в.); ряд примеров такого перехода, характерного прежде всего для южнодревнерусского ареала [ЭС, с. 264][13], отмечен в основном тексте Рум. 198 [Соболевский, 1907, с. 59; Попова, 2013, с. 21]. В префиксе формы **спасесѧ** представлен редкий для анализируемых записей пример утраты редуцированного (помимо него – только в корне *къназ-*).

Далее, после небольшого интервала, следует текст богородична (№ **9**):

[12] Корень *цьсар-* пишется с **ь**, а не с этимологическим **ѣ** во многих рукописях, в частности, в Лествице Рум. 199 (например, на л. 10в).

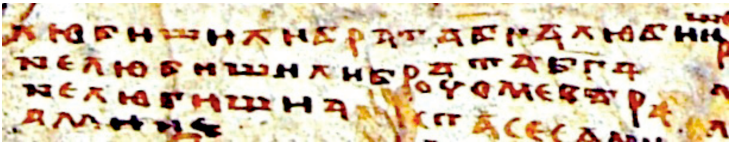
[13] Со второй половины XII в. фиксируется и в новгородских берестяных грамотах [Зализняк, 2004, с. 69].



1 аꙁъ дѣвъ	‘Я, Дева
2 ст҃аѧ бц҃е по-	святая Богородица,
3 до кърьвъ	под кров
4 твои прибѣ-	твой прибегаю.
5 гаю вѣде ѧкъ	Знаю, что
6 обрѧщу сп҃сѣ-	обрету спасение, –
7 ние можеши	ведь ты, Чистая,
8 бо [ч]истаѧ по-	можешь помочь
9 мъщи ми :·∽	мне’[14]

Данная запись представляет собой первую полную фиксацию текста, т.к. в трех древнерусских Триодях постных, согласно инципитарию Д. Штерна, выписано только зачало [Stern, 2008, T. I, S. 7, № 72]. В записи наблюдаются смешение ъ/о: **дѣвъ**, **подо**, **къръвъ**, **ѧкъ**, **помъщи** – и замена **ѣ** на **є**: **вѣде**; в форме **къръвъ**, кроме того, вставлен неэтимологический **ъ**, отражающий эффект скандирования. В форме **сп҃сѣние**, по-видимому, фигурирует «новый ять», что вновь указывает на южнорусское происхождение писца.

Позднее экстратекстов № 7 и 8 выполнена запись № **10**:



1 любиши ли брата бг҃а любии҃	‘Если ты любишь брата – Бога
2 не любиши ли брата бг҃а	любишь, если не любишь брата –
3 не любиши а[м]<и>	Бога не любишь.
4 амине	Аминь’

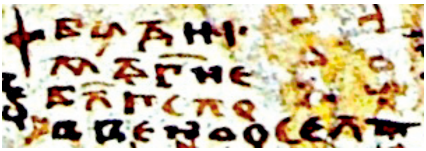
Длинная первая строка упирается в текст № 7, чем обусловлен вынос **ш** над строкой (**любии҃**); правая, неровная половина второй строки огибает сверху текст № 8; в конце третьей строки писец, вероятно, хотел вместить часть слова **аминь**, но, наткнувшись на предыдущий экстратекст,

[14] Ср. греческий оригинал, новоцерковнославянскую версию и ее перевод на современный русский: Ἐγώ, Παρθένε ἁγία, Θεοτόκε, τῇ σκέπῃ σου προστρέχῳ· οἶδα, ὅτι τεύξομαι τῆς σωτηρίας· δύνασαι γάρ, Ἁγνή, βοηθῆσαί μοι [PaR, σ. 655] – Аз, Дево Святая Богородице, / к покрову Твоему прибегаю, / вем, яко обрящу Тобою спасение, / можеши бо, Чистая, помощи мне – К покрову Твоему, / Святая Дева Богородица, я прибегаю: / знаю, что обрету молитвами Твоими спасение, / ибо Ты можешь, Чистая, помочь мне (https://azbyka.ru/bogosluzhenie/bogorodichny-vosmi-glasov-poyushhiesya-kogda-est-stihira-svyatomu/).

недописал ее и полностью выписал слово на последней строке, оставив, однако, нестертой начальную **а** в предыдущей строке.

Текст представляет собой парафраз 1 Ин 4. 20–21. В последнем слове отражена замена **ь** на **є**; других позиций, где могли бы проявиться особенности некнижной орфографии, в тексте нет – кроме разве что частицы **не**, однако замена **є → ь** писцом не практикуется.

Следующий экстратекст (№ **11**) – цитата из старославянского перевода Пс 112. 2 (ср. [ПсСин, с. 148; PsDem, S. 417]) – со всех сторон ограничен и частично пересекается с горизонтальными записями – текстом № 1 и отдельными буквами:



1 + **буди** ·і··
2 **мѧ гне**
3 **блгсло-**
4 **ввено оселѧ**

‘Да будет
имя Господне
благословенно
отныне...’

В отличие от других записей на л. 218, он не содержит элементов бытовой орфографии, хотя обозначение /и/ посредством **і** с двумя точками у верха мачты несколько раз отмечено в берестяных грамотах XII–XIV вв. [Зализняк, 2000, с. 172]; кроме того, текст демонстрирует одну описку – повторение **в** на четвертой строке, возможно, отражающее колебания писца между двумя возможными орфограммами – с и без *l’ epentheticum* (ср. **блгословлено** в древнерусских списках – Бычковско-Синайской псалтыри XI в. [Altbauer, 1978, S. 110] и Псалтыри княгини Марины 1296 г.[15])[16]. Особого внимания заслуживает уникальное наречие **оселѧ**, отличающееся от варианта древнейших списков Псалтыри – **отъселѣ** – как приставкой, так и суффиксом. Если абстрагироваться от версий с пропуском слога **-тъ-** или невыписанной выносной, то префикс *о-* как закономерный рефлекс изначально безъеровой приставки **ot-* (см. [Крысько, 2014, с. 101]) оказывается весьма архаической чертой, сближающей фиксацию в настоящей записи с уникальным наречием **оселѣ** ‘отныне’ в Ефремовской кормчей XII в. [СДРЯ, т. VI, с. 193], а в более общем плане – с такими образованиями, как

[15] Л. 252. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/164753?query=Син.235&fund_ier=647760263_647760288&index=0 (дата обращения: 16.12.2024).

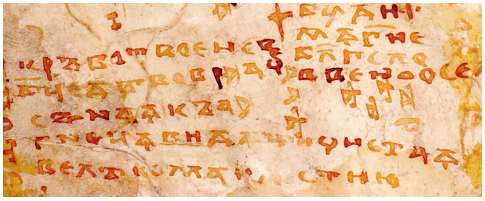
[16] В старославянской Синайской псалтыри читается **блствьно**, и это написание помещено в [SJS, d. I, s. 104] под уникальной адъективной леммой **благословествьнъ**, что не корреспондирует с греческим причастием; С.Н. Северьянов обоснованно рассматривал его среди форм причастия **благословественъ** [ПсСин, с. 185].

отраженные в [СДРЯ, т. VI] *оскакати*, *остоупати*[2], *осѣчи*[2] и т.п.[17] В то же время финальное *-лѧ*, напротив, предстает как диалектная инновация: в материалах СДРЯ такой облик суффикса, обычно выступающего в виде *-лѣ*, засвидетельствован исключительно в южнорусских грамотах XIV в.: *доколѧ*, *отътолѧ*, *отътоулѧ*, *поколѧ*, *потолѧ* (см. также *одъколя* в [ССУМ, т. 2, с. 104])[18]. Тем самым южнорусское происхождение анализируемой группы экстратекстов получает еще одно подтверждение.

Цикл вертикальных записей на л. 218 завершается двумя упражнениями в письме (№ **12** и **13**), выполненными одно за другим (при этом № 12 – с небольшим отступом по отношению к № 13):

13

12



1 кръво твоеи св
2 бцѣ дѣво врач҃
1 сына ѧкъ а-
2 гнеца видѧщи чистаѧ
3 велѣкома [и ле]стию

‘Покров твой, Богородице Дево, врачевство...’
‘Сына как агнца видя, Чистая, влекомого и обманом...’

Оба текста представляют собой недописанные начальные фразы двух стихир Великой седмицы, ср. в Стихираре постном и цветном первой половины XIII в. (РНБ, Соф. 96)[19]: **Кровъ твои богородице дѣво · врачьство ѥсть · доушевьноѥ** (л. 90v), **Сына ꙗко агньца · видѧщи чистаꙗ влѣкома · и льстию ꙁълою · прѣдаѥма оубити** (л. 84v)[20]. Текст наносился поверх уже имеющихся горизонтальных упражнений в письме – отдельных букв: во второй строке № 13 в корне **врач-** увеличенный интервал между **р** и **а** обусловлен тем, что **р** упирается в ранее написанную букву **ѧ**, продолжению текста после **ч** препятствует перпендикулярный ему ряд букв **аѧѣ** (и, далее, строки из параллельного экстратекста № 11), а после **а** в конце первой строки № 12 следует горизонтальное **а**.

[17] Ср. варианты в двух списках Лествицы: **остроугающее** (Рум. 198, 168а) – **отъстроугающеѥ** (Рум. 199, 141г) = ἀποξέον.

[18] Заметим, что в волынской Луцкой псалтыри 1384 г. фигурирует традиционная форма **ѿселѣ** [ПсЛ, с. 153]. Происхождение финального /а/ неясно; вряд ли оно обязано своим появлением книжной, болгарской по происхождению форме **отънъныꙗ** (из **нынꙗ**); не исключено, что группа наречий с приставками *до-* и *отъ-* подверглась влиянию конструкций с предлогами *до*, *отъ* + РП существительных и субстантивированных прилагательных **о*-склонения.

[19] URL: https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=4FB9C1E8-DDBE-42C1-B501-8E0BA7AF59DC (дата обращения: 16.12.2024).

[20] Инципиты отражены в [Stern, 2008, T. II, S. 28, № 8934, T. III, S. 355, № 20485].

Одно обстоятельство позволяет заключить, что нижний «инципит» был выписан раньше верхнего: последние буквы первой и второй строк № 13 ( ), вероятно, должны рассматриваться как часть словоформы **врачес<т>в<о>**, которая за неимением места внизу (уже занятого строкой **съина ѫкъ а**) и справа была продолжена вверх – **є** вписано над **ч**, а буквы **св** перенесены на оставшееся свободным от текста первой строки место, чуть ниже предшествующей формы **твоеи**.

Записи выполнены с использованием элементов некнижной орфографии (смешение **ъ**/**о**: **кръ̱во**, **ѫкъ̱**; **ь** → **є**: **врач<u>є</u>с<т>в<о>**, **агн<u>є</u>цѧ**) и скандирования (**в<u>є</u>лѣкома**). Написание **твоеи**, по-видимому, можно трактовать как переход от обозначения конечного /j/ < /jь/ посредством **є** (см. [Зализняк, 2004, с. 32–33]) к традиционной орфограмме **и**. Реконструируемая форма **врачес<т>в<о>** демонстрирует пропуск *т* в суффиксе *-ств-*, трижды засвидетельствованный в торжковской берестяной грамоте № 17 конца XII в. (*презоресво*, *пєѧнесво*, *запоисво*) [Там же, с. 466], однако вынужденно сокращенный облик этого слова в экстратексте не дает возможности с уверенностью интерпретировать данное написание – в отличие от берестяной грамоты – как отражение фонетической реальности.

Слева записи № 12 и 13 упираются в выполненную ранее горизонтальную запись № 3, снизу продолжению упражнений помешали отдельные горизонтальные пробы пера.

Общее впечатление о тождестве почерка во всех вертикальных записях подтверждается при более пристальном рассмотрении отдельных идентичных или близких начертаний. В частности, обращают на себя внимание редкостная форма **ы** – с горизонтальным правым элементом[21] – в записях № 7 (**пересескыхо**:) и 12 (**съина**:), монограф **ꙋ** с правой верхней засечкой в № 6 (**боратꙋ**:), 7 (**ꙋвѣдѣвоше**: , **мꙋдора**:), 11 (**бꙋди**:)[22],

[21] В корпусе берестяных грамот такой начерк зафиксирован лишь один раз – в грамоте № 483 второй половины XII в. [Зализняк, 2000, с. 207].

[22] Из общей картины выбивается похожая на четверку **ꙋ** из записи № 9: (**обрѧщꙋ**); во многом схожее написание зарегистрировано в новгородской берестяной грамоте № 592 конца XIII в. [Зализняк, 2000, с. 189].

ѣ с низкой мачтой (вплоть до исчезновения на уровне коромысла[23]) и двумя засечками по краям коромысла (7: **увѣдѣвоше** , 8: **вѣра** , 9: **дѣвъ** , **прибѣгаю** , **вѣде** , **сп҃сѣние** , 12: **велѣкома** , 13: **дѣво**), вполне единообразная ꙁ с засечкой вверху слева, встречающаяся в трех записях (6: **кнѧꙁѧ** , 7: земели , 9: **аꙁъ**). Несколько различаются написания к: сомкнутое с каплеобразной засечкой вверху справа (6: **кнѧꙁѧ** , 7: **пересесекъıхо** , 9: **къръвъ** , **ѧкъ**) и разомкнутое без засечки (12: **ѧкъ** , **велѣкома** , 13: **кръво**), – а также формы асимметричной ж (сомкнутая в 7: **рожешагосѧ** , разомкнутая в 9: **можеши**), – однако эти различия, вероятно, объясняются вариативностью в пределах одного неустоявшегося почерка.

С почерком вертикальных экстратекстов могут быть отождествлены и начерки нескольких горизонтальных записей. Прежде всего это относится к добавлению, приписанному к молитвенной записи писца, который восполнил текст Лествицы, – вслед за призывом к Господу **спи и ѹкрѣпи** мы читаем (№ **14**):

и помилуи ущедери амине
‘и помилуй и сжалься. Аминь’

[23] Такая форма не отражена в таблице Л.В. Черепнина [Черепнин, 1956, с. 155], не зафиксирована в берестяных грамотах [Зализняк, 2000, с. 210–211] и крайне скудно (if ever) представлена в граффити Софии Киевской [Высоцкий, 1966, с. 123; 1976, с. 171, 173].

Приписка содержит плеонастическую конструкцию с двумя синонимичными глаголами – *помиловати* и *оущедрити*, построенную по принципу гендиадиса и ориентированную, по-видимому, на текст Исх 33. 19, ср. в Паремейнике: **и пом<и>лоуѧ егоже аще пом<и>лоуѧ · и оущедрѧ егоже аще оущедрѧ** [SJS, d. IV, s. 726]; аналогичные обороты неоднократно встречаются в древнеславянской письменности, ср. материал Картотеки СДРЯ: помилоуи ны и оущедрі. и застоупи. млтвами пречьстьною страстотьрпьцю твоєю. *СкБГ XII, 18а*; привезоша и мертва смердѧща, никымьже милоуємъ ни оущедримъ. *ГА XIV$_1$, 219а*; оущедри вздыхании [*так*!] моѩ и приими мои плачь. помилуи мѧ. *ПрЮр XIV$_2$, 138а*. Церковнославянский текст вновь выполнен по бытовой орфографии: наряду с заменой финального **ь** в слове **аминь** буквой **є** писец применил в форме **ущедери** скандирующий принцип. При стечении гласных пропущено одно **и**: **помилуи ущедери** вместо **-уи и у-**.

О тождестве почерков в № 14 и вертикальных записях свидетельствует форма **у** с правой верхней засечкой – , (см. приведенные выше , , ,) и **щ**, полностью находящаяся над линией строки (ср. **ущедери** и **обрѧщу**, **помъщи** в записи № 9, **видѧщи** в № 12).

Аналогичные начертания **к**, **ꙁ**, **у** позволяют считать произведениями одной руки записи-упражнения № 6 и 4 (ср. resp. – , в **боратꙋ** – в **т[и]|вꙋнꙋ**), присоединив к ним также № 9 и 3 с похожими **аꙁъ**: – . Каплеобразная засечка в букве **к** и буква **н** с засечками в № 2 ( ), практически идентичные с № 4, указывают на принадлежность записи **ѿ книѧ** тому же почерку.

Сложности вызывает палеографическая атрибуция загадочного текста № 5: , начиная с первого же знака, который не имеет явных параллелей в рассмотренных выше записях. Если это крест, то он весьма отличается и от в № 6, и от в № 4, и тем более от в № 11, – а буквы **п** и **г** нигде не пишутся с такими засечками. Тем не менее следующие далее несомненные **рѣд** заставляют признать в странном знаке деформированный **п**, отдаленный аналог которому обнаруживается в берестяной грамоте № 718 рубежа XII–XIII вв.: [Зализняк, 2000, с. 180]. На отрезке **прѣд-** весьма показателен **ѣ** редкой формы – с отсутствием мачты над коромыслом, что недвусмысленно сближает почерк данного текста с упражнениями № 8, 9, 12, 13 (и несколькими изолированными ятями). После **д** буквально влеплена **ї**, не встречающаяся в других текстах на л. 218; думается, эта вставка показалась необходимой самому писцу или его редактору вследствие пропуска **ъ** в предлоге или приставке **прѣдъ(-)**. Следующая далее буква идентифицируется как **л** (ср. **л** с покрытием в № 10, особенно в обоих союзах **ли**: ,). Знак более всего похож на **ъ** в слове **вълосви** (№ 7:) и в изолированном **ър** ( ) под записью № 1 – с выступом вправо вверху [Там же, с. 204–205], однако его можно трактовать и как «безмачтовый» ять с коротким правым плечом без засечки. Второе решение представляется более вероятным и на фоне очевидной неуверенности писца в написании **ѣ** и **ъ**, проявляющейся в постоянных пробах, и ввиду невозможности (при абсолютно бесспорном **т**) подыскать приемлемые корни с *лът-* или *лот-* – и, таким образом, эта часть слова (предложно-падежного сочетания?) распознается как **прѣдїлѣт-**, исправленное из **прѣдлѣт-**. Хотя соответствующие образования не зафиксированы в исторических словарях, параллель имеется в новоцерковнославянской версии Октоиха [РЦЕ, т. II, с. 61], ср.: Сѣдѣ́нія не ѿсту́пль нѣ́дръ роди́теля, въ нѣ́дрѣхъ мт҃рнихъ сн҃ъ предлѣ́тный: напослѣ́докъ же, и́же пре́жде вѣ̑къ сы́й со ѻ҃ца́мъ, изъ̑ утро́бы дв҃ы

произы́де[24] (НКРЯ). Далее с уверенностью читается, к сожалению, только ꙋ ( ), в целом идентичное другим ꙋ в экстратекстах на л. 218 (особенно в **мꙋдора** 7); перед ним естественно было бы ожидать **н**, однако буква между **т** и ꙋ ( ) совсем непохожа на **н**, и для интерпретации последнего, достаточно четко выписанного знака у нас тоже нет сколько-нибудь убедительных гипотез.

Наконец, нижнее поле л. 218 содержит шестистрочный список имен (№ **15**), окруженный несколькими изолированными написаниями (рис. 5).

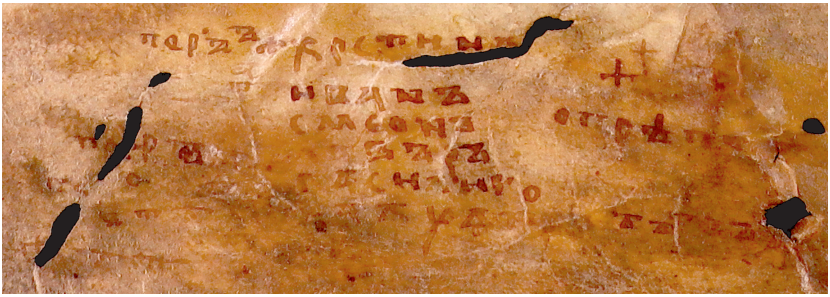


Рис. 5

Fig. 5

А.Х. Востоков, в письме к Н.П. Румянцеву первым расшифровавший бо́льшую часть этого текста, прочел набор букв слева вверху ( ) как «перъ҇», посчитав это именем *Петр*ъ [Востоков, 1873, с. 149] (аналогично – [СК, т. I, с. 104]). Однако та же последовательность букв фигурирует на странице еще дважды: чуть ниже и левее, вокруг дыры в пергамене ( ), и существенно выше, справа от основного текста ( ). Яснее всего буква после **п**

[24] Канон в субботу на повечерии, глас 1-й. Ср. толкование: «Идея о том, что от Девы Марии рождается не человек, а Второе лицо Святой Троицы, Сын Божий, предвечно существовавший с Отцом, выражена также в первом тропаре шестой песни канона» [Савина, 2024, с. 17].

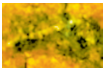
видна на записи, изучавшейся Востоковым, но признать ее за **є** никак не удается: напротив, она идентична нескольким **о** весьма своеобразной формы (с хвостиком, уподобляющим **о** латинскому Q) в вертикальных упражнениях: , (**рожешагосѧ**, № 7), (**милостию**, № 8), , (**можеши**, **помъщи**, № 9), (**бл҃гсловвено оселѧ**, № 11), (**кръво**, № 13). Хотя эти сопоставления и дают веские основания приписать все указанные записи одной руке, выявить какой-нибудь смысл в последовательностях **поръ** и тем более **поръѣ** мы не в состоянии; заметим лишь, что знак , который Востоков трактовал как крест перед именем **хрстина** [Востоков, 1873, с. 149], является, на наш взгляд, буквой **ѳ**.

В списке имен – возможно, поминальном [СК, т. I, с. 104]:

[1] **хрстин[а]**	‘Христина
[2] **иванъ**	Иван
[3] **смеонъ**	Семен
[4] **лавъръ**	Лавр
[5] **василиѵ**	Василий
[6] **калуѵѧн̊[въ?]**	Калоянов (?)’

– ярких диагностицирующих палеографических черт нет, хотя практически все начерки находят соответствия в проанализированных выше упражнениях, за исключением начальной **х** ( ), несколько отличной от в записи № 7 (**пересесекъыхо**). Написание **хрстина** демонстрирует либо сокращенное написание корня *Хрьст-* / *Христ-*, но без титла, либо, вероятнее, падение слабого редуцированного в имени *Хрьстина*[25]; написание **смеонъ** скорее отражает контаминацию имен *Симонъ* (Σίμων) с закономерной утратой слабого /ь/ (< ι) и *Сумеонъ* (Συμεών) с сохранением зияния (ср. [SJS, d. IV, s. 73–74, 413–414]), нежели переход /е/ > /о/, нехарактерный в этой позиции для южнодревнерусского

[25] Ср. результаты такого же развития в группе «плавный + слабый редуцированный» во фрагментарной Минее первой половины XIII в. (БАН, Финл. 14), южнорусское происхождение которой представляется нам несомненным: **во плти** 3 об. (http://ecatalog.rasl.ru:8080/cgi-bin/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe) – и в Псалтыри 1296 г., северо-восточного происхождения: **крви** 6 об., **крвии** 115 об., 295 об.

ареала[26]; в имени **лавръ** представлен неорганический редуцированный; в имени **василиѵ** уникальное написание ижицы в роли конечного **и** – очевидный изыск писца. В шестой строке среди букв, которые А.Х. Востоков передал как имя *силуѧнъ*[27] [Востоков, 1873, с. 149], без затруднений прочитываются **луѧн**, однако перед **л** бесспорно видна **а**, а перед нею – **к** ( ), так что мы имеем здесь дело с именем *Калоянъ*, которое в XII–XIII вв. носили болгарский царь (Калоян Грекобойца, 1197–1207)[28] и севастократор Средеца (сер. XIII в.); связано ли упоминание в записи Лествицы с одним из этих лиц – судить не нам. После **н** с выносным **о** как будто просматривается **в**, а далее – но совершенно ненадежно – **ъ** () – т.е., возможно, в списке присутствует некий Василий Калоянович.

Справа от списка имен, помимо очередных пробных ятей, еров и крестов, читается **о прѣп[ѣт]** – очевидно, начало ирмоса **О прѣпѣтаꙗ мати** [Stern, 2008, T. II, S. 390, № 12883].

Итак, перед нами – уникальный по объему корпус преимущественно церковнославянских текстов, отчасти полных, отчасти незавершенных, выписанных двумя некнижными почерками по бытовой орфографии. У нас нет оснований предполагать, что писец большинства текстов упражнялся в такой, с позволения сказать, каллиграфии, обложившись церковными книгами – Псалтырью, Стихирарем, Триодью и др. Гораздо более вероятно, что он либо воспроизводил по памяти отрывки услышанного на богослужении и в канцелярии («письма от князя»), либо писал под диктовку. Цель подобных упражнений, носивших, очевидно, далеко не эпизодический характер, остается нам неясной. Остроту ситуации придает то обстоятельство, что создание своеобразной хрестоматии деловых и богослужебных текстов, начавшись, по-видимому, с имитации послания от (реального или условного) князя Ярополка на чистом листе пергамена, позднее (неизвестно после какого перерыва) продолжалось на странице, уже занятой окончанием в высшей степени благочестивого сочинения. Поскольку текст Лествицы на л. 218 с полуслова

[26] Ср. РП **смеона** в смоленской берестяной грамоте № 7 XII в. [Зализняк, 2004, с. 799].

[27] В древнерусских памятниках, согласно Картотеке СДРЯ, встречаются формы *Силуанъ*, *Силванъ*, *Сильванъ*, *Силиванъ*, *Селиванъ*, но вариант *Силуянъ* не зафиксирован.

[28] «Калуянов монастырь» – по имени его строителя, императора (1118–1143) Иоанна II Комнина, прозванного Калоиоанном (Καλοϊωάννης), – фигурирует в «Книге Паломник» Антония Новгородца начала XIII в. [Ант., с. 112]. В исторических источниках среднерусского периода именем *Калуянъ* обозначаются и болгарский царь, и византийский император Иоанн VIII (НКРЯ).

продолжает оборванную на обороте л. 217 фразу (**пакъ твоеꙗ доброты избьраниѥ · изнова тъкоуще гл҃ѥ||мъ сьде** = πάλιν τὸν τοῦ κάλλους σου ἔρανον ἐξυφαίνοντες λέγωμεν ὧδε), кажется крайне маловероятным, чтобы лист с восполнением мог использоваться отдельно от всего отреставрированного кодекса. Тем самым создатели экстратекстов Рум. 198 вольно или невольно вставали в ряд древнерусских писцов, профанировавших и десакрализовавших церковные книги (см. [Крысько, Ладыженский, 2021]).

Особое значение записи на последней странице древнейшего списка Лествицы приобретают благодаря установленному нами южнорусскому происхождению писца большинства текстов. За пределами берестяной письменности и эпиграфики это, насколько мы можем судить, единственный южнодревнерусский памятник вероятно домонгольской поры (или эпохи вскоре после нашествия), отражающий некнижное письмо и бытовую орфографию[29]. Помимо собственно языковых особенностей, указывающих на южный ареал Древней Руси (переход /е/ > /о/ после шипящих, «новый ять», наречный суффикс *-ля*), ученические экстратексты демонстрируют некоторые палеографические черты, не характерные для берестяных грамот (может быть, лишь по той причине, что со всей южнодревнерусской территории до наших дней дошли только две грамоты из Звенигорода Галицкого [Зализняк, 2004, с. 346]), – особые начерки **о**, **ѡ**, **ъı**, **ѣ**. В области графики важнейшей особенностью всего комплекса экстратекстов является употребление монографа **ꙋ**. «Бытовая» орфография записей находит выражение в нескольких «эффектах», реализуемых, однако, непоследовательно, – смешении **ъ**/**о** (например, **вълосви**, **дѣвъ**, **кръво**, **ѫкъ**, но **рожешагосѧ**, **милостию**, **твои**, **можеши**), повсеместной замене **ь** → **е** (**отеце**, **рожешагосѧ**, **агнецѧ**, **чоме**, при сохранении этимологического **е**: **ꙁемели**, **спасесѧ**, **бц҃е**, **не**) и «скандирующих» написаниях (**боратꙋ**, **мꙋдора**, **велѣкома**, **ꙋщедери**). Показательно этимологически верное написание **ѣ** с единственным исключением **вѣде** (на фоне **ꙋвѣдѣвоше**), возможно, отражающим чуждость этой архаичной индоевропейской формы 1 л. перфекта живой речи писца. Неустойчивость орфографических навыков проявляется в вариативном написании одних и тех же форм и основ, ср. **ѡто** – **ѡ**, **къ** – **ко**, **боратꙋ** – **брата**, **дѣвъ** – **дѣво**, **кърьвъ** – **кръво**, **твои** – **твоеи**.

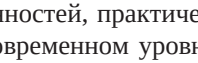
[29] Ср. замечание А.А. Зализняка по поводу торжковской берестяной грамоты № 17: «В пергаменных или бумажных рукописях мы никогда не встретим подобного сочинения, написанного целиком по бытовой орфографии (возможны только единичные отклонения в сторону такой орфографии)» [Зализняк, 2004, с. 465].

Тот факт, что уже после заполнения левого столбца л. 218 последними фразами Иоаннова сочинения какой-то другой писец – носитель южнорусского диалекта – продолжал покрывать правую половину страницы и нижнее поле, оставшиеся свободными, плодами своего ученического усердия, ставит под сомнение тезис о появлении экстратекстов после перемещения кодекса в Новгород [Турилов, 2002, с. 206]. Более того, сама идея о новгородской локализации записей базируется исключительно на постулате о новгородском происхождении Лествицы Рум. 199, который, в свою очередь, основывается на попутном упоминании этой рукописи (названной почему-то евангелием!) среди «книг изысканного художественного качества», возникших в некоей новгородской мастерской [Попова, 1962, с. 216; 2003, с. 171], – при том что О.С. Попова исследовала новгородскую рукопись 1270 г., а для предшествующего столетия (со 1163 по 1260 г.) новгородские датированные рукописи, как отметил А.А. Турилов, отсутствуют [Турилов, 2002, с. 208]. Между тем еще в XVIII в. кодекс Рум. 199 хранился в Любече под Черниговом [СК, т. I, с. 230], что знаменательным образом согласуется и с черниговским происхождением князя Ярополка, и с очевидно южнорусским (по мнению некоторых исследователей – правда, не аргументированному, – черниговским [Тихомиров, 1965, с. 116][30]) происхождением Лествицы Рум. 198, которую восполнил писец Рум. 199. Руководствуясь сформулированным Н.С. Трубецким принципом: «Лингвистические проблемы должны решаться прежде всего чисто лингвистическими способами» [Trubetzkoy, 1936, с. 92], – мы должны констатировать, что новгородское происхождение рукописи Рум. 199 (а следовательно, и написанного тем же почерком текста Лествицы на л. 218 Рум. 198) лингвистически не подтверждается. Симптоматично, что А.И. Соболевский, регулярно указывавший диалектную отнесенность исследованных им памятников[31], ни разу, цитируя в «Лекциях» примеры из этого кодекса (см. [Соболевский, 1907, с. 72, 114, 212]), не охарактеризовал его язык[32]. Проведенный нами (по фотокопии на сайте РГБ) просмотр

[30] **Доказать** черниговское (а не киевское или галицко-волынское) происхождение рукописи невозможно: науке неизвестен ни один памятник древнерусской книжности, созданный в Чернигове, так что сравнивать Лествицу Рум. 198 просто не с чем.

[31] Так, Лествица Рум. 198 упоминается в ряду рукописей, отражающих южнорусские говоры [Соболевский, 1907, с. 130].

[32] Заметим, что ученый не писал о болгаризмах **этого** списка ни подробно [Турилов, 2002, с. 206], ни мельком: говоря о текстах «с частым употреблением ъ после шипящих», он ссылается на «Лествицу XII века Рум. Муз.» [Соболевский, 1902, с. 128] – т.е. Рум. 198 (см. [Соболевский, 1907, с. 59]), а вовсе не на Рум. 199, которую он датировал XIII веком [Там же, с. 72]; действительно, написания с **ъ** после **ж**, **ч**, **ш**, **щ** в Рум. 198 обычны [Попова, 2013, с. 22] – в отличие от Рум. 199.

всей рукописи подтвердил диалектную нейтральность списка[33]. На фоне изобилия обычных восточнославянизмов[34] новгородские черты зафиксированы на 182 листах лишь пять раз: дважды – **ч** на месте **ц**: **чѣца** 65а вместо **цѣца** ‘ради’ (так в Рум. 198, 75г), **вълчьчь** 93в – и трижды – **жг** на месте **zgj*: **пригвожгьши** 21а, **пригвожгенїꙗ** 59а, **бездъжги|ю** 81а. Что касается примеров цоканья, то второй ненадежен, т.к. может отражать банальное повторение предшествующей согласной, неудивительное для рукописи, далеко не свободной от описок[35], а первый представлен в редком южнославянском предлоге, очевидно чуждом писцу (см. [ЭССЯ, т. 2, с. 189] и цитаты в [Срезневский, т. III, с. 1466]). Фактор необычности сыграл роль, как мы полагаем, и при копировании книжных форм **пригвожгьши**, **пригвожгенїꙗ** – тогда как в безусловно знакомом слове **бездъжгию** писец, сначала воспроизведя написание своего источника, затем исправил **г** на **д** (). В целом почти полное отсутствие ареальных особенностей, практически невозможное для новгородских рукописей, при современном уровне знаний о древнерусской письменности и древнерусском языке трудно истолковать иначе как свидетельство во всяком случае не северо-западной, а скорее всего – южной локализации кодекса, между тем как наличие изолированных новгородизмов естественно отнести на счет антиграфа – новгородской рукописи Лествицы, возможно, действительно попавшей после краткого княжения Ярополка Ярославича в Новгороде на юг (в Чернигов?) и переписанной в XIII в. местным книжником.

Библиографический список / References

Ант. – Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / с предисл. и примеч. П. Савваитова. СПб., 1872. [Puteshestvie novgorodskogo arkhiepiskopa Antoniya v Tsargrad v kontse 12-go stoletiya [The journey of Archbishop Anthony of Novgorod to Constantinople at the end of the 12th century]. With a preface and notes by P. Savvaitov. St. Petersburg, 1872.]

Востоков, 1842 – Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. [Vostokov A.Kh. Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rumyantsevskogo muzeuma [The description of the Russian and Slavonic manuscripts of the Rumyantsev Museum]. St. Petersburg, 1842.]

[33] На южный ареал, может быть, указывает замена **χ** на **г**: **огоудивъ** 94в vs. **охоудивъ** (Рум. 198, 121а = μεώσας ‘уменьшив’); ср., впрочем: «...the whole search of *g/h* behind the letter *x* is unacceptable» [Shevelov, 1979, p. 351].

[34] Приведем только примеры с одного листа: **отъвьргъсѧ** 129а, **телеси**, **рожьство телесьнои съзижетьсѧ**, **телесе** 129б, **въ собѣ**, **ражають** 129в, **пьрвааго**, **телесьнааго**, **о расоужении**, **образъмь** 129г.

[35] Ср., например: **исидори именьмь** 7б, **абаче** 90б, **Стень** 102г (вм. **Степень**), **неизгла|наꙗ** 103б, **испъ|въ** 107в (вм. **испытавъ**), **мости** 115а (Рум. 198, 139б **мл҃стї**), **съдьно||ю** 144в–г (Рум. 198, 170г **сънадьное**), **вѣтвоу** 149б (Рум. 198, 174б **въ сѣтвꙋ**).

Востоков, 1873 – Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке. С объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873. [Perepiska A.Kh. Vostokova v povremennom poryadke. S obyasnitelnymi primechaniyami I. Sreznevskogo [Correspondence of A.Kh. Vostokov in a time-based manner. With explanatory notes by I. Sreznevsky]. St. Petersburg, 1873.]

Высоцкий, 1966 – Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. [Vysotskii S.A. Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi XI–XIV vv. [Old Russian inscriptions of St. Sophia of Kyiv of the 11th–14th centuries]. Kyiv, 1966.]

Высоцкий, 1976 – Высоцкий С.А. Средневековые надписи Софии Киевской: (По материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. [Vysotskii S.A. Srednevekovye nadpisi Sofii Kievskoi: (Po materialam graffiti XI–XVII vv.) [Medieval inscriptions of St. Sophia of Kyiv: (Based on graffiti materials of the 11th–17th centuries)]. Kyiv, 1976.]

Горский, 1996 – Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. [Gorskii A.A. Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: Puti politicheskogo razvitiya [Russian Lands in the 13th–14th centuries: Ways of political development]. Moscow, 1996.]

Зализняк, 2000 – Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 134–274. [Zaliznyak A.A. Paleography of birchbark letters. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste* (*iz raskopok 1990–1996 gg.*). Moscow, 2000. Pp. 134–274. (In Rus.)]

Зализняк, 2004 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. [Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskii dialekt [Old Novgorod dialect]. Moscow, 2004.]

Крысько, 2014 – Крысько В.Б. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34–38) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 100–119. [Krysko V.B. Marginalia to the “Etymological Dictionary of Slavic Languages” (issues 34–38). *Voprosy yazykoznaniya.* 2014. No. 1. Pp. 100–119. (In Rus.)]

Крысько, Ладыженский, 2022 – Крысько В.Б., Ладыженский И.М. Попсквернослов: Обсценные маргиналии в древнерусском евангелии // Die Welt der Slaven. 2022. Jg. 67. H. 2. S. 286–295. [Krysko V.B., Ladyzhenskii I.M. A ribald cleric: Obscene marginalia in an Old East Slavic Gospel. *Die Welt der Slaven*. 2022. Jg. 67. H. 2. S. 286–295. (In Rus.)]

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. (Полн. собр. рус. летописей; Т. 3.) [Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov [The Novgorod First Chronicle of the elder and younger redaction]. Moscow, 2000. (Polnoe sobranie russkikh letopisei; Vol. 3.).]

Попова, 1952 – Попова О.С. Новгородская рукопись 1270 г.: Миниатюры и орнамент // Записки Отдела рукописей. 1962. Вып. 25. С. 184–219. [Popova O.S. A Novgorod manuscript of 1270: Miniatures and ornament. *Zapiski Otdela rukopisei.* 1962. Issue 25. Pp. 184–219. (In Rus.)]

Попова, 2003 – Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. [Popova O.S. Vizantiiskie i drevnerusskie miniatyury [Byzantine and Old Russian miniatures]. Moscow, 2003.]

Попова, 2013 – Попова Т. Язык и графико-орфографическая система древнейшей славянской рукописи Лествицы Иоанна Синайского: Предварительные замечания // Palaeoslavica. 2013. XXI/1. С. 15–57. [Popova T. The language and graphic-spelling system of the oldest Slavic manuscript of the Ladder of John of Sinai: Preliminary remarks. *Palaeoslavica.* 2013. XXI/1. Pp. 15–57. (In Rus.)]

ПсЛ – Луцький псалтир 1384 року. Київ, 2013. [Lutskii psaltir 1384 roku [Lutsk Psalter of 1384]. Kiïv, 2013.]

ПсСин – Синайская псалтырь: Глаголический памятник XI века / пригот. к печ. С. Северьянов. Graz, 1954. [Sinaiskaya psaltyr: Glagolicheskii pamyatnik XI veka [The Sinai Psalter: A Glagolitic monument of the XI century]. Prepared for publication by S. Severyanov]. Graz, 1954.]

РЦЕ – Бончев А. Речник на църковнославянския език. Т. I–II. София, 2002–2012. [Bonchev A. Rechnik na tsrkovnoslavyanskiya ezik [Dictionary of Church Slavonic]. Vols. I–II. Sofiya, 2002–2012.]

Савина, 2024 – Савина О.В. Богословское содержание канонов воскресного повечерия и полунощницы. Аттестационная работа. ПСТГУ. 2024. [Savina O.V. Bogoslovskoe soderzhanie kanonov voskresnogo povecheriya i polunoshchnitsy [The theological content of the canons of Sunday Compline and Midnight Mass]. Attestation work. Saint Tikhon's Orthodox University. 2024.]

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XIII–. М., 1988–2023–. [Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Dictionary of Old Russian (11th–14th centuries)]. Vols. I–XIII–. Moscow, 1988–2023–.]

СК – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. [Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR: XI–XIII vv. [The consolidated catalog of Slavic-Russian handwritten books stored in the USSR: 11th–13th centuries]. Moscow, 1984.]

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32–. М., 1975–2023–. [Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Issues 1–32–. Moscow, 1975–2023–.]

СМС – Славянский Минейный стихирарь (по рукописям XII–XIII вв.). Т. 1. Пузина М.А., Крысько В.Б. Тексты и комментарии. М., 2022; Т. 2. Пузина М.А., Крысько В.Б. Указатели. М., 2023. [Slavyanskii Mineinyi stikhirar (po rukopisyam XII–XIII vv.) [Slavonic Menaion Sticherarium (according to the manuscripts of the 12th–13th centuries)]. Vol. 1. Puzina M.A., Krysko V.B. Texts and comments. Moscow, 2022; Vol. 2. Puzina M.A., Krysko V.B. Indices. Moscow, 2023.]

Соболевский, 1902 – Соболевский А.И. К истории древнейшей церковнославянской письменности // Русский филологический вестник. 1902. Т. 48. С. 109–133. [Sobolevskii A.I. On the History of the earliest Church Slavonic writing. *Russkii filologicheskii vestnik*. 1902. Vol. 48. Pp. 109–133. (In Rus.)]

Соболевский, 1907 – Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. (Переизд.: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004.) [Sobolevskii A.I. Lektsii po istorii russkogo yazyka [Lectures on the history of Russian]. 4th ed. Moscow, 1907. (Reprint: Sobolevskii A.I. Trudy po istorii russkogo yazyka [Works on the history of Russian]. Vol. 1. Moscow, 2004.]

Срезневский – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. Т. I–III. М., 1989. [Sreznevskii I.I. Slovar drevnerusskogo yazyka [Dictionary of Old Russian]. Reprint ed. Vols. I–III. Moscow, 1989.]

ССУМ – Словник староукраїнської мови. Т. 1–2. Київ, 1977–1978. [Slovnik staroukraïnskoï movi [Dictionary of Old Ukrainian]. Vols. 1–2. Kyiv, 1977–1978.]

Тихомиров, 1965 – Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Ч. II (XII в.) // Записки Отдела рукописей. 1965. Вып. 27. С. 93–148. [Tikhomirov N.B. Catalog of Russian and

Slavic parchment manuscripts of the 11th–12th centuries stored in the Department of Manuscripts of the State Library of the USSR named after V.I. Lenin. Part II (12th century). *Zapiski Otdela rukopisei*. 1965. Issue 27. Pp. 93–148. (In Rus.)]

Турилов, 2002 – Турилов А.А. «Ото князя от Яръполка» (К истории двух древнейших русских списков Лествицы) // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1. С. 204–210. [Turilov A.A. “From the Prince Yaropolk” (To the history of two earliest Russian copies of the Ladder). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2002. No. 1. Pp. 204–210. (In Rus.)]

Черепнин, 1956 – Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. [Cherepnin L.V. Russkaya paleografiya [Russian paleography]. Moscow, 1956.]

ЭС – Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь. М., 2020. [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Entsiklopedicheskii slovar [Historical grammar of Russian: An encyclopedic dictionary]. Moscow, 2020.]

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–42–. М., 1974–2021–. [Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Issues 1–42–. Moscow, 1974–2021–.]

Altbauer, 1978 – An Early Slavonic Psalter from Rus’. Vol. 1. Photoreproduction. M. Altbauer (ed.). Cambridge (Mass.), 1978.

MR II – Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Τ. Β′. Ἐν ‘Ρώμῃ, 1892.

PaR – Παρακλητικὴ ἤτοι Ὀκτώηχος ἡ μεγάλη. Ἐν Ῥώμῃ, 1885.

PsDem – Psalterium Demetrii Sinaitici et folia medicinalia (Monasterii sanctae Catharinae codex slavicus NF 3): Editio critica. H. Miklas et al. (praep.). Wien, 2021.

Shevelov, 1979 – Shevelov G.Y. A Historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha, 1958–1997.

Stern, 2008 – Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts. Besorgt v. D. Stern. T. 1–3. Paderborn etc., 2008.

Trubetzkoy, 1936 – Trubetzkoy N. Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. *tj, *dj. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1936. Bd. 13. № 1/2. S. 88–97.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024
The article was received on 11.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Крысько Вадим Борисович – доктор филологических наук, профессор; главный научный сотрудник, заведующий Отделом древнерусского языка, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, г. Москва

Vadim B. Krysko – Dr. Phil. Hab.; Chief Researcher, Head of the Department of Old Russian Language, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Moscow, Russian Federation

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8557-8263
E-mail: vbkrysko@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-98-121

УДК 811.161.1

Д.К. Поляков

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

«Ну, как вам съездилось, Лидия Андреевна?»: безличный модальный пассив глаголов совершенного вида в русском художественном тексте

В статье анализируется периферийный компонент системы русских рефлексивов – безличный модальный пассив глаголов совершенного вида (типа *как вам съездилось*; *мне хорошо отработалось*; *хоть бы им икнулось*). Многие употребления таких конструкций интенциональны: они возникают при намеренном подчеркивании неволитивности субъекта и неконтролируемости описываемой ситуации. Рассматриваются также неинтенциональные употребления – в устойчивых контекстах типа *как вам отдохнулось*; *сел как селось*; *встать бы*, *да не всталось* и т.д.). Показано, что в художественном тексте перфективный безличный модальный пассив регулярно употребляется в сопровождении других показателей неконтролируемости действия как на уровне фразы, так и на уровне более широкого контекста.

Ключевые слова: рефлексивность, безличный модальный пассив, рефлексивный пассив, деагентивность, неконтролируемость действия, прагматика, русский язык

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, https://rscf.ru/project/23-18-00260/

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Поляков Д.К. «Ну, как вам съездилось, Лидия Андреевна?»: безличный модальный пассив глаголов совершенного вида в русском художественном тексте // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 98–121. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-98-121

© Поляков Д.К., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-98-121

D. Polyakov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation

“Nu, kak vam s”ezdilos’, Lidiya Andreevna?”: Impersonal modal passive of perfective verbs in Russian literary text

The article analyzes the peripheral component of the system of Russian reflexives – the impersonal modal perfective passive (e.g. *kak vam s”ezdilos*’; *mne khorosho otrabotalos*’; *khot’ by im iknulos*’). Many uses of such constructions arise intentionally – with the deliberate emphasis on the subject’s lack of volition and the uncontrollability of the situation being described. The article also examines non-intentional uses – in stable contexts like *kak vam otdohnulos*’; *sel kak selos*’; *vstat’ by*, *da ne vstalos*’, etc.). The article shows that in fiction the perfective impersonal modal passive is regularly used accompanied by other indicators of the uncontrollability of an action both at the phrase level and at the level of a broader context.

Key words: reflexivity, impersonal modal passive, reflexive passive, deagentivity, pragmatics, Russian language.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00260, https://rscf.ru/project/23-18-00260/

FOR CITATION: Polyakov D. “Nu, kak vam s”ezdilos’, Lidiya Andreevna?”: Impersonal modal passive of perfective verbs in Russian literary text. *Rhema.* 2025. No. 1. Pp. 98–121. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-98-121

1. Введение

Вынесенный в заголовок статьи фрагмент из заметок В. Катаева «Эхо военных лет» (1979) иллюстрирует наличие в системе русских рефлексивов «безличного модального пассива»[1] от глаголов совершенного вида (далее – БМП СВ). Находясь на периферии узуса, они

[1] Термин А.Б. Летучего [Летучий, 2014, 2016]. В классификации славянских рефлексивных глаголов и конструкций Ю.П. Князева – «(бесподлежащные) модально-деагентивные рефлексивные конструкции» [Князев, 2007, с. 298–301]. Мы принимаем наименование А.Б. Летучего, оставляя терминологическую дискуссию за пределами внимания.

традиционно – в отличие от конструкций с глаголами несовершенного вида (далее – НСВ) типа *Мне не спится*[2] – оставались вне поля зрения исследователей. Хотя конструкции с перфективами встречаются и в работах, посвященных рефлексивности [Янко-Триницкая, 1962, с. 224–225] или безличности [Галкина-Федорук, 1958, с. 170], и в грамматиках [РГ, 1980, с. 352], они долгое время играли роль лишь иллюстративного материала.

Ситуация начала меняться сравнительно недавно: такие конструкции стали осмысляться с точки зрения их (не)узуальности в разные периоды развития языка и в разных его сферах. А.А. Градинарова, обследовавшая тексты XIX в., пришла к выводу, что по крайней мере в первой его половине «широко распространены были конструкции с рефлексивными предикатами, образованными от основ глаголов совершенного вида прошедшего и будущего времени», типа *Как-то еще нам поживется на новом месте*; *Каково опочилось?* [Градинарова, 2009, с. 53], отметив континуальность таких употреблений и ее проявления в современных текстах, ср.: *Не пожилось ему и в семье второго ребенка в Санкт-Петербурге* (Т. Багина) [Там же, с. 54]. В важной работе [Зельдович, 2012] был определен ряд свойств «возвратной дативной конструкции» в т.ч. с точки зрения приемлемости/неприемлемости ее создания с участием перфективных глаголов.

Особое внимание конструкциям типа *Вчера мне легко работалось* уделили Ф. Фичи и Н.Н. Жукова, описавшие их семантические свойства в зависимости от класса глагола (занятия человека, его физическое состояние, глаголы звукоизвлечений, движения и положения в пространстве). Отдельно упоминаются и их аспектуальные свойства: в центре конструкции – имперфективы, т.к. она содержит «суждение говорящего о психофизическом состоянии участника по отношению к событию в целом», в то время как «глагол СВ фокусирует внимание на результате действия или выделяет один его сегмент или точку» [Фичи, Жукова, 2012, с. 20]. Особняком здесь стоят глаголы с префиксом *по-*, «который, не указывая на результат события, подчеркивает только его ограниченность во времени», и близкие им глаголы типа *съездить*, *слетать* «со значением “пойти/поехать и т.д. куда-то и быстро вернуться назад”»: *Нам хорошо поработалось вчера*; *Как вам съездилось в Италию?* [Там же]. О делимитативах на *по-* упоминает и Г.М. Зельдович, рассматривая возможности употребления конструкции с перфективами

[2] Литература, посвященная им, огромна: только в конце XX – начале XXI вв. их анализировали А. Вежбицкая, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ф. Фичи и мн. др., см. ссылки в [Арутюнова, 1999, с. 804–805; Зельдович, 2012, с. 296; Фичи, Жукова, 2012, с. 18–19]. Анализ русских конструкций на инославянском фоне см., в частности, в [Mrázek, 1971; Князев, 2007, с. 298–301; Градинарова, 2009].

[Зельдович, 2012, с. 300]. Наконец, они же, по данным А.Б. Летучего, представляют собой все примеры употреблений БМП СВ в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [Летучий, 2016, с. 302].

Делимитативам на *по-* как центральной группе перфективов, активно участвующей в создании рефлексивных конструкций, посвящена специальная работа [Петрухина, 2020], в которой на базе эксцерпций из НКРЯ сделан вывод об узуальности таких образований. Ср. примеры: *Ему славно погулялось в Енисейске* (В. Астафьев), *Славно поработалось в тот день Федоре* (В. Бианки); *И что вам в Москве не посиделось* (Г. Владимов) [Петрухина, 2020, с. 323]. Как видно, делимитативы на *по-* хорошо описаны и исследованы, поэтому далее мы будем обращаться к перфективам других типов.

Наша цель – рассмотреть конструкции БМП СВ в современных художественных текстах (начиная с 1970-х гг., в исключительных случаях – 1960-х гг., по наше время). Хотя, по наблюдениям исследователей, центром использования конструкций «канонического» безличного модального пассива является язык «“неформального общения”, в котором модус речи часто превалирует над ее информативной составляющей» [Фичи, Жукова, 2012, с. 28]), мы рассмотрим их бытование именно в художественном тексте, постараемся разграничить свободные и контекстно закрепленные, а также неинтенциональные и интенциональные (согласно [Бондарко, 1994]) употребления.

Опираясь прежде всего на материал из статьи [Фичи, Жукова, 2012] и пользуясь проведенной в ней семантической классификацией, мы сконструировали глаголы СВ, являющиеся видовыми парами или аспектуальными модификациями рассмотренных там имперфективов, и проверили наличие этих перфективов в поисковой системе GoogleBooks. Существенным отличием такого поиска от сплошной выборки из материала Интернета явились для нас «авторитетность» представленных там текстов, чаще всего прошедших редактирование и корректуру, и возможность исследовать специфические прагматические функции БМП СВ в художественном тексте.

Анализировалось несколько групп непереходных либо непереходно употребленных глаголов СВ, обозначающих:

– изменение положения в пространстве (*лечь*, *встать*, *сесть*), а также движение (*съездить*, *доехать*, *уехать*, *зашагать*, *прилететь*…);
– физическое состояние человека и его изменения (*прожить*, *уснуть*, *заснуть*, *умереть*), в т.ч. непроизвольные действия (*икнуть*, *зевнуть*…);
– эмоции (*затосковать*, *взгрустнуть*, *загрустить*…);
– звукоизвлечение (в т.ч. говорение) и молчание (*сказать*, *смолчать*, *промолчать*, *замолчать*, *закричать*, *заплакать*, *воскликнуть*, *всплакнуть*…);

– деятельность и занятия в широком смысле (*пообедать*, *отработать*, *отслужить*, *станцевать*, *спеть*, *отдохнуть*);

Как видно из указанных примеров, среди всех групп мы выделили следующие аспектуальные модификации:

– контекстно близкие по аспектуальным свойствам к делимитативам: комплетивы на *до-* (*доработать*…) и близкие им глаголы движения (*доехать*, *дойти*…), финитивы на *от-* (*отработать*, *отлюбить*, *отпеть*…), пердуративы на *про-* (*прожить*);
– инхоативы и ингрессивы на *за-* (*закричать*, *замолчать*, *затосковать*, *запеть*, *зашагать*, *зажить*…), *вз-* (*взревновать*), ингрессивы глаголов движения на *по-* (*пойти*, *поехать*, *полететь*, *поплыть*…);
– семельфактивы (*икнуть*, *зевнуть*, *моргнуть*, *чихнуть*…), в том числе «уменьшительные» глаголы (*взгрустнуть*, *всплакнуть*, *взрыднуть*, *вздремнуть*…).

Сразу отметим затрудненность числового представления полученных данных. В условиях языковой периферии приходится оперировать факторами «больше/меньше» и считать релевантными даже единичные примеры. Случаи частых, типовых употреблений мы будем отмечать особо, при этом можно утверждать, что имеющийся материал позволяет скорректировать утверждения исследователей об ограничении области БМП СВ делимитативами на *по-* и глаголами движения типа *съездить* (ср. [Летучий, 2016, с. 302; Фичи, Жукова, 2012, с. 20; Петрухина, 2020, с. 322] и др.). В целом же и на конструкции с перфективными БМП можно распространить слова Ф. Фичи и Н.Н. Жуковой об их имперфективных коррелятах: «иногда трудно установить a priori “правило” в употреблении столь прагматически и стилистически маркированной конструкции, и причины, от которых это зависит, могут быть самого разного порядка» [Фичи, Жукова, 2012, с. 22]. Разность мнений относительно допустимости таких конструкций проявляется даже в метаязыковых рефлексиях. Приведем развернутый фрагмент художественного текста, два героя которого имеют противоположные представления о самом факте существования БМП СВ:

– Как отдохнулось? <…>
Нет такого слова – «отдохнулось». Ну и ладно. Главное, что мы друг друга понимали.
«Нормально отдохнулось», – всплыло в памяти.
– Нормально отдохнулось, – сказал я.

(П. Ингвин. Кваздапил. Наявули 2. 2021)[3].

[3] В примерах указывается автор, название произведения и год издания, если источник текста – журнал, то только его название и год издания (более подробную информацию в базе GoogleBooks получить невозможно).

2. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида с отрицанием / наречными квалификаторами

Известной специфической чертой русских конструкций БМП, многократно обсужденной, является регулярное наличие в их структуре модификаторов – отрицания или определенных наречий-квалификаторов (*легко*, *хорошо*, *плохо* и т.д.), см. подробно хотя бы [Зельдович, 2012, с. 298–299; Фичи, Жукова, 2012, с. 25–27]. Случаи без модификатора типа *Мне сегодня* (*прямо*) *работается* не запрещены нормой, но встречаются гораздо реже. Описанные БМП СВ с делимитативами на *по-* в современном языке также преимущественно употребляются с квалификаторами, «оценивающими результат деятельности, которая была или будет реализована» [Петрухина, 2020, с. 322]. Поэтому мы начнем анализ нашего материала со структурно подобных конструкций БМП СВ, включающих в свой состав отрицание или квалифицирующее наречие.

По нашим наблюдениям, основной круг глаголов, способных к образованию БМП, – аспектуальные модификации и парные перфективы глаголов движения, изменения положения в пространстве, речи (включая *молчать*), в меньшей степени – занятий. Субъект в форме дат. падежа может быть как выражен, так и опущен.

Ряд этих модификаций, появляясь в БМП, оказывается синонимичен делимитативам на *по-*: в условиях рефлексивной конструкции результативная семантика префикса ослабляется, и контекстно он – будучи финитивом или пердуративом – сближается с делимитативом, акцентируя ограниченность действия во времени при его несомненной протяженности: *И нам бы всем, может, спокойнее без него* ***прожилось****…* (А. Курбак. Умолчи, считая тайной. 2024); *Говорю, хорошо проводили Санька, так ему и* ***отслужилось*** *легко* (И. Горбачева. Вновь домой вернутся журавли. 2017); *С самого вечера он ощущал какую-то пустоту. <…> Несмотря на это ощущение пустоты,* ***отработалось*** *достаточно легко* (Д. Коваленко. Пробуждение. 2022).

Семантически такие конструкции максимально близки узуальным БМП СВ делимитативов: акцент с выражения аспектуальной семантики (у делимитативов – «порции» деятельности, у финитивов – окончательного ее прекращения, у пердуративов – деятельности, занимающей временной промежуток целиком) «переносится на ее оценку» [Там же, с. 323].

Отметим, однако, крайнюю малочисленность представленных пердуративных глаголов: представителем всего класса является глагол

прожить[4]. Аспектуальная семантика пердуративов требует наличия при них показателей длительности, что в целом не отвечает сочетаемостным возможностям БМП СВ (ср. *он проработал там три года – *ему хорошо проработалось там три года*).

Активность демонстрируют разнообразные перфективные приставочные дериваты глаголов движения, среди которых – глаголы со значением покидания и, наоборот, достижения определенного пространства. Ср.: *Мне совсем бы хорошо* ***уехалось*** *из Лугани, если б не Зюзина мать* (К. Воробьев. Избранное. 1980); *На холме коза и штырь, / Чтоб козе не* ***убежалось****. / Раздается поле вширь, / Небо в высоту раздалось* (П. Демидов. Куплеты на черный день. 2022)[5]; *Легко ль* ***доехалось****? Не стряслось ли чего в дороге?* (И. Шишкин. Хлыновцы. 1996).

К собственно аспектуальным модификациям глаголов движения относятся, например, ингрессивы на *по-*: *Может, тебе легче по той дороге* ***пойдется*** *под теплым дождем?* (Е. Костюкович. Цвингер. 2013); *а на след утро так голова болела, что в универ не* ***пошлось*** *мне* (И. Синюков. Псевдоконтакт. 2024); *Я не гаерствую, мне действительно легче* ***поехалось*** (И. Щеголихин. Машина бремени. 1969); *Маргоша и Эмма вскочили – бежать на помощь, но как-то не* ***побежалось*** (Л. Улицкая. Сквозная линия. 2002); *…почему нам не* ***полетелось*** *на корабле, предписанном отцом?* (М. Лунева. В объятиях страха. 2023).

Основная зона функционирования в БМП глаголов типа *сходить, съездить*, представляющих движение туда-обратно, – конструкции типа *как* (*тебе*) *туда сходилось/съездилось*, анализируемые далее в разделе 4.1, однако спорадически возможны и иные употребления: ***Съездилось****, может, и неплохо, да только не доехал, куда хотел* (П. Загребельный. Юрий Долгорукий. 2015); *Трудно* ***съездилось****? – спросила жена* (М. Барышев. Вторая половина года. 1973).

Наконец, среди инхоативов на *за-* выделяются практически узуальные формы БМП от глагола *зашагать* (формы типа *(*им легко*) *заходилось/заходится* с начинательным значением не выявлены): *…из-под ног – хрусткий, новый скрип*: *хоть куда легко* ***зашагается****!* [в новой обуви] (Э. Сафонов. Деревенская история. 1971); *Легко* ***зашагалось*** *Ивану* (В. Кречетов. Тайны любви. 1991); *И как-то сразу легче* ***задышалось*** *и* ***зашагалось*** *в этой тени* (У. Орлова, М. Абрамова. Спасатели. 2022).

---

[4] Проверка других глаголов (*проработать* (день), *проговорить* (час), *пролежать*, *простоять*, *проездить* и др.) не принесла результатов. Глагол же *прожить* во всех примерах (см. далее) употреблен без обстоятельства длительности, сближаясь тем самым с делимитативами.

[5] Но, например, полное отсутствие БМП от *уплыть*, *улететь*, разовые употребления от *уйти*.

Активность начинательных глаголов на *за-* семантически объяснима: БМП здесь маркирует наступление новой ситуации и дальнейшее нахождение субъекта в ней (*легко зашагалось = легко начало шагаться и далее легко шагалось*). Это соответствует свойствам инхоативов: они «выделяют начальный отрезок ситуации, по которому можно идентифицировать всю ситуацию в целом» [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 89][6]. Ср. активность *за-* в других семантических группах: Им *всем отлично* ***замолчалось*** *вместе* (Л. Деймон. Ниачом и абафсём. 2017); *Кто же это ее узнал? – спросил мертвым голосом я*; *Но вот ребята остались позади, и Чик снова заволновался*: *а вдруг ему не* ***заплачется*** *у гроба?* (Знамя. 1986); *Теперь каждая из бывших республик считала себя отдельным государством и свято верила, что <…>* ***заживется*** *всем богато и весело.* / *Не* ***зажилось****… точнее,* ***зажилось****, но не всем* (Р. Харьковская. Миры и судьбы. 2019). Начинательные глаголы на *за-* без отрицательных и наречных модификаторов также активны и показывают внезапное наступление ситуации, не поддающейся контролю субъекта (см. разд. 3).

Добавим также, что среди возможных конструкций БМП СВ – не только глаголы различных способов действия, но и парные перфективы: *Надеюсь, что прекрасно вам поездилось и* ***отдохнулось*** (А. Эфрон, Письма. 2021/1967); ***Всталось*** *легко. Даже коленки не скрипнули. Она стояла на дороге. Она ощущала свое тело.* (Новый мир. 1996); *Наполеон сказал – легко ему* ***сказалось****, что «трон – всего лишь кресло, обитое бархатом»…* (А. Россет, Поле битвы – душа. 2021); *Туда ему и дорога, старому выродку, – ни один мускул не дрогнул на лице, не выдал чувств осиротевшего сына. – Надеюсь, тебе погано* ***леглось*** *в промерзшую землю?* (Л. Астахова. Другая река. 2022); *Врагам моим, должно быть, лучше* ***спляшется****,* / *Ведь у моей могилы не останется друзей* (Д. Степанов. Осколки разбитого лета. 2023).

В целом же можно констатировать, что свободные употребления БМП СВ с модификаторами не составляют в нашей выборке большинства даже несмотря на определенную активность в этой области приставочных перфективов, в первую очередь глаголов движения. Чаще в рассматриваемых нами конструкциях встречаются формы СВ без негации и адвербиальных квантификаторов.

---

[6] Контекстно такое значение может выражаться и другими глаголами, ср. с *сесть*: *Наткнуться на ветхий домишко, сто лет как заброшенный.* / *Присесть на дощатом крыльце* (*ах, как славно там* ***сядется****!*) / *В больших лопухах да колючках, и в травах некошеных* / *Запрятать усталость, зарыть все свои неурядицы.* (Ю. Вихарева. Четыре осени. 2018). Здесь эксплицирована оценка ситуации «сесть», но имплицирована ситуация «сядется и посидится / будет сидеться».

3. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида без отрицания / квалификаторов – «демиагентивные» глаголы

Значимую группу составляют БМП СВ с глаголами «физического состояния» [Фичи, Жукова, 2012, с. 30–32], субъект которых является не столько агенсом, сколько экспериенцером. Можно предположить, что в норме само образование БМП с участием таких глаголов избыточно, т.к. неволитивность субъекта предполагается уже самой их личной формой. Однако материал показывает широкие возможности для образования БМП СВ именно с ними[7]. По всей видимости, дело в том, что агентивная интерпретация субъекта таких глаголов тоже возможна: «называемое ими действие может совершенно не зависеть от субъекта <…>, но может и зависеть, быть, так сказать, демиагентивным – в том смысле, что если бы он захотел возникновению ситуации воспрепятствовать, то она бы не возникла» [Зельдович, 2012, с. 332][8]. К «демиагентивам» относятся глаголы типа *зевнуть*, *икнуть*, *чихнуть*, *заснуть*, *моргнуть* и т.д. «Двусмысленность» демиагентивов заключается в том, что описываемая ими ситуация «может произойти или возникнуть и потому, что субъект, будучи способен воспрепятствовать возникновению данной ситуации, ему не воспрепятствовал, и потому, что он воспрепятствовать не мог» [Там же, с. 348]. Она может быть разрешена грамматически – самим выбором рефлексивной конструкции, эксплицирующей снижение волитивности до «невозможности воспрепятствовать» – и, следовательно, являющейся «прагматически нагруженной» [Там же, с. 349].

Конструкции БМП СВ с демиагентивными глаголами редко сочетаются с отрицанием или с наречием-квалификатором, ср. единичные примеры: *За спиной похрапывает с присвистом старенькая мать – умаялась за день на ферме, а Спире даже не* ***зевнется*** (Ю. Помозов, Верхневолжье. 1963); *…этот троглодит все сожрет, не успеешь до стола донести, и не* ***икнется*** *ему...* (Н. Александрова. Сокровище великих моголов. 2021). Наиболее частотные, типовые употребления показывают ситуацию, на возникновение которой субъект не мог повлиять: *Иванкину* ***зевнулось*** (В. Панов. Избранное. 1982); *Он едва успел прижать полотенце ко рту, и ему* ***отрыгнулось*** (Ю. Нагибин.

[7] Анализ схожего положения в материале XIX в. см. [Градинарова, 2009, с. 54].

[8] Схожее определение – «их можно *сдержать*, но от них бывает трудно *удержаться*» – Н.Д. Арутюнова дает другой группе глаголов – физически выраженных реакций на психические раздражители (*вздрагивать*, *плакать*, *смеяться*, *рыдать*) [Арутюнова, 1999, с. 799].

Царскосельское утро. 1979); *Если вы думаете, что Дмитрию* ***икнулось****, ошибаетесь* (Д. Воскобойников. В поисках утраченного будущего. 2015); *И пусть тому конюху* ***икнется****!* (В. Колосков. Мидгард. 2022).

Неконтролируемость ситуации также может быть выражена дополнительными показателями. Это как лексические единицы, ср. *Леониду рефлекторно* ***моргнулось*** *и* ***сглотнулось*** *от нервного переживания* (И. Сотников. Несвоевременный человек. 2019); *…загородил от зеркала глаза, потому что невольно* ***заплакалось*** (А. Филиппович. Житие: роман-сказ. 1986); *Сидел, сидел,* ***затосковалось*** *почему-то* (Москва. 2013), или также синтаксическое противопоставление личной формы глагола безличной рефлексивной: *Потом* ***зевнул****, смутился и прикрыл рот рукой: на трибуне – и зевать! Но* ***зевнулось*** *само собой еще раз…* (Л. Соболев. Ветер времени. 1973). Встречается и буквальная текстовая экспликация невозможности воспрепятствовать действию: *Бороться с рвущимся из тебя смехом бесполезно, как, например, бесполезно подавлять чих, икоту или зевоту. Все равно* ***чихнется*** *или* ***зевнется****, только в неожиданном месте или в неподходящий момент* (Б. Криппа. Несерьезные размышления физика. 2022).

Ряд демиагентивных глаголов может интерпретироваться двояко: они обозначают физическое состояние человека и, соответственно, «обладают низкой степенью контролируемости со стороны участника» [Фичи, Жукова, 2012, с. 30], но в определенном контексте их можно трактовать и как глаголы занятий (в широком смысле). К таковым относятся, например, *уснуть/заснуть*, легко выступающие и в положительной конструкции с БМП СВ, характерной для демиагентивов, и в отрицательной, как глаголы занятий. Ср.: *…****уснулось*** *мне традиционно в четыре утра…* (А. Мильштейн. Двое в животе. 2019); *…покурил даже – а вдруг после этого лучше* ***уснется****? Не* ***уснулось*** (С. Куковякин. Коронавирус. Хроники скупщика. 2024);*Подогреть тебе молока, чтобы* ***заснулось*** *хорошо?* (Б. Кеммерер. Тебе, с любовью. 2022).

К глаголам непроизвольных физических действий примыкают близкие им глаголы ментальных состояний и эмоций, также демиагентивные. Такие перфективы относятся к начинательному и однократному способам действия и сигнализируют погружение субъекта, иногда кратковременное, в определенное психическое состояние: *Здесь всем* ***загрустилось****, даже Слизкину* (Д. Липскеров. Осени не будет никогда. 2004); А *Сергею вдруг* ***затосковалось*** (Н. Еперина. Целители душ. 2022); *Не скрою, от твоих слов мне и* ***взгрустнулось****, и* ***всплакнулось***

(В. Касаткин. Синдром распада. 2022); *Вот прямо* ***взревновалось*** *мне как-то* (Н. Шитова. Девчонка с изнанки. 2020)[9].

Неконтролируемость и спонтанность действия может выражаться также одновременно и конструкцией, и семантикой префикса: …*жил и ждал, когда матери вот так радостно* ***вскричится*** (Урал. 1985). Хотя *вскричать* не является неволитивным глаголом (по сравнению, например, с *икнуть*), сам тип таких ингрессивов на *вз-*/*вс-* (ср. и *всплакнуть*, *взревновать* выше) обозначает интенсивность и внезапность действия, которое априори возникает спонтанно.

Рассмотрение поведения демиагентивов важно и потому, что в сферу БМП без отрицания или квалификатора, совершенно нейтральную для них, по прагматическим соображениям могут втягиваться иные глаголы, субъект которых в норме не предполагает снижения волитивности: *Наша внешняя политика смотрит с утра пораньше не в столбцы биржевых новостей, а с какой ноги* ***всталось*** *батюшке-царю да какой именно петушок кукарекнул ему в ухо* (Континент. 2006). В то же время маркеры, мотивирующие введение БМП, появляются в тексте: хотя субъект ситуации вставания в принципе волитивен, частная ситуация, описываемая фразеологизмом *встать не с той ноги*, предполагает именно решающую роль случая, но не активное участие субъекта. Ср. интенциональные употребления, эксплицирующие неконтролируемость действия и низкую волитивность субъекта и через выбор конструкции, и через контекст: *Не зная, что сказать, лишь оторопело приходил в себя. Где* ***мне побывалось****? Внутри самосознания, в некой компьютерной игре? Одно точно, флоатинг – «больше никогда»* (Э. Шар. Малая форма 36. 2024); «*Интриганка!*» – *вдруг* ***воскликнулось*** *мне* (Л. Петровских. Затеряться в любви. 2022).

Именно противоречие глагола, предполагающего волитивность субъекта, и конструкции, предполагающей ее снижение, имеет мощный

[9] А.Б. Летучий относит глаголы эмоций типа *взгрустнуться* и *мечтаться к* безличному пассиву (не модальному!) [Летучий, 2016, с. 299], в рамках которого бывшее подлежащее становится дополнением не в творит., а в дат. падеже. На наш взгляд, такую интерпретацию ставит под вопрос очевидная близость глаголов эмоций к массе других описанных выше демиагентивов, а также имеющийся в рефлексивной форме таких глаголов компонент «невозможности воспрепятствовать действию», о котором писал Г.М. Зельдович. Добавим, что такие дативные конструкции с глаголами, обозначающими непроизвольные действия, характерны и для других славянских языков, в частности чешского и словацкого (*kýchá se mi*, *kýcha sa mi* ‘мне чихается’) или польского (*umarło mu się* ‘он умер’, букв. «ему умерлось», см. также [Mrázek, 1971, s. 123; Князев, 2007, с. 299]). Такой тип отвечает определению Ю.П. Князева, видевшего в качестве конститутивной для БМП (в его терминологии – «модально-деагентивных бесподлежащных рефлексивных конструкций») «возможность или даже обязательность присутствия обозначения субъекта (эксперимента) в дат. падеже **и**/**или** (выделение наше. – *Д.П.*) адвербиальных качественных квалификаторов типа *хорошо*, *тяжело*, а также отрицания» [Князев, 2007, с. 297].

прагматический эффект, эксплицирует неконтролируемость действия, внезапное наступление новой для субъекта ситуации (в случае начинательных глаголов). Контекст при этом может и содержать указание на внешнюю причину, которая, однако, обусловливает не совершение действия, но возникновение в субъекте внутренней предрасположенности к нему: *Каждый понимал, что с северной стороны город коронному гетману не взять, и людям* ***запелось****. Они пели казацкие свободные песни* (И. Мяло. Принада. 1982); Но *потом он вдруг такое вспомнил, что ему тут же* ***заерзалось*** *на стуле* (И. Сотников. Дровосек. 2022); *Тут же* ***зафыркалось*** *обоим, вспоминаючи* (с ненормативным деепричастием в зависимой предикации) (В. Панфилов, Детство 2. 2023).

4. Расширяющие контексты

Термин, предложенный в работе [Летучий, 2014], обозначает присутствующие во фразе дополнительные компоненты, снимающие или смягчающие ограничения на образование конструкции. В устойчивых расширяющих контекстах способно функционировать большее количество глаголов, чем вне их, ср: *прощай, пока прощается* (устойчивый расширяющий контекст) при невозможности **мне* (*сейчас*/*сегодня*) *прощается*. Для БМПА А.Б. Летучий выделяет несколько типов таких контекстов:

1) *Р пока Р-ся – живи, пока живется*;

2) *Как тебе Р-сь? – как тебе спалось?*;

3) *Что тебе не Р-ся*? *– что тебе не сидится?*

Исследователь не связывает наличие расширяющих контекстов с преодолением аспектуальных ограничений, однако наш материал показывает и такую возможность; более того, именно эти устойчивые контексты оказываются важной зоной функционирования рассматриваемых нами конструкций.

Из выделенных А.Б. Летучим контекстов для БМП СВ релевантны типы (2) и (3), т.к. в типе (1) актуализируется продолжительность состояния субъекта, что несовместимо со значением СВ.

4.1

В расширяющем контексте типа *Как тебе Р-сь?* наиболее активны перфективные глаголы движения – как упомянутые в [Фичи, Жукова, 2012] результативы типа *съездить*, так и другие приставочные деривaты, о которых говорилось выше: ***Как слеталось****? Много впечатлений?* (Ю. Семенов. Отчаянье. 2020/1971); ***Как сплавалось*** *тебе на теплоходе с твоим красавцем-мужем?* (К. Грейдина, Суженый мой, ряженый мой. 1994); ***Как сходилось****, удачно? – ухмыльнулся он* (П. Ингвин.

Зимопись. 2018); *Он <…> стал задавать какие-то несуразные вопросы комиссару. Вроде того,* ***как*** *нам* ***доехалось*** *из Осташкова* (А. Репина. Черный гардемарин, судьба и время. 2022).

Из глаголов деятельности особо частотен в этом контексте глагол *отработать*, по своим свойствами сближающийся с делимитативом *поработать* (см. выше): – *Ну как* ***отработалось****?* (Молодой Ленинград. 1980); *Но в тот день он впервые спросил у Бет,* ***как ей отработалось*** *в ту смену* (Д. Лури. Зверь в тени. 2024); представлены и другие финитивные глаголы на *от-*: *Спросил, как* ***отслужилось*** *Юрке…* (В. Веденеев, Получатель. 1994); *Заодно спросим, каково ему* ***отсиделось*** *в карцере* (В. Андерсон. Борьба: Стальная хватка. 2023); из комплетивов – *доработать*: – *Ну как* ***доработалось****? – спросил меня Алекс, сидящий рядом* (М. Матвиенко. Ноктюрн. 2022). Из бесприставочных перфективов чрезвычайно частотен *отдохнуть*: – *Как* ***отдохнулось****? – <…> Обыкновенно* ***отдохнулось****, благодарю* (Юность. 1973); – *Как* ***отдохнулось*** *герою? – Герою не знаю, а мне нормально* (Простор. 2000).

В художественном тексте возможны употребления, нарушающие установленный «порядок вещей», например, в описании посмертного бытия: ***Как*** *тебе* ***умерлось****? Надеюсь, как мы и рассчитывали, очень быстро и совсем не больно?* (Райко. Свидание с богом. 2023).

4.2

В контексте *Что тебе не Р-ся*? (для БМП СВ скорее не *Р-сь*) нам также встретились преимущественно глаголы движения или изменения положения в пространстве: *…ну,* ***чего*** *тебе не* ***леглось*** *чуть поближе?* (В. Лягоскин. Волшебник по залету. 2022); *Ну,* ***чего*** *же им не* ***ушлось****-то?!* (И. Кузнецов. Олькино утро. 2005); *И* ***чего*** *ему с самого раннего утречка не* ***уехалось****, неужели решил со мной перед дальней дорожкой попрощаться?* (Е. Чуб. Предлагается невеста с хорошей родословной. 2019).

4.3

Наряду с описанными контекстами для БМП СВ оказывается релевантным еще один – *Р как/где/куда Р-сь/ся*, при этом в качестве связующего элемента употребляются союзы *как*, *где*, *куда*, *когда*. В этих двукомпонентных конструкциях соположены субъект-агенс и субъект-экспериенцер. Субъект-агенс совершил или совершит действие, результат которого зависит от состояния субъекта-экспериенцера и потому не может быть проконтролирован. В этих конструкциях не может быть отрицания или наречного квалификатора, введение субъекта в дат. падеж редко, но возможно: *Хозяин лежит <…>, голова запрокинулась,* –

лег, ***как леглось*** *ему, – голова вниз по скату двора, ноги выше* (Знамя. 1989); – *Как* ***сесть****?* – ***Как сядется****…* <…> – *Мало*, ***как*** *мне* ***сядется****!* (Дон. 1984). Наибольшее количество обнаруженных нами контекстов – с участием глаголов изменения положения в пространстве, хотя встречаются не только они:

- **как**: – *Дети! – говорит Дрыгалка нам,* ***рассевшимся*** *на партах как попало,* «***как селось***» (А. Бруштейн. Дорога уходит в даль. 2015/1956); *Обычно я ложусь спать всегда головой к окну, а тут* <…> ***лег***, ***как леглось***, *– ногами к окну и провалился в сон* (А. Торик, Флавиан. 2011); ***Как прыгнется***, *так и* ***прыгну****! Повезет – упаду в стог или сломаю шею. Не повезет – переломаю ноги* (М. Зайцев. Белый ворон. 2021); *…только тогда* ***шагала****. Чаще всего не осознанно, а* ***как шагнется*** (С. Малицкий. Прогул. 2020); ***Запел как запелось***, *как в сердце екнуло от Ульяниных слов* (П. Сальников. Калинов покос. 1983); *Ведь и жизнь была* ***прожита*** *так, как* ***прожилось*** *– сбивчиво, неясно…* (Б. Вахтин. Портрет незнакомца. 2010);
- **где**: *…хотел протиснуться куда-нибудь к стеночке, за спины людей, но я запретил себе делать это –* ***встал***, ***где всталось****…* (Сибирь. 1981);
- **куда**: *…он* ***пойдет*** *туда,* ***куда пойдется***, *будет делать то, что взбредет в голову* (В. Распутин. На Родине: рассказы и очерки. 2022/1972); *Ты – свободная счастья птица. / Так* ***лети*** *же куда* ***полетится*** (С. Богдан, Если ты уйдешь. 2022); «*Так куда же мы* ***едем****?*» – *сама себе удивилась я. / И тут же ответила*: «*А* ***куда приедется****!*» (О. Кириллова. Мой Дантес. 2022);
- **когда**: ***Люби*** / ***когда полюбится***. / ***Уйди – когда уйдется*** (Л. Дымова. Журавль в небе. 1982); *Пусть* ***умрет***, ***когда умрется****. Это не от нее зависит* (В. Распутин. Последний срок. 2019/1970).

Преодоление рамок устойчивого расширяющего контекста и одновременно фразеологизацию самой формы БМП СВ находим у Д. Рубиной: *…дуэт не* ***торчал*** *весь день там, где* ***приселось-прилеглось***, *не ждал милостей от туристов, а неустанно рыскал в поисках заработка* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2022). Здесь нет ни соположения однокоренных агентивной и деагентивной форм, ни видового соответствия агентивной личной формы и деагентивного БМП. Последнее несоответствие, впрочем, не исключено и в «ядерных» конструкциях с этим контекстом, ср. выше: *Куда едем? – Куда приедется*.

4.4

Еще более вариативны случаи фразового противопоставления агентивной (в т.ч. личной) и безличной конструкций по признаку волитивности (*хотел Р, но не Р-сь*). Здесь могут быть представлены разные

типы агентивных глаголов и конструкций, главное – контекстная поддержка такого синтаксического антонима. Среди таких устойчивых конструкций выделяются оптативные с инфинитивом и частицей *бы*. Выражение субъекта формой дательного в них возможно, но не обязательно: *Зине бы так и* ***молчать****, но не* ***смолчалось*** (В. Пономарев. Жизнь сызнова. 1986); ***Встать бы*** *и сказать. Но не встал. Не* ***всталось*** *ему* (Д. Гуцко. Бета-самец, 2013); *Тут бы* ***поплакать*** *в самый раз – и обидно, и неприятно. Но не* ***заплакалось*** (А. Гайкалова. Марфа. 2022). В таком синтагматическом противопоставлении может участвовать как один глагол (*встать – не всталось*) или разные глаголы СВ (*поплакать – не заплакалось*), так и глаголы обоих видов (*молчать – не смолчалось*).

Значение желания/необходимости совершить действие может выражаться не только инфинитивной конструкцией, но и иначе, например, конструкциями с глаголами желания и инфинитивом глагола, участвующего в образовании БМП СВ, или однокоренного с ним: *А я вот виновата перед тобой, Митюша <…>* ***хотела умереть****, да не* ***умерлось*** (А. Блинов. Наследство. 1988/1976); *Потом* ***хотела заплакать****, но не* ***заплакалось*** (А. Кторова. Минувшее. 2005); *После* ***пытался подремать*** *– не* ***задремалось*** (В. Аксенов. Была бы дочь Анастасия. 2018). Выделяются контексты с глаголом действия, имплицитно указывающим на попытку его осуществления, которая затем оканчивается неудачей: Я *сделал несколько шагов в направлении мяча, не до конца понимая, удастся ли до него достать,* ***прыгнул*** *и... и не* ***прыгнулось*** (*прыгнул = попытался прыгнуть*) (А. Комаров, Футболист. 2022); *Завтра непременно* ***поплыву****. <…> а ну как не* ***поплывется****, и некому будет кинуть спасательный круг?* (*поплыву = попытаюсь поплыть*) (М. Хворова. 100 рассказок про Марусю. 2023); *о всем – по мне, но не потатчица, / Моя надежа и броня. / А и* ***заплачет*** *– не* ***заплачется****, / В меня двужильная, в меня* (*заплакал = попытался заплакать*) (Звезда Востока. 1987).

Формы рефлексива без негации в таких контекстах не были зафиксировано (?*не хотел икать / не икать бы, но икнулось*), однако она, на наш взгляд, не исключена, ср. семантически близкое *Шустов* ***хотел зевнуть*** *понарошке, а* ***зевнулось*** *по-правдашнему, со сластью, во весь рот* (Ключ-город. 1990). В целом в таком противопоставлении БМП СВ близок к центральным имперфективным формам, предполагающим отрицание. Введение субъекта в дат. падеже не зафиксировано: по всей видимости, в данной позиции он избыточен: (*я*) *хотела умереть, но* (**мне*) *не умерлось*, ср. [Летучий, 2014, с. 385].

4.5

Частным случаем расширяющего контекста является ситуация видового противопоставления/соположения в рамках БМП (типы *не Р-сь/ся*$_{НСВ}$ и *сейчас не Р-сь*$_{СВ}$; *не Р-сь/ся*$_{НСВ}$, *но Р-сь*$_{СВ}$): *Мила попыталась пригладить вихор на макушке Ивана, но тому с детства* ***не лежалось****, и сейчас* ***не леглось*** (А. Останин. Венец Логоры. 2021). *Как ездилось? Благополучно <…>* ***Ездилось****-то благополучно, да вот* ***приехалось*** *неладно* (Н. Сухов, Казачка. 1960); *А в этот раз долго* ***не спалось****, но потом все же* ***уснулось*** (Л. Доттай. Любовь в эпоху перемен. 2021). Строго говоря, приведенные примеры демонстрируют разные типы расширяющих контекстов (с разными типами отрицания и без него). Это единственные обнаруженные нами примеры, хотя интуитивно кажется, что контексты с противопоставлением имперфективных и перфективных БМП могут быть представлены шире.

5. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида и «рефлексивная перспектива» предложения

Рассмотренные выше контексты облегчают появление БМП СВ в тексте, как бы узуализируя такую конструкцию, снимая ощущение необычности. При этом функционирование рефлексива ограничивается рамками устойчивой коммуникативной ситуации, создающей пространство для образования форм по аналогии и встраивания в известный ряд. Тем самым это по определению неинтенциональное, аналогическое употребление. Другой вид контекстной поддержки БМП СВ – не устоявшееся лексическое наполнение определенной конструкции, но последовательность рефлексивных образований, предшествующих периферийной, неузуальной форме и облегчающих или даже вызывающих ее появление в тексте. Такую последовательность рефлексивов, в которую могут включаться разнообразные неканонические и маргинальные формы, можно назвать «рефлексивной перспективой» предложения. Ср.: *А мне вот не* ***ется****, не* ***пьется****, никак не* ***умрется*** (Л. Золотарев. Берестяные песни. 1973), глагол СВ после двух узуальных имперфективов не воспринимается как инородный. *Легко* ***вделась*** *нога в стремя. Еще легче* ***селось*** *на невысокого конька.* (Е. Пермяк. Собрание сочинений. 1978 / Урал. 1966); *– Как* ***отдыхается****? – спросил он. – Нормально.* ***Всталось*** *только что.* (В. Богушев. Знакомство с Иньес. 2020); *Не* ***спалось****...* ***Всталось****.* (В. Николаев. Майн кайф. 2022).

С точки зрения интенциональности/неинтенциональности контексты с «рефлексивной перспективой» различны: неузуальной рефлексив

может возникнуть по грамматической, синтаксической и даже ритмической аналогии с уже заданной формой, при этом такая аналогия может развиться в языковую игру, в ходе которой образуются цепочки окказиональных дериватов. В ряде случаев безличный модальный пассив и субъектный имперсонал, находясь в рамках одной фразы, начинают служить единой прагматической цели – стилизации «бессубъектного» действия. Ср.: (внутренний монолог героя) *Идем-ка, Винсент, куда* ***пойдется***. ***Идется***, ***бредется***… (А. Щучкина. Сожженные земли. 2024); *…ноги сторожа допетляли до лавочки у песочницы <…> Сторожу с книгами* ***селось*** *на час или три.* ***Читалось***, ***листалось*** (П. Трамич. Главный переход. 2022). В обоих примерах – в отличие от разобранных ранее примеров рефлексивной перспективы – периферийный БМП СВ вводит еще более периферийный субъектный имперсонал, при этом если в первом примере *пойдется* выступает в устойчивой конструкции, то во втором и сама конструкция *сторожу селось* – неузуальная. Наиболее широко, по нашим наблюдениям, соседство двух и более рефлексивов используется в поэзии.

6. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида в поэтическом тексте

В стихах возможности соположения и кумуляции рефлексивных форм, включая перфективные, активно применяются для достижения и усиления эмоционального эффекта. К глаголам, возникающим в таких контекстах, относится в первую очередь лексика эмоций, физических реакций, с аспектуальной точки зрения – характеризующиеся высокой степенью экспрессивности финитивы на *от-* и инхоативы на *за-*, иногда – также экспрессивные глаголы на *вз-* (ингрессивы и семельфактивы). Поток рефлексивов выступает здесь как частный случай повтора однородных сказуемых, служащего конденсации, «уплотнению» событий, о которых идет речь [Ковтунова, 1986, с. 158]. Повторение аффиксов дает возможность ввести неузуальный рефлексив раньше узуального, что необычно для рассмотренных выше случаев «рефлексивной перспективы», характерной для текстов других типов: *О, пусть она в пальто свое закутается* / *и выбежит на улицу одна.* / *Ей так потом* ***заплачется***, ***закурится***, / ***вздохнется*** / *за пределами окна* (Б. Ахмадулина. Озноб. 1968); *Погружаемся в одиночество,* / *вод завесившись занавескою,* / ***захохочется***, *если* ***захочется***, – / *отзовется грозою небесною.* / *Не* ***захочется*** / *так* ***заплачется***, / *а* ***заплатится*** *сердцем порванным* (Октябрь. 1997).

Если говорить о БМП СВ в рядах однородных членов, большинство в нашей выборке из поэтических текстов составляют ряды с повторяющимися префиксами. Именно повтором префикса и постфикса достигается максимальный кумулятивный эффект и, следовательно, максимальное воздействие на читателя: *Вижу, подруженьке-то – **откипелось**, **отбегалось**…* / *От **грохоталось** внутриголовно, никак?* / *Из зазеркалья тобою любуется бледность –* / *Твой молчаливо-ласковый дубликат* (Ю. Мамочева. The Bestелесность. 2022); *Как дальше без тебя мне плыть?* / *Раз **отлюбилось** мне и **отмечталось**!* (В. Тер-Аристокесянц. Сборник стихов № 6. 2020); ***Отсмеялось-отплакалось** вволю нам* (Конец века. 1991); ***Загрохоталось**, **загрустилось**,* / *Видно, в сердце что сместилось* (А. Бергер. Подсудимые песни. 2019/1971).

Узуальный рефлексив может задавать начало состояния и всю модальность неконтролируемости действия: *Почему-то мне **взгрустнется*** / *И **заплачется** немного* / *О былой, прошедшей жизни* / *И о детстве дорогом* (Д. Суханов. Журавлиный бег детства. 2022). В окружении рефлексивов других типов субъект нередко вовсе уходит из структуры предложения, в котором и остается только семантика состояния: *И что же приснится-привидится,* / ***Взревнуется**, позавидится* / *на Саарском мосту,* / *где луны кружок – как прыжок в пустоту* (Н. Горбаневская. Города и дороги. 2022); *И **задышится**, и **заплачется**,* / *И **поверится*** / *все наладится* (Н. Капошко. 2022). В последнем примере вновь можно говорить о нейтрализации неопределенно-личного, немодального (*кто-то задышит и заплачет* / *я задышу и заплачу*) и модального (*мне задышится и заплачется*) значения рефлексивов, т.к. вся последовательность предикатов сообщает о независимости действия от воли субъекта, о его неконтролируемости.

Еще один специфический случай употребления БМП СВ в поэзии – повторение не однородных рефлексивов, но конструкций с ними: *Вот я какая добрая*: / *пусть нитка оборвется!* / *Как лучше, как удобнее* / *пускай тебе живется.* / *Люби – когда **полюбится**.* / *Уйди – когда **уйдется**.* / *Забудь – когда **забудется**.* / *Запей – когда **запьется*** (Л. Дымова. Журавль в небе. 1982). Если сама эта конструкция – пример устойчивого «расширяющего контекста», в котором едва ли возможно интенциональное употребление БМП (см. разд. 4.3), то ее повторение с разным лексическим наполнением – яркая стилистическая фигура, создающая тот же кумулятивный эффект, что и повтор отдельных глаголов. При этом правила взаимодействия видов, наклонения и рефлексивности здесь намного свободнее, чем вне поэтической речи.

Любопытно, что именно в поэтических текстах нам встретились и обратные случаи – употребление БМП СВ, которое не находит

мотивировки ни в лексическом значении глагола (ср. *ему икнулось*), ни в контекстном окружении: *Кому-то* ***поедется*** / *И на Большую Медведицу* (= *кто-то поедет*) (Наш современник. 1961); *Опять закуролесила* / *Февральская метель. <…> И раскрутила месиво* / *Такое на пути*, / *Что человеку доброму*, / *Да* ***выпилось*** *которому*, / *Так сперворазу до дому* / *Дорогу не найти* (= *который выпил*) (В. Коротаев. Караульная сопка. 1984); *Здесь все по-честному и даже нет обмана*, / *Жизнь – как положено, не как кому-то* ***спелось*** (= *как кто-то спел*) (А. Левинтов. З. Поэзия. 2022) .

7. Безличный модальный пассив от глаголов совершенного вида среди других показателей неконтролируемости действия

Выше мы упоминали о том, что БМП СВ в контексте часто сопровождаются лексическими показателями неволитивности субъекта, его невозможности остановить развивающееся действие. Это, например, местоимение *само* /*собой*/, квалификаторы неопределенности *как-то*, *что-то*, наречия типа *вдруг*, *внезапно* и др.: – *Маргош, ты чего? – Не знаю.* ***Заплакалось*** *как-то. Наверное, за компанию с тобой* (М. Форст. Музей неприятностей. 2023); *Уехал я, не радостен, не смел*, / *И вот в пути внезапно мне* ***запелось*** (Родники. 1973); *Что-то ей* ***замолчалось***, *и, видать, неслучайно* (Сибирские огни. 1966). В указанных примерах контекст вновь «легитимизирует» выбор конструкции, и без того прагматически нагруженной.

Стилизация действий как неконтролируемых – особенно в художественном тексте, в нарративе – может осуществляться взаимодействием дативно-рефлексивной конструкции и лексических маркеров не только в рамках одной фразы, но и в более широком контексте, где «синтаксис неуправляемых действий» [Арутюнова, 1999, с. 801] играет центральную роль: *И пойдет все не так, как хотелось*: / *вместо смеха послышится стон*, / *Нужно плакать, а мне вдруг* ***запелось***, / *Прибыль вмиг превратилась в урон* (Г. и Е. Аушевы. Параллели. 2022); *Детство ведь похоже на игры маленьких кенгуру, когда никто не знает, и он сам прежде всего, куда ему* ***прыгнется*** *в очередной раз* (Ю. Тешкин. Полковник. 1991); *Феклуша ужаснулась. Хотела встать – не* ***всталось***, *силилась крикнуть – из горла вырвался лишь отчаянный вопль.* (Л. Губин. Камень-уголье. 1981); *А Василия неудержимо тянет дремать.* ***Леглось*** *на бок, непроизвольным жестом сунул воротник под щеку…* (Урал. 1978). В данных примерах неконтролируемость эксплицируется не только конструкциями с БМП и отдельными лексическими показателями, но и целыми предикациями (*вырвался вопль*; *тянет дремать*).

В окружении таких текстовых показателей, по нашему мнению, утрачивает значение оппозиция модального пассива с незаполненной валентностью дат. падежа (*ему* (*не*) *леглось*) и контекстно омонимичного ему субъектного имперсонала ((*не*) *леглось = он* (*не*) *лег*), где такая валентность отсутствует[10]. В рассматриваемых нами контекстах любой рефлексив есть средство «ухода» от субъекта, при этом вторично, через максимальное снижение волитивности или вовсе через выведение субъекта из структуры предложения. В обоих случаях, по меткому замечанию Г.М. Зельдовича, субъект «лишен независимого существования» [Зельдович, 2012], при этом широкий контекст неизменно маркирует неконтролируемость ситуации: *Вот так вспомнишь о возвращении домой – тошнота, сосет где-то под грудью… от недавних ощущений чуть не* ***закричалось****, не* ***заплакалось*** *в ярости* (Н. Боровой. Прозаические опыты. 2022) – БМП СВ возникает как продолжение ряда физиологических состояний, испытываемых субъектом; *Гимнастерку суровейшей ниткой / он заштопал, прилег, покурил, / а когда* ***задремалось****, то книгой, / как историей, сердце прикрыл* (Е. Евтушенко. Броня. 1978) – предпочтительность трактовки конструкции как дативной возникает из лексического значения глагола.

Дискурсивное «высвечивание» основного значения БМП СВ – самопроизвольности и неконтролируемости действия – может приводить и к нарушению нормы: *…хорошо бы ему* ***сочинились*** *сейчас стишки лучше, чем у Пушкина, или* ***запелось*** *бы голосочком, лучшим, чем у Шаляпина, или после обеда* ***прыгнулось*** *бы на н-ском стадионе на шесть с половиной метра без шеста, – вот тогда бы все само собой образовалось, все бы само собой устроилось…* (М. Яблонская. Лето кончилось. 1992). Здесь мы видим противоречие средств выражения неконтролируемости действия и возможностей, даваемых нормой. Существующая неконтролируемость маркируется дативно-возвратной конструкцией, при этом мечты объектны, и оптативная модальность приводит к появлению ненормативного личного модального пассива, сопровождаемого безличным (*ему сочинились стишки… запелось… прыгнулось*) при контекстной поддержке (*само собой образовалось, устроилось*). Ср. подобный случай рефлексивной перспективы

[10] Напомним, в целом как личный (*дом строился*), так и безличный (*об этом не раз говорилось*) пассив не имеет прагматической нагрузки неконтролируемости и/или субъекта, не контролирующего ход ситуации. Периферийный в русском узусе субъектный имперсонал типа *туда едется три часа*, к которому можно отнести формы типа *Леглось*, также не подразумевает значения неконтролируемости, лишь блокируя выражение в предложении агентивного субъекта (подробнее см. [Поляков, 2011; Плунгян, Подгорная, 2023]). О возможности двоякого толкования предложений без эксплицитного субъекта в дат. падеже и модификатора см. [Летучий, 2016, с. 301].

с участием разных рефлексивов, вместе с контекстом выполняющих ту же прагматическую установку: *Как сделать так, чтобы все само происходило. Раз – и не* ***расслабилось****, и не* ***уснулось****, и ничего не* ***придумалось****, и никто б тебя там не дергал за ноги из духов разных* (Г. Богословский. Беседы с учениками. 2022). Контекст задает модальность неконтролируемости, затем следует цепочка из ненормативного *расслабилось* (?*мне расслабилось*), периферийного безличного модально-пассивного или субъектно-имперсонального *уснулось* и личного модально-пассивного *ничего не придумалось*.

Как видно, центр выражения значения неконтролируемости – конструкция с рефлексивом[11] (в нашем случае перфективным), приводимая к «классическому» виду дативной. Однако в реальных текстовых употреблениях валентность дат. падежа не всегда заполнена, в то время как рефлексивная конструкция часто нагружена маркерами самопроизвольности действия. Это вызывает контаминацию грамматически разных рефлексивных типов, выполняющих в конечном счете одну и ту же функцию: *Он манил меня своим пузатым, слегка продавленным туловищем, и мне как-то само собой* ***селось*** (*мне селось + само собой селось*) (С. Кудряшов. Тритоны Тарасова. 1999); *Вот видишь, я сижу на месте водителя и руль у меня в руках. Ну прости, так получилось, я оказался за рулем, а ты не оказалась. Просто оно как-то само у меня* ***шлось*** *и* ***селось*** (*оно шлось и селось* + у *меня шлось и селось*). (С. Сороковиков. Мой мир – твоя нежность – 2. 2023)[12].

Неслучайна с учетом таких текстовых условий лабильность границ между безличным модальным пассивом и другими типами рефлексивных конструкций, вовсе не предполагающими введения субъекта в дат. падеже, в частности с сочетанием у *меня*, местоимением *само* / *само собой* и квазиподлежащим *оно*. Ограничимся примерами с рефлексивом *совралось*:

− *Ему* ***совралось*** *легко* (Молодая гвардия. 1976) – центральный тип БМП с дативным субъектом и наречием-квалификатором;
− *Если бы Глашку спросили, зачем она врет, та не смогла бы ответить –* ***совралось****, и все. Она вообще была вруньей. Вранье приносило ей какое-то бескорыстное удовольствие* (Е. Михалкова. Время собирать камни. 2008) – переходный тип между БМП и субъектным имперсоналом, при возможном *ей совралось, и все*;

[11] Наряду с ним возможны и предикативы, ср. пример, в котором, по сути, эксплицитно демонстрируется назначение БМП СВ – выражать неконтролируемость действия: *У Вички ни то, ни другое – живет себе по чувству*: ***затосковалось*** *ей –* ***затоскует****, а* ***смешно*** *– так* ***засмеется****…* (Т. Набатникова. Город, в котором. 1991).

[12] Строго говоря, употребления с квазиподлежащим *оно* – личные, поэтому видеть здесь форму БМП нельзя [Летучий, 2016, с. 303].

– У *него* ***совралось*** *само собой, необдуманно* (А. Камиллери. Лезвие света. 2023);
– *…как так случиться могло, что в последнюю минуту он решил соврать <…>? Даже не решил – оно само* ***сорвалось****, помимо его воли* (Радуга. 1987).

Такие широкие парадигматические возможности возникновения перфективных рефлексивов разных типов, в том числе и БМП, связаны с общностью их формы, а также прагматической, текстовой функции – обозначения действия, возникающего самопроизвольно, вне зависимости от воли субъекта-экспериенцера. Некоторые глаголы (аналогично ведет себя, например, форма *сказалось*) участвуют в образовании целых парадигм синонимичных рефлексивных конструкций, эксплицирующих неволитивность субъекта: *ему* / *у него* / *в нем* / (*оно*) *само* (*собой*) / *сказалось* и др. Помимо формальной близости разных рефлексивных подтипов, их функциональная общность подтверждается возможностью присутствовать в одинаковых контекстах: *Он решил соврать. Даже не решил – оно само совралось, помимо его воли* / *ему совралось помимо воли* / *?у него совралось помимо воли*. Добавим, что последний тип конструкций тоже участвует в интенциональных употреблениях, где саморазвивающееся действие осмысляется и противопоставляется агентивному: *…он замолчал, вернее, если так можно выразиться, у него* ***замолчалось*** (Урал. 1982).

8. Заключение

Итак, как мы попытались показать, что безличный модальный пассив глаголов совершенного вида является полноправным – хотя и периферийным – компонентом системы русских рефлексивов, и возникает в текстах чаще, чем до сих пор постулируется в грамматических описаниях. В художественном тексте представлены разнообразные типы употребления БМП СВ – от неинтенциональных и регулярных (например, в рамках устойчивых расширяющих контекстов, снимающих ограничения на образования БМП), до ярко выраженных интенциональных, нарушающих нейтральный узус, но тем ярче сигнализирующих свою основную роль – экспликацию неконтролируемости ситуации и низкой волитивности ее субъекта. Это активно используется, например, в поэтическом тексте, при кумуляции рефлексивных форм, а также при выборе БМП там, где ожидалась бы личная форма (ср. *где это мне побывалось?*).

В нарративе формы БМП СВ сближаются с другими рефлексивными конструкциями, выражая указанное значение. Таким образом, рефлексивы, противопоставления которых могут контекстно нейтрализовываться (как происходит с БМП и субъектным имперсоналом), являются одной из составляющих текстовой сферы неконтролируемости действия, неволитивности.

Библиографический список / References

Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. [Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow, 1999.]

Бондарко, 1994 – Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 29–42. [Bondarko A.V. On the problem of intentionality in grammar (based on the material of Russian). *Voprosy jazykoznanija*. 1994. No. 2. Pp. 29–42. (In Rus.)]

Булыгина, Шмелев, 1997 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki) [Language conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow, 1997.]

Галкина-Федорук, 1958 – Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. [Galkina-Fedoruk E.M. Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [Impersonal sentences in modern Russian]. Moscow, 1958.]

Градинарова, 2009 – Градинарова А.А. Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений // Acta Linguistica. 2009. № 2. С. 49–63. [Gradinarova A.A. Slavic reflexive impersonal: On the problem of describing its meanings. *Acta Linguistica*. 2009. No. 2. Pp. 49–63. (In Rus.)]

Зализняк, Шмелев, 1997 – Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. München, 1997. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A.D. Lektsii po russkoi aspektologii [Lectures on Russian aspektology]. München, 1997.]

Зельдович, 2012 – Зельдович Г.М. Прагматика грамматики. М., 2012. [Zeldovich G.M. Pragmatika grammatiki [Pragmatics of grammar]. Moscow, 2012.]

Князев, 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. [Knyazev Yu.P. Grammaticheskaya semantika: Russkiiy azyk v tipologicheskoi perspective [Grammaticals emantics. Russian language in typological perspective]. Moscow, 2007.]

Ковтунова, 1986 – Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. [Kovtunova I.I. Poeticheskii sintaksis [Poetic syntax]. Moscow, 1986.]

Летучий, 2014 – Летучий А.Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Acta Linguistica Petropolitana. 2014. Т. X. Ч. 3. С. 364–394. [Letuchii A.B. Between passive and decausative: Russian modal passives. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. Vol. X. Part 3. Pp. 364–394. (In Rus.)]

Летучий, 2016 – Летучий А.Б. Возвратность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. В.А. Плунгян (отв. ред.). СПб., 2016. С. 268–337. [Letuchii A.B. Reflexivity. *Materialy k Korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Glagol. Chast I.* V.A. Plungyan (ed.). St. Petersburg, 2016. Pp. 268–337. (In Rus.)]

Петрухина, 2020 – Петрухина Е.В. Аспектуальные свойства деагентивных возвратных конструкций в русском языке // Взаимодействие аспекта со смежными категориями: материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 г.) / отв. ред. Е.В. Горбова СПб., 2020. С. 315–327. [Petrukhina E.V. Aspectual properties of deagentive reflexive constructions in Russian. *Vzaimodeistvie*

aspekta so smezhnymi kategoriyami: *materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* (*Sankt-Peterburg, 5–8 maya 2020 g.*). E.V. Gorbova (ed.). St. Petersburg, 2020. Pp. 315–327. (In Rus.)]

Плунгян, Подгорная, 2023 – Плунгян В.А., Подгорная А.Д. Обзор семейства конструкций с функцией «понижения агенса» в славянских языках // Славистика. 2023. № 2. С. 54–70. [Plungyan V.A., Podgornaya A.D. Overview of agent-demotion constructions in Slavic languages. *Slavistika.* 2023. No. 2. Pp. 54–70. (In Rus.)]

Поляков, 2011 – Поляков Д.К. Берется ранец и идется в школу… // Русская речь. 2011. № 1. С. 63–69. [Polyakov D.K. “Beryotsya ranets i idyotsya v shkolu…” *Russkaya rech.* 2011. No. 1. Pp. 63–69. (In Rus.)]

РГ, 1980 – Русская грамматика / отв. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2. М., 1980. [Russkaya grammatika. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 2. Moscow, 1980.]

Фичи, Жукова, 2012 – Фичи Ф., Жукова Н.Н. О грамматико-семантических свойствах конструкций типа *Вчера мне легко работалось* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 18–38. [Fici F., Zhukova N.N. The grammatical and semantic properties of the Russian sentence type *Vchera mne legko rabotalos*’. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii.* 2012. No. 1 (23). Pp. 18–38. (In Rus.)]

Янко-Триницкая, 1962 – Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. [Yanko-Trinitskaya N.A. Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow, 1962.]

Mrázek, 1971 – Mrázek R. Slovanské konstrukce typu rus. *mne ne spitsja. Miscellanea linguistica.* M. Komárek. Ostrava, 1971. S. 119–126.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024
The article was received on 05.12.2024

Сведения об авторе / About the author

Поляков Дмитрий Кириллович – кандидат филологических наук; доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Dmitry K. Polyakov – PhD in Philology; assistant professor at the Department of Slavic and Central European Studies of the Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5220-2841
E-mail: vbnz2005@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-122-137

УДК 811.161.1+81.112

О.И. Стремянова

Московский педагогический
государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Слова *шайка*, *бадья* и *таз* в русском языке: история происхождения и развитие значений

В настоящей статье рассматривается история процесса проникновения и освоения тюркских заимствований лексико-тематической группы «емкости для мытья, стирки и переноса воды» в русском языке. Основным источником исследования послужили языковые единицы, извлеченные из толковых и этимологических словарей русского языка. Анализ вышеупомянутых лексем позволил выявить, что в русском языке слова данной лексико-тематической группы развивают переносные значения (в том числе терминологические), что, по всей видимости, обусловлено их заимствованием в древности.

Ключевые слова: тюркизм, тюркские заимствования, лексемы тюркского происхождения, лексико-тематическая группа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Стремянова О.И. Слова *шайка*, *бадья* и *таз* в русском языке: история происхождения и развитие значений // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 122–137. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-122-137

© Стремянова О.И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-122-137

O. Stremyanova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The words *shaika*, *bad'ya* and *taz* in the Russian language: The history of origin and development of meanings

This article examines the history of the process of penetration and development of Turkic borrowings of the lexical-thematic group "containers for washing, laundry and water transfer" in the Russian language. The main source of the research is the linguistic units extracted from the explanatory and etymological dictionaries of the Russian language. The analysis of the above-mentioned lexemes revealed that in the Russian language the words of this lexical-thematic group develop figurative meanings (including terminological ones), which, apparently, is due to their borrowing in ancient times.

Key words: Turkism, Turkic borrowings, lexemes of Turkic origin, lexico-thematic group (LTG)

FOR CITATION: Stremyanova O. The words *shaika*, *bad'ya* and *taz* in the Russian language: The history of origin and development of meanings. *Rhema.* 2025. No. 1. Pp. 122–137. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-122-137

1. Введение

Развитие любого языка предполагает появление и закрепление иноязычных единиц. На протяжении истории русского языка в его состав вошло значительное количество лексических единиц из тюркских языков, что приводит к необходимости исследовать своеобразие тюркских заимствований (тюркизмов) в различных аспектах.

Тюркизмы представлены в русском языке в основном именами предметов, относящихся к повседневной жизни (например, *арба*, *аркан*,

казан, *сундук* и др.). По мнению Р.А. Юналеевой, большая часть тюркизмов в русском языке –это «бытовизмы», и в этом состоит их особенность с точки зрения семантических примет: тюркские слова входили в русскую языковую сферу «в подавляющем числе в качестве однозначных слов, обозначавших конкретные бытовые реалии широкого использования» [Юналеева, 2000, с. 48]. Также отмечается специфический признак тюркизмов сравнительно с другими заимствованиями: они проникали в русский язык преимущественно устным путем, что привело к появлению разнообразных графических вариантов (см., например, далее варианты лексемы *бадья*).

Кроме того, для многих тюркизмов, вошедших в русский язык в качестве названий конкретных бытовых реалий, характерно при-обретение в дальнейшем терминологических значений: *лагун* – мор. ‘металлический бак с краном для питьевой воды’; *стакан* – воен. ‘оболочка снаряда, гильзы’; *тюфяк* – гидротехн. ‘гибкое покрытие дна или откосов реки, канала, устраиваемое для предупреждения их размыва’ и др. В сферу терминологической лексики вовлекаются и производные от лексем тюркского происхождения как самостоятельно: *коверный* – ‘цирковой персонаж, клоун’, так и (преимущественно) в составе терминологических сочетаний: *войлочная болезнь* (у растений), *ковровые растения*, *почечная лоханка*, *очаг инфекции* (*землетрясения*), *тюфячная кладка* (*лента*, *кольцо*), *дорожный утюг* и др. [Сагитова, 1992, с. 14–15]. Этой особенностью обладают и русские лексемы *шайка*, *бадья и таз*, обозначающие наименования емкостей для мытья, стирки, купания и переноса жидкости и являющиеся тюркскими заимствованиями (в том числе спорными).

На основании данных толковых [БАС, МАС, ССРЛЯ] и этимологических словарей русского языка [Срезневский, 1893/1912; Шанский, 1963/2014; Фасмер, 1973; Черных, 1999; Аникин, 2007/2021; Шапошников, 2016] нами выделена лексико-тематическая группа «емкости для мытья, стирки, купания и переноса жидкости» в русском языке, включающая три лексемы: *бадья*, *таз* и *шайка*.

В данной статье предпринята попытка исследования диахронической семантики данных лексем в истории русского языка.

Материалом исследования послужили данные этимологических и толковых словарей русского языка, а также базы данных Национального корпуса русского языка.

Объектом исследования в данной статье являются заимствованные лексемы, обозначающие названия емкостей для мытья, стирки, купания и переноса жидкости. Предметом исследования является происхождение и развитие семантики данных лексем.

Цель настоящей статьи – выявить особенности семантические особенности лексем, заимствованных из тюркских языков (или через тюркское посредство) и обозначающих названия емкостей для мытья, стирки, купания и переноса жидкости, на основе исследования истории вхождения этих лексем в русский язык и их функционирования в русском литературном языке и его диалектах.

Научная новизна исследования определяется тем, что тюркизмы исследуемой лексико-тематической группы впервые описываются в диахроническом аспекте с опорой на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также на диалектный материал [СРНГ]. Такой подход к описанию материала позволяет выявить особенности функционирования лексем исследуемой группы в русском языке и определить ее роль в формировании русской лексики.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что на примере анализируемой лексико-тематической группы демонстрируется роль лексем тюркского происхождения в формировании русской лексики. Результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении других лексико-тематических и лексико-семантических групп тюркизмов в русском языке. Диахронический анализ тюркских заимствований, проводимый с опорой на сведения из диалектных словарей и данные НКРЯ, позволит наиболее полно изучить семантическую эволюцию этих лексем на протяжении истории русского языка.

2. Исследование

Рассмотрим толкование лексем *шайка*, *бадья* и *таз* в «Большом академическом словаре современного русского языка» и «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР.

Шайка – ‘(1) Небольшой деревянный или металлический сосуд в виде низкого ведра с ручками (обычно для мытья в бане); (2) Количество жидкости, помещающееся в таком сосуде; (3) Группа людей, объединившихся для разбоя, преступной деятельности; банда’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 1240–1241].

Бадья – ‘деревянная из толстых клепок, окованная или железная посудина в виде суженного книзу ведра, служащая для подъема воды из колодца, руды или земли из шахт и т.п.’ [БАС, т. 1, с. 334].

Таз – ‘(1) Широкий и неглубокий круглый или овальный сосуд, чаще металлический (для умывания, стирки мелких вещей и т.п.); (2) Часть скелета человека и животных; костный пояс, опирающийся на нижние (у животных – задние) конечности и служащий опорой для позвоночника’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 25].

Приведенные выше данные современных словарей позволяют объединить лексемы *шайка*, *бадья* и *таз в* лексико-тематическую группу «емкости для мытья, стирки, купания и переноса жидкости» на основе общности семантики ‘емкость для воды, применяемая для ее подъема, а также для умывания, мытья, стирки, сливания отходов и пр.’.

2.1. Происхождение

Рассмотрим происхождение исследуемых лексем на основе данных историко-этимологических словарей русского языка, а именно «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, «Этимологического словаря русского языка» Н.М. Шанского, «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных, «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, «Русского этимологического словаря» А.Е. Аникина и «Этимологического словаря современного русского языка» А.К. Шапошникова.

В словаре М. Фасмера находим, что лексема *шайка* – ‘низкая деревянная банная посудина’ – восходит к турецкому *šaika* – ‘лодка’. Там же приведены версии происхождения этой лексемы от казахского *šaikamak* – ‘полоскать’ (сомнительно, по мнению М. Фасмера) и немецкого *Schale* – ‘чаша’ [Фасмер, 1973, с. 395]. П.Я. Черных в своем словаре также отмечает, что слово *шайка* является тюркским заимствованием и приводит современное турецкое «*şayika*, *şayka* – ‘баржа’» [Черных, 1999, т. 2, с. 399]. Как нам представляется, значение ‘посуда, емкость’ могло возникнуть на основе метафорического переноса ввиду сходства формы *шайки* с лодкой, баржей; а значение ‘банда’ – на основе метонимического переноса (судно – экипаж судна). При этом общим этимоном для лексемы *шайка* в обоих ее значениях с наибольшей долей вероятности является турецк. *şaika* – ‘барка, лодка, судно’. В современном русском языке лексемы *шайка* (1) –’емкость’ и *шайка* (2) –’банда’ уже являются омонимами.

В словаре М. Фасмера отмечается, что лексема *бадья* заимствована через татарское *badiä*, *badia* из перс. *bādye* – ‘сосуд для вина’ [Фасмер, 1973, т. 1, с. 104]. По мнению А.Е. Аникина, данная лексема вошла в русский язык из татарского, в который, в свою очередь она была заимствована из персидского языка: *bādiya* – ‘большая медная или глиняная чаша, чаша для вина’ (вероятно, производное от *bāda* ‘вино’) [Аникин, 2007–2021, с. 66–67]. Итак, лексема *бадья* пришла в русский язык из персидского языка через тюркское посредство.

В словаре М. Фасмера обнаруживаем, что источником лексемы *таз* считается тур., крым.-тат. «*tas* ‘чаша’, которое производится из араб.» [Фасмер, 1973, т. 4, с. 10]. В словаре П.Я. Черных также находим сведения

о тюркском происхождении этой лексемы с уточнением, что источник тюркской лексемы – араб. *tast* – ‘чаша’ восходит к перс. *tāшт* (*tæft*). Автор словаря полагает, что лексема *таз* в значении ‘часть скелета человека и животных’ могла быть названа «по широким тазовым костям с несколько вогнутым дном. Вообще тазовый пояс (в целом) до некоторой степени может напоминать посудину» [Черных, 1999, т. 2, с. 224]. Ту же версию происхождения находим в словаре А.К. Шапошникова [Шапошников, 2016, т. 2, с. 401]. Итак, лексема *таз* является исконно персидской лексемой, пришедшей в русский язык через арабское и тюркское посредство.

Итак, анализ происхождения лексем лексико-тематической группы «емкости для мытья, стирки, купания и переноса жидкости» показал, что ни одна из рассмотренных лексем или не является исконно тюркской, или не обладает бесспорной этимологией. Лексема *шайка*, очевидно, является заимствованием из турецкого языка, однако некоторые этимологи допускают ее немецкое происхождение (Н.В. Горяев). Лексемы *бадья* и *таз* являются персидскими, но вошли в русский язык через тюркское посредство, при этом лексема *таз* прошла более длинный путь заимствования – персидский этимон вошел в тюркские языки через арабский язык.

2.2. Семантика в русском языке XI–XXI вв.

Рассмотрим развитие семантики данных лексем в диахронии, обратившись к данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Словаря русского языка XVIII вв.», «Словаря Академии Российской» 1783–1794 гг. и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, работа над которым велась в XIX в., а также наиболее поздних словарей – «Большом академическом словаре современного русского языка», «Словаре русского языка» РАН и «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР и сравним их со значениями, отмеченными в текстах НКРЯ.

Лексема «шайка»

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *шайка* не зафиксирована по причине незаконченности работы над словарем, поэтому рассмотрим данные о развитии значений лексемы из словаря Черных, в котором приведены примеры использования лексемы *шайка* в XVII в. со значением ‘посудина’ и XVIII в. со значением ‘банда’: «в русском языке слово *шайка* (1) известно с XVII в. … в «Расходной книге устюжской таможни, 1633–1634 гг.: «собрано банного збору 44 р… И ис того числа… на **шайки**, и на веники…»; «В русском языке слово *шайка*

(2) известно с 1-й пол. XVIII в.: Вейсман, 1731 г., 241: “одна **шайка**, такой же плут”» [Черных, 1999, т. 2, с. 399]. В «Словаре Академии Российской» 1783–1794 гг. отмечено, что «***шайка*** – (1) родъ посудины деревянной объ одной рукояшкѣ, употребляемой для ношенія и черпанія воды; (2) ватага, нѣкоторое число людей. Говорится въ худую сторону» [САР, т. 6, с. 845]. В словаре В.И. Даля находим следующие данные: «***шайка***, ***шаечка*** – (1) обручная посудинка въ треть, въ четверть ведра, съ ухомъ, особ. въ баняхъ; (2) скопище дурныхъ людей, ватага вольницы, грабителей, воровъ, мошенническое товарищество» [Даль, 2000, т. 4, с. 637].

Итак, лексема *шайка* сохранила оба свои значения, начиная с их первой фиксации в письменных источниках XVII и XVIII в. до настоящего момента (см. выше – [БАС]). В настоящее время лексема *шайка* в значении ‘емкость’ и лексема *шайка* в значении ‘банда’ являются омонимами, что подтверждается большинством современных словарей [БАС; МАС и др.].

По данным НКРЯ, лексема *шайка* в прямом значении вступает в синтагматические отношения со следующими определениями: *дубовая*, *жестяная*, *эмалированная* и т.д., и используется при описании таких понятий, как *мытье*, *баня*, *стирка* и т.д., что отражают примеры разных временных периодов развития русского языка, начиная с первой половины XVIII в. и до настоящего времени, например: *Нет способу изъяснить толь жестокого прискорбия, когда ниоткуду мог надеяться помощи, видел себя от всех оставлена, в заключении неисходном, даже для телесной нужды выпуску не было, а принесена была деревянная* ***шайка***; *словом – объят был совершенным отчаянием*: *лишен семейства, дому и родства* (Л.А. Травин. Записки. 1806–1808); *Нужно наколоть полный железный тазик. В бане такой называют* ***шайка*** (В. Ланг. Калейдоскоп детства // Ковчег. 2013) (НКРЯ).

В НКРЯ нами не обнаружено ни одного примера употребления лексемы *шайка* в переносном значении. Однако эта лексема используется в сравнениях с целью придания высказыванию экспрессивности и образности, например: *Поднялся и вышел на балкон, с которого открывался вид на большой, но невзрачный пруд, тусклый в этот пасмурный день, как алюминиевая* ***шайка*** *в одесской бане* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2014) (НКРЯ). Примером скрытого сравнения – метафоры – служит следующее предложение: *Противно-тягучая слюна сползала из уголка рта, шелк пижамы прилип к спине, тишина опрокинулась* ***шайкой*** *ледяной воды после русской бани...* (О. Новикова. Мужской роман. 1999) (НКРЯ).

Кроме того, в НКРЯ отмечены примеры использования фразеологизма с данной лексемой *шайка-лейка* – прост. неодобр. ‘о группе людей, объединившихся для какой-л. преступной деятельности’ [СРФ, с. 633–634],

в том числе относящиеся к XXI в., например: *Сказала*: «*Поговори со своим другом-ювелиром, он наверняка знает, это же одна* ***шайка-лейка***» (А. Маринина. Последний рассвет. 2013) (НКРЯ). Это свидетельствует о функционировании данного фразеологизма в современном русском языке. Хотя фразеологизм обозначает преступную группу людей, в его внутренней форме есть отсылка к значению ‘емкость’, т.к. компонент *шайка* объединяется с компонентом *лейка*, имеющим значение 1. ‘сосуд для поливки растений в виде ведра с длинным носиком’; 2. прост. ‘то же, что и воронка (для переливания жидкости)’ [БАС, т. 9, с. 119], что позволило нам рассмотреть этот фразеологизм в рамках настоящей статьи.

Следует отметить, что в значении ‘банда’, выходящим за пределы настоящего исследования, лексема *шайка* обнаруживает значительно большее количество примеров по сравнению с примерами со значением ‘емкость’, причем в значении ‘банда’ она используется преимущество с негативной коннотацией.

Лексема «бадья»

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» находим следующие сведения: «***бадья*** (***бодья***) – 1. чаша. “А се даю с<ы>ну своему, князю Дмитрию… коропка сердонична зол<о>томъ кована, **бадья** серебрена с наливкою серебреною” Дух. и дог. гр., 16. 1358 г.; 2. бадья, деревянное ведро (для жидкостей, сыпучих тел). “Во Брянскѣ… сдѣлали колодезъ съ бадьями и съ канаты и со всякимъ колодезнымъ строеньемъ, да съ зелейной казнѣ… двѣ **бадьи** запасныхъ съ желѣзными ушами и съ обручи” АМГ I, 565. 1634 г. » [СЛРЯ XI–XVII, т. 1, с. 65]. В «Словаре русского языка XVIII века» отмечено, что «***бадья*** – род кадки. “Руда воротом в **бадьях** выносится на верьх” Прим. Вед. 1738 г.» [СЛРЯ XVIII, т. 1, с. 127]. В словаре В.И. Даля представлены следующие данные: «***бадья*** – 1. родъ ушата или большого ведра, изъ толстыхъ клепокъ, съ крѣпкой оковкой, для подъема изъ колодцевъ и рудниковъ воды, земли, руды и пр.; 2. у рыбаковъ банка, лохань, въ которой они держатъ рыбу и разносят на продажу; 3. *кстр*. родъ большой и высокой глиняной чашки, въ родѣ таза; 4. раст. Typha, тырлычъ, турлучъ, чаканъ, палочникъ, рогозъ, куга, початки, пыжъ, чижъ» [Даль, 2000, т. 1, с. 37].

Итак, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксировано два значения лексемы *бадья*. Ее первая фиксация в значении ‘1. чаша’ отмечена в 1358 г. Данное значение совпадает со значением этимона лексемы *бадья*: перс. *bādiya* – ‘чаша, сосуд’. Ученые-этимологи (М. Фасмер, Н.М. Шанский, А.Е. Аникин) единогласны в своем мнении о персидском происхождении данной лексемы, ее заимствовании из персидского

в тюркские языки и последующем вхождении через тюркское посредство в русский язык. Очевидно, *лексема* бадья была заимствована в русский именно в своем исконном значении ‘чаша, сосуд’ и в дальнейшем развила свое основное современное значение.

В другом, приближенном к современному значении ‘2. бадья, деревянное ведро (для жидкостей, сыпучих тел)’ лексема отмечается значительно позже, спустя почти 300 лет, в 1634 г. Древнее название чаши переходит на более крупную емкость – бадью, эти названия являются когипонимами по отношению к гипероним «сосуд». В «Словаре русского языка XVIII века» отмечено только одно значение исследуемого слова: ‘1. род кадки’. В XIX в. в словаре В.И. Даля отмечены три значения: два ранее не отмеченных (специальное и диалектное) и одно унаследованное из языка XVII в. Кроме того, в словаре Даля отмечен омоним лексемы *бадья*, который является одним из диалектных наименований – народным фитонимом, обозначающим растение рогоз. Наименование растения *бадья*, вероятно, возникло и получило распространение в народе ввиду удобства применения листовой пластины рогоза при обработке дерева, а именно при конопачении деревянных сосудов для хранения жидкости (бадей, бочек). Представленные примеры толкования значения лексемы *бадья* позволяют сделать вывод о том, что первое ее значение ‘чаша’, очевидно, рано утратилось, т.к. в словарях XVIII в. и позже данное значение уже не фиксируется. Второе, более позднее значение ‘ведро, кадка’ сохранилось до настоящего времени.

В большинстве текстов НКРЯ лексема *бадья* используется в прямом значении, вступает в синтагматические отношения с такими определениями, как *деревянная*, *металлическая*, *жестяная* и т.д., и чаще всего используется при описании таких понятий, как *вода*, *бетон*, *шахта* и т.д., что подтверждается примерами разных временных периодов развития современного русского языка, начиная с XVIII в. до настоящего времени, например: *Вареніе купороса производится въ желѣзныхъ котлахъ, а осажденіе въ кристаллы въ деревянныхъ* ***бадьяхъ***» (В.М. Севергин. Начертаніе технологіи минеральнаго царства. 1821); *Бурили глубокие колодцы,* ***бадьями*** *поднимали из них рассол, который наливали в большие железные сковороды, разводили под ними огонь и вываривали соль* (М.Б. Бару. Второй сон Любови Александровны // Волга. 2015) (НКРЯ).

Примеры использования лексемы *бадья* в переносном значении нами не обнаружены, но эта лексема используется как элемент сравнительных конструкций, например: «Я точно знаю теперь одно: если не продолжать борьбу, не взбивать, как лягушка в **бадье** с молоком, лапками масло, псюхе погубит меня, – думал N» (И. Бояшов. Кокон // Октябрь. 2013) (НКРЯ).

Лексема «таз»

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» находим следующие сведения: «***тазъ*** – 1. таз, круглый или овальный неглубокий сосуд. “Дал Семен Кокора вкладу в монастыр<ь> три рубли… да сани за пят<ь> алтын, да **таз** за пят<ь> алтын. Кн. Прих. Корел. м. № 934, 5” об. 1551 г.; 2. как бытовая мера объема жидких тел (1533 г.). “И нача из болячки идти гною помалу и поелику бол<ь>ши, яко до полу **таза** и по **тазу**”. Новг. IV лет., 554» [СЛРЯ XI–XVII, т. 29, с. 175]. В «Словаре Академии Российской» обнаруживаем, что «***тазъ*** – металлической или глиняной глубокой, круглой и широкой сосуд» [САР, т. 6, с. 9]. В словаре В.И. Даля представлены следующие данные «***тазъ*** – (1) мѣдная, желѣзная лохань, бол. для умыванья, для варки варенья, для мелкой стирки и пр.; (2) въ тѣлѣ члв. и животн. часть отъ чреслъ до конца туловища…» [Даль, 2000, т. 4, с. 395–396].

Основное значение лексемы *таз* ‘сосуд круглой формы’ сохраняется практически неизменным с XVI в. по настоящее время. На протяжении развития в русском языке данная лексема утратила свое раннее значение ‘мера объема’, о чем свидетельствует отсутствие этого значения в словарях XVIII–XIX вв. и позже. Однако в словаре В.И. Даля (XIX в.) у данной лексемы отмечено новое терминологическое значение ‘часть скелета человека и животного’, являющееся в настоящее время единственным русским терминологическим наименованием называемого денотата. Значение *таз* (2) – ‘емкость в основании позвоночника, которая является костным вместилищем для органов человека или животного’ – образовано в результате метафорического переноса на основе значения *таз* (1) – ‘широкая неглубокая емкость для мытья или хранения чего-либо’.

В текстах НКРЯ эта лексема используется преимущественно в прямом значении и вступает в синтагматические отношения с такими определениями, как *алюминиевый*, *медный* и т.д., и зачастую используется при описании таких понятий, как *вода*, *стирка* и т.д., что демонстрируют примеры разных временных периодов развития русского языка, начиная с середины XVIII в. до настоящего времени, например: *Или возьми самый чистый таз, влей в него воды, поставь в чистом месте на ночь, поутру воду слей и посмотри, не пристала ль от воды к* ***тазу*** *какая зелень и буде пристала, то вода худа* (М.В. Ломоносов. Лифляндская экономия (перевод). 1747); *Рядом выставил медный* ***таз****, в котором они с Кларой обычно попеременно мылись, и черпак для воды* (Г. Яхина. Дети мои. 2018).

Нами не обнаружены примеры использования лексемы *таз* в переносном значении. В НКРЯ также отмечены примеры с лексемой *таз* в переносном значении, однако она используется в качестве элемента

сравнения, например: *Несомненно, где-то за горизонтом этих ужасных слов погромыхивает* ***тазами*** *личная неустроенность и профессиональная несостоятельность, психопатия, может быть, даже проказа или чума* (Земляным червяком (2015.10)); *На университете, как на Дон Кихоте* ***таз****, висела туча* (В.М. Шапко. Кошка, пущенная через порог // Волга. 2013).

Кроме того, в НКРЯ зафиксированы примеры использования фразеологизмов с данной лексемой: *накрыться медным тазом* – ‘закончиться, провалиться, расстроиться (о деле); потерпеть неудачу, разориться (о человеке)’ [Словарь русского арго, с. 269], например: *А не думаете ли Вы, осторожно спрашивал его изумленный Олег Басилашвили, что, ежели не голосовать, ежели бюллетень-то с полной ответственностью не опустить в урну, то вся их работа, вкупе с клубами и жаркими странами, может накрыться в один миг* ***медным тазом****?* (Запись LiveJournal. 2004); *Читатели восторженно трубили в медные трубы, критики спешили прихлопнуть его* ***медным тазом*** (И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский. 2015). Второй пример свидетельствует об окказиональной лексической вариативности глагольного компонента данного фразеологизма. Приведенные примеры последних десятилетий являются подтверждением функционирования данного фразеологизма в современном русском языке. Еще один фразеологизм с данной лексемой *сиять/засиять как медный таз* – ирон. ‘всем своим видом обнаруживать радость, счастье’ [СФСРЯ, с. 272] – также отмечен в НКРЯ, однако в единственном примере: [*Петровский* (*муж*, *студент*)] *Тенор* ***сияет****,* ***как медный таз*** *на солнце.* (Л.Н. Андреев. Gaudeamus. Комедия в четырех действиях. 1910)».

Таким образом, развитие значений рассмотренных лексем исследуемой лексико-тематической группы шло разными путями:

1) лексемы-омонимы *шайка* – ‘сосуд для мытья’ и *шайка* – ‘банда’ сохранили свои значения с момента их первой письменной фиксации по сегодняшний день;

2) лексема *бадья* не сохранила свое самое раннее значение – ‘чаша’, оно вышло из употребления к XVIII в., а ее второе, более позднее, значение – ‘ведро, кадка’ сохранилось с XVII в. по настоящее время, приобретя оттенок значения ‘ведро, кадка для подъема руды или земли из шахт’;

3) лексема *таз* с XVI в. по настоящее время сохраняет свое первое значение – ‘сосуд круглой формы’, а с XIX в. у нее появляется второе медицинское терминологическое значение – ‘часть скелета человека и животного’, которое актуально и в настоящее время.

На основании рассмотренных данных можно сделать вывод о том, что с точки зрения семантической эволюции анализируемые лексемы обнаруживают определенное сходство: все три лексемы на протяжении истории развития сохранили свое основное значение практически неизменным. При этом лексема *таз* приобрела медицинское терминологическое значение. В современном русском языке лексемы *шайка* и *таз* являются многозначными, а лексема *бадья* имеет дополнительный оттенок основного значения.

По данным НКРЯ, в современном русском языке лексемы *шайка*, *бадья* и *таз* функционируют преимущественно в своих прямых литературных значениях и могут употребляться в качестве элементов сравнительных оборотов с целью придания тексту экспрессивности и образности.

Лексемы *шайка* и *таз* также используются в качестве компонентов фразеологизмов.

2.3. Семантика в диалектах

В отличие от литературного языка, диалекты демонстрируют большее разнообразие значений лексем рассматриваемой лексико-тематической группы. Рассмотрим диалектные значения лексем *шайка*, *бадья и таз*, обратившись к «Словарю русских народных говоров» под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова.

Лексема *шайка* не зафиксирована в «Словаре русских народных говоров», вероятно, ввиду незаконченности работы над словарем. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, включающем данные не только из литературного русского языка, но и из диалектов, мы также не обнаружили диалектные значения анализируемой лексемы (литературные значения из данного словаря были рассмотрены ранее) [Даль, 2000, т. 4, с. 637].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксировано 8 диалектных значений лексемы *бадья*: 1. ‘глубокий глиняный таз (Костром.)’; 2. ‘выдолбленная из дерева посудина, кадушка для хранения припасов (обычно – меда) (Арх., Уфим., Перм., Челяб., Том., Оренб.)’; 3. ‘круглая или овальная неглубокая деревянная лохань с двумя ручками без ножек, в которой рыбаки разносят и продают рыбу (Том., Челяб.)’; 4. ‘деревянная закрытая посудина для смолы с дыркой в крышке (Петерб.)’; 5. ‘на соляных варницах – цилиндр из железа или дерева с клапаном на дне, часть рассольной трубы (Перм., Урал.)’; 6. ‘днище, выпиленное из бочки (Арх.)’; 7. ‘шест, с помощью которого поднимают воду из колодца (Казан.)’; 8. ‘перен. бран. о толстой женщине (Арх.)’. Там же

обнаруживаем два диалектных варианта произношения и написания данной лексемы: *бадьё* (Терск.), *бадьяк* (Том.) [СРНГ, т. 2, с. 41–42].

Значения 1–4 являются оттенками основного прямого значения лексемы *бадья*, причем толкования значения 2 и 4 могут быть определены как ‘закрытые емкости, применяемые в основном для хранения’, а толкования 1 и 3 – как ‘открытые емкости, применяемые по большей части для использования содержимого (кормление животных, стирка и т.д.)’. Значение 5, по всей видимости, появилось как метафорическое. Значение 6 является результатом синекдохи – перенос наименования с целого на его часть. Значение 7, по нашему мнению, появилось в результате метонимического переноса – смежное употребление двух предметов – бадьи и шеста, однако допустимо и независимое от исследуемого слова возникновение в языке, тогда данное значение и основное значение лексемы *бадья* омонимичны. Значение 8 основано на метафорическом переносе по сходству формы и является негативной характеристикой лица женского пола.

Итак, в диалектах русского языка лексема *бадья* демонстрирует больше значений, в том числе переносных, по сравнению с русским литературным языком, что говорит о большем распространении этого слова в диалектах, чем в литературном языке.

Лексема *таз* обнаруживает 4 диалектных значения: ‘1. глиняная посуда, в которой растворяли дрожжевое тесто (чаще из пшеничной муки) (Калин., Яросл.); 2. глиняный горшок разной величины и вместимости (для молока, сметаны, масла) (Арх., Яросл.); 3. блюдо (Пенз.); 4. противень (Ряз.)’ [Там же]. Все предметы, обозначаемые данной лексемой, связаны с процессом хранения продуктов или приготовления пищи и достаточно близки к основному прямому значению литературного языка. Терминологическое медицинское значение данной лексемы не получило распространения в диалектах русского языка. В диалектах также обнаруживаем 4 деривата лексемы *таз* с уменьшительно-ласкательным значением: *тазик* (Яросл.), *тазина* (Свердл., Яросл.), *тазинка* (Свердл., Орл.), *тазок* (Яросл.) [Там же, с. 217].

Итак, в процессе своего развития в различных диалектах русского языка у лексемы *бадья* развились новые значения, в том числе переносные, образованные на основе метафоры и метонимии. Так, в архангельских диалектах русского языка характерным является употребление данной лексемы для обозначения человека с ярко выраженной отрицательной коннотацией: *бадья* – ‘полная женщина’ (Арх.). Данные значения не зафиксированы в русском литературном языке (по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Словаря русского языка XVIII века», «Словаря Академии Российской», «Большом академическом словаре современного русского языка», «Словаря русского

языка» РАН). Лексема *таз* также развила новые значения, по большей части близкие к ее основному значению в литературном языке. Так как работа над диалектным словарем не закончена, сделать вывод о развитии семантики лексемы *шайка в* диалектах в настоящее время не представляется возможным.

3. Заключение

Таким образом, анализ лексем лексико-тематической группы «емкости для мытья, стирки, купания и переноса жидкости» показал, что с точки зрения происхождения лексемы *шайка*, *бадья* и *таз* не являются бесспорно тюркскими. С наибольшей долей достоверности восходит к тюркскому источнику только лексема *шайка*, однако есть предположение о немецком источнике заимствования. Лексемы *бадья* и *таз* заимствованы в русский язык через тюркское посредство из персидского.

С точки зрения семантической эволюции все лексемы анализируемой лексико-тематической группы сохранили свое основное значение практически неизменным с момента его первой фиксации в письменных источниках. В современных и исторических словарях русского языка нами обнаружены как прямые, так и переносные, образованные на основе метафоры и метонимии, значения данных лексем. В частности, посредством метафоры лексема *таз* приобрела медицинское терминологическое значение, являющееся единственным обозначением соответствующего понятия в русском языке. У лексемы *бадья* в архангельских диалектах отмечается значение, используемое для описания лица женского пола с негативной коннотацией, что свидетельствует об активном использовании этого слова в данных диалектах русского языка.

С точки зрения функционирования в современном русском языке, по данным НКРЯ, лексемы *бадья* и *таз* употребляются как в прямом, так и в переносном значении (например, на основе семы «размер»), а лексема *шайка* – только в прямом значении. При этом наиболее частотной является лексема *таз*, а наименее частотной – лексема *шайка* (в значении ‘емкость’).

С точки зрения фразеологического потенциала две из трех лексем (*шайка* и *таз*) используются в качестве компонентов фразеологизмов в современном русском языке (по данным НКРЯ).

Итак, лексемы *шайка*, *бадья* и *таз*, образующие лексико-тематическую группу «емкости для мытья, стирки, купания и переноса жидкости» были заимствованы в древний период, сохранили свои ранние значения на протяжении истории своего развития и продолжают фиксироваться в современных толковых словарях русского литературного языка и русских диалектов. Данные лексемы достаточно активно

употребляются в современном русском языке и не воспринимаются носителями языка как чужеродные: они функционируют в сравнительных конструкциях при описании предметов, явлений природы, людей и др. Кроме того, наблюдается расширение сферы употребления анализируемых лексем за счет преобразований метафорического и метонимического характера как в русском литературном языке, так и в его диалектах.

Библиографический список/ References

Аникин, 2007–2021 – Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–2021. [Anikin A.E. Russkii etimologicheskii slovar [Russian etymological dictionary]. Moscow, 2007–2021.]

БАС, 2004–2021 – Большой академический словарь русского языка / К.С. Горбачевич и др. Т. 1–27. СПб., 2004–2021 (издание продолжается). [Gorbachevich K.S. et al. Bolshoi akademicheskii slovar russkogo yazyka [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1–27. St. Petersburg, 2004–2021 (the publication continues)]

Даль, 2000 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2000. [Dal V.I. Tolkovyi slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. In 4 vols. Moscow, 2000.]

МАС, 1999 – Словарь русского языка: в 4-х т. / А.П. Евгеньева и др.; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М., 1999. [Evgenyeva A.P. et al. Slovar russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1999.]

Сагитова, 1992 – Сагитова А.Г. Тюркизмы в названиях предметов домашнего обихода. автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 1992. [Sagitova A.G. Tyurkizmy v nazvaniyakh predmetov domashnego obikhoda [Turkisms in the names of household items]. PhD theses. Kazan, 1992.]

САР, 1806–1822 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб., 1806–1822. [Slovar Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi [Dictionary of the Russian Academy, arranged in alphabetical order]: In 6 vols. St. Petersburg, 1806–1822.]

СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / С.Г. Бархударов и др. М., 1975–2015. [Barkhudarov S.G. et al. Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries.]. Moscow, 1975–2015.]

СЛРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Ю.С. Сорокин и др.; АН СССР. Л., 1984–1991. [Sorokin Yu.S. et al. Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, 1984–1991.]

ССРЛЯ, 1948–1965 – Словарь современного русского литературного языка / В.И. Чернышева и др. В 17 т. М., 1948–1965. [Chernysheva V.I. et al. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. In 17 vols. Moscow, 1948–1965.]

Срезневский, 1893–1912 – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1912. [Sreznevskii I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. Vol. 1–3. St. Petersburg, 1893–1912.]

СРНГ, 1965–2021 – Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин и др. Л., 1965–2021 (издание продолжается). [Filin F.P. et al. Slovar russkikh narodnykh

govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, 1965–2021 (the publication continues).]

СРФ – Бирих А.К, Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб., 1998. [Birich A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar russkoj frazeologii: istoriko-etimologicheskiy spravochnik [Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological handbook]. St. Petersburg, 1998.]

СФСРЯ – Мокиенко В.М., Степанова Л.И., Бирих А.К. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ок. 7000 фразеологизмов, свыше 900 синонимических рядов. М., 2023. [Mokienko V.M., Stepanova L.I., Birich A.K. Slovar frazeologicheskix sinonimov russkogo yazyka. Okolo 7000 frazeologizmov, svyshe 900 sinonimicheskix ryadov [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language. About 7000 phraseological units, over 900 synonymous series]. Moscow, 2023.]

Фасмер, 1973 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1973. [Vasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazyka [Russisches etymologisches Wörterbuch]. In 4 vol. Moscow, 1973.]

Черных, 1999 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1999. [Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the Modern Russian language]. In 2 vols. Moscow, 1999.]

Шанский, 1963–2014 – Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский и др. М., 1963–2014. [Shanskii N.M. et al. Etimologicheskii slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1963–2014.]

Шапошников, 2016 – Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2016. [Shaposhnikov A.K. Etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka [Etymological dictionary of the modern Russian language]. In 2 vols. Moscow, 2016.]

Юналеева, 2002 – Юналеева Р.А. Тюркизмы в русском языке: (Проблемы полиаспектного исследования). Казань, 2002. [Yunaleeva P.A. Tyurkizmy v russkom yazyke: (Problemy poliaspektnogo issledovaniya) [Turkisms in the Russian language: (Problems of multidimensional research)]. Kazan, 2002.]

Статья поступила в редакцию 09.09.2024
The article was received on 09.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Стремянова Ольга Игоревна – аспирант кафедры общего языкознания им. И.Г. Добродомова Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Olga I. Stremyanova – post-graduate student at the Department of General Linguistics of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

ORCID: https://orcid.org/0009-0007-7148-7839
E-mail: ostremyanova@yandex.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2025.1

Сайт журнала: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.03.2025.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 8,63 п. л. Тираж 1000 экз.